

ISSN 2305-5146

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

**«Лингвистика и межкультурная
коммуникация»**

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология

Выпуск № 15, 2014 г.

УДК 800 : 37
ББК 81

ISSN 2305-5146

Редакционный совет Научного вестника Воронежского ГАСУ:

Проскурин Д.К., канд. физ.-мат. наук, доц.;

Рудаков О.Б., д-р хим. наук, проф.;

Суровцев И.С., д-р техн. наук, проф.

Редакционная коллегия серии:

Ковалева Л.В. - д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (главный редактор);

Лапынина Н.Н. - канд. фил. наук, проф. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (зам. главного редактора), Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член РОПРЯЛ;

Кольцова Л.М. - д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка ВГУ, член РОПРЯЛ;

Клобукова Л.П. - д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. Ломоносова, действительный академик Международной академии наук педагогического образования, вице-президент РОПРЯЛ;

Томтогтох Гомбо - д-р Ph.D, проф., ведущий проф. отделения азиатских языков Института прикладной лингвистики Монгольского Государственного Университета науки и технологии (МГУНТ), член МАПРЯЛ, член ученого совета МГУНТ, член Ученого совета по защите докторских (Ph.D) диссертаций лингвистических наук;

Оглядыкова Л.Б. - д-р фил. наук, проф. кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета;

Белякова С.М. - д-р фил. наук, проф. кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета;

Коростылева Н.Н. – д-р социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации;

Намакштанская И.Е. – канд. фил. наук, проф., зав. кафедрой прикладной лингвистики и этнологии ДонНАСА;

Бугакова Н.Б. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;

Воронова Т.А. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;

Сулемина О.В. – канд. фил. наук, ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (отв. секретарь).

В серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника опубликованы результаты научных исследований учёных, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам лингвистики, методики преподавания языков, литературоведения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, концептологии и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна всем тем, кто интересуется проблемами современной лингвистической науки, межкультурной коммуникации, литературоведением и методикой преподавания языков в вузе и школе.

Адрес редакции:
394006, г. Воронеж, ул.20-летия Октября,
д. 84, комн. 5203
тел: (473) 271-50-48

© Воронежский ГАСУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора серии.....	4
--	----------

Лингвистика

Ковалев Г.Ф. О псевдонимах отечественных писателей.....	6
Безруков В.А. Лингвистические средства формирования положительного имиджа в общественно-политическом дискурсе (на примере речей Б. Обамы).....	13
Недоступова Л.В. Прозвища как компонент лингвориторической картины мира (на материале речи жителей поселка 2-я Вознесенка Таловского района Воронежской области).....	21
Суханова Т.В. Сопоставительный анализ словесного образа женщины начала и конца 20 века в творчестве Т.Толстой.....	26

Методика преподавания языков

Жидкова Ю.Б., Федотова Н.В. Устная форма речи и ее место в системе обучения русскому как иностранному.....	30
Токарева Г.В. Новые возможности изучения русского языка как иностранного в условиях развития студенческой инициативы в техническом вузе.....	36
Перевалова С.Г. Формирование лексической и культурологической компетенции студентов языковых факультетов посредством изучения фразеологических оборотов, берущих свое начало из французской художественной литературы (На материале басен Лафонтена).....	42
Жесткова Е.А., Казакова В.В., Лезина А.В. Современные подходы к анализу поэтического текста на уроках литературного чтения в начальной школе.....	53

Аспекты изучения художественного текста

Кузьминых Е.О. Пространственная символика в эпосе И.С. Шмелева «Солнце мертвых».....	59
Безатосная О.М. Образ Сергия Радонежского в рассказе Б.К.Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский».....	68
Скуридина С.А. «Каменные» имена в творчестве Ф.М. Достоевского.....	72
Попова Ю.С. «Безликая сила пола» или «лик любви»? (любовь и смерть в рассказе И.А. Бунина «Сын»).....	78
Новикова М.В. Мотив игры в сборнике В. Шершеневича «Лошадь как лошадь».....	82

Межкультурная коммуникация

Козюра Т.Н. Глаголы лексико-семантической группы зрительного восприятия в грамматических залоговых конструкциях русского и французского языков.....	87
Гайдукова Т.М. Обозначения цвета глаз человека в произведениях немецких писателей.....	92
.....	10

Тимошенкова Г.Ю.	Обращение	в	русском	и	вьетнамском	3
языках.....						

Лингвокультурология

Ревякина Т.Л., Хашаш А.	Коммуникативное	поведение	жителей	10
Палестины.....				9
Федотова Н.В., Жидкова Ю.Б.	К вопросу о межкультурной составляющей учебного процесса: учет особенностей коммуникативного поведения армян.....			11
Правила оформления статей		в	Научном	11
Вестнике.....				8

Вступительное слово главного редактора серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Вниманию читателей предлагается очередной пятнадцатый выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» государственного архитектурно-строительного изданию коллективом кафедры русского языка. Данный выпуск содержит статьи, посвященные современным теоретическим и практическим лингвистическим исследованиям и вопросам методики преподавания русского языка.

Необходимо отметить, что авторами данных статей являются кандидаты наук российских вузов, а также аспиранты и студенты. Данный выпуск серии содержит 18 научных статей.

Выпуск состоит из пяти разделов: I – «Лингвистика», II – «Лингвистика и межкультурная коммуникация», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Лингвокультурология».

В разделе «Лингвистика» представлены работы по современному языкознанию. В них исследуются проблемы современного русского языка (Недоступова Л.В.), способы формирования имиджа (Безруков В.А.), рассматривается образ женщины в современном русском языке (Суханова Т.В.).

Во втором разделе – «Методика преподавания языков» – представлены работы, в которых поднимаются вопросы формирования коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения (Жидкова Ю.Б., Федотова Н.В.), развития студенческой инициативы при изучении русского языка как иностранного (Токарева Г.В.) и т.д.

В разделе «Аспекты изучения художественного текста» содержатся статьи, посвященные исследованию языка писателей. Это работы Безатосной О.М., Скуридиной С.А., Поповой Ю.С. и др.

Четвертый раздел – «Межкультурная коммуникация» – включает работы, посвященные особенностям употребления глаголов лексико-семантической группы зрительного восприятия в русском и французском языках (Козюра Т.Н.). Рассматриваются обозначения цвета глаз в работах немецких писателей (Гайдукова Т.М.), использование обращений в русском и вьетнамском языках (Тимошенкова Г.Ю.).

Пятый раздел – «Лингвокультурология» – посвящен описанию особенностей коммуникативного поведения жителей Палестины (Ревякина Т.Л., Хашаш А.) и Армении (Федотова Н.В., Жидкова Ю.Б.).

Содержащиеся в пятнадцатом выпуске серии научные работы охватывают вопросы проблем современной лингвистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и изучения языка художественных текстов.

Полагаем, что данная серия будет интересной и полезной для специалистов-филологов, преподавателей русского языка как иностранного, литературоведов, аспирантов.

Главный редактор серии

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского ГАСУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

*Воронежский государственный университет
д. филол. наук, проф. кафедры славянской
филологии
Ковалев Г.Ф.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(473)220-84-97,
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru
УДК 81.373*

*Voronezh State University
Doctor of philological sciences,
professor
Kovalev G.
Russia, Voronezh,
+7(473)271-50-48,
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

Г.Ф. Ковалев

О ПСЕВДОНИМАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Статья посвящена проблеме истории псевдонимов некоторых отечественных писателей. Истории разные, но очень полезные для исследователей творчества этих писателей, поскольку выбор псевдонима и условия его использования в литературном процессе многое могут рассказать об индивидуальности того или иного автора.

Ключевые слова: псевдоним, фамилия, выбор имени, А.А. Ахматова, Черубина де Габриак, Даниил Хармс, псевдонимы Сергея Довлатова.

G.F. Kovalev

ABOUT ALIASES OF RUSSIAN WRITERS

The article deals with the history of nicknames of some Russian writers. Stories are different, but very useful for researchers of these writers, since the choice of alias and conditions of its use in the literary process can tell much about the personality of an author.

Keywords: alias, name, name selection, AA Akhmatova, Cherubina de Gabriak, Daniil Kharms, alias of Sergei Dovlatov.

А.А. АХМАТОВА

А.А. Ахматова очень болезненно воспринимала свою девичью фамилию. К. Чуковский вспоминал:

«Этот Голлербах, – говорила она, присылал мне стихи, очень хвалебные. Но вот в книжке о Царском Селе – черт знает что он написал обо мне. Смотрите!

Оказывается, что в книжке об Анне Ахматовой Голлербах осмелился указать, что девичья фамилия Ахматовой – Горенко!! «И как он смел! Кто ему позволил! Я уже просила Лернера передать ему, что это черт знает что!»

Чувствовалось, что здесь главный пафос ее жизни, что этим, в сущности, она живет больше всего.

– Дурак такой! – говорила она о Голлербахе. – У его отца была булочная, и я гимназисткой покупала в их булочной булки, – отсюда не следует, что он может называть меня... Горенко» [13; с. 201-202].

Л.К. Чуковская как-то спросила А.А. Ахматову, кто придумал ее псевдоним. Та ответила: «Никто, конечно. Никто мной тогда не занимался. Я была овца без пастуха. И только семнадцатилетняя шальная девчонка могла выбрать татарскую фамилию для русской поэтессы. Это фамилия последних татарских князей из Орды. Мне потому пришлось на ум взять себе псевдоним, что папа, узнав о моих стихах, сказал: «Не срами мое имя». – «И не надо мне твоего имени!» – сказала я» [12; с. 67-68].

В.Е. Ардов вспоминал: «В пятидесятых годах Анна Андреевна говорила мне: – Только в очень ранней молодости можно, входя в русскую литературу, взять себе татарское имя.

И еще: во время войны, в эвакуации в Ташкенте, Анне Андреевне приходилось выслушивать сожаления, что она – Ахматова, а не Ахметова. Ибо с буквою «а» это имя принадлежит казанским татарам, а с буквою «е» принадлежало бы узбекам.

И все-таки ее чествовали в Ташкенте как внучку Бабура. (Бабур – один из прямых потомков Чингиз-хана).

А в Казани говорили:

– Татарская женщина выглядит не как Сейфуллина. Татарская женщина – это Ахматова...» [1; с. 63].

А вот слова Н.С.Гумилева: «Я ведь был катастрофически влюблен и на все готов, чтобы угодить Ахматовой. Впрочем, она тогда была еще Анна Горенко. Ахматовой она стала позже, уже моей женой. Ахматова – фамилия ее бабушки-татарки, той самой, о которой она писала:

Мне от бабушки-татарки
были редкостью подарки...» [7; с. 297].

В.А. Пяст даже полагал, что именно фамилией *Ахматовой* навеяно название такого литературного направления, как *акмеизм* (хотя сама А.А. Ахматова это отрицала): «Самое слово "акмеизм", хотя и производилось будто бы от греческого "акмэ" – "острие", "вершина", – но было подставлено, подсознательно продиктовано, пожалуй, именно этим псевдонимом-фамилией. "Ахматов" – не латинский ли здесь суффикс "ат", "атум", "атус"... "Ахматус" – это латинское слово по законам французского языка превратилось бы именно во французское "акмэ", – как "аматус" в "эме", во французское имя "Aimé", а *armatus* в *armé*» [8; с. 33].

Сама же А.А. Ахматова в разговоре с Э. Бабаевым отвергла такое предположение: «Название "акмеизм" возникло случайно. Мы искали новое слово, которое могло бы стать в одном ряду с "символизмом". Раскрыли словарь наудачу – вышло "акмэ". Слово понравилось» [2; с. 411].

«ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК» В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Елизавета Ивановна Дмитриева (1887-1927) вошла в русскую поэзию со скандально знаменитым псевдонимом «Черубина де Габриак».

М.И. Цветаева в разговоре с М.А. Волошиным выпрашивала об истории псевдонима Е.И. Дмитриевой «Черубина де Габриак»:

«Как же ее будут звать? Черубина рождалась в Коктебеле, где тогда гостила Е.И.Д. Однажды, год спустя, держу у Макса на башне какой-то окаменелый корень, принесенный приливом, оставленный отливом.

"А это, что у тебя сейчас в руках, это – Габриак. Его на песке, прямо из волны, взяла Черубина. И мы сразу поняли, что это – Габриак". – "А Габриак – что?" – "Да тот самый корень, что ты держишь. По нему и стала зваться

Черубина". – "А Черубина откуда?" – "Черубина, то есть женское от Херувим, только мы *К* заменили *Ч*, чтобы не совсем от Херувима". Я, впадая: "Понимаю. От черного Херувима» [11; с. 197].

Несколько по-иному рассказывает эту же историю переводчица Е.К. Герцык: «В редакции "Аполлона" читались и обсуждались стихи молодых поэтов. Среди выступавших была Д. Незаметная, некрасивая девушка – и эстетствующий редактор С.Маковский с обидным пренебрежением отнесся к ней и прочтенному ею. Через некоторое время он получил по почте цикл стихов. Женщина-автор тоном светской болтовни ссылаясь на свою чуждость литературным кругам, намекала на знатное и иностранное происхождение. Стихи были пропитаны католическим духом, пряным и экстатичным. Тематика их, обаятельное имя Черубины, глухие намеки пленили сноба Маковского. Стихи сданы в набор, он приглашает автора в редакцию. Она отказывается. Маковский шлет ей цветы, по телефону настаивает на встрече... Какие литературные реминисценции подсказали эту игру? Не помню в точности, в какой мере М. Волошин участвовал в ней и какие мотивы преобладали в нем, – страсть ли к мистификации, желание осмеять литературный снобизм, рыцарская защита женщины-поэта? Но он был упоен хитро вытканым узором и восхищался талантливостью Д. В книгах по магии он выискал имя захудалого чертенка Габриак и, приставив к нему дворянское "де", забавлялся: "Они никогда не расшифруют!"» [4; с. 159-160].

А вот как эта история выглядит со слов самого М.А. Волошина: «Я начну с того, с чего начинаю обычно, – с того, кто был Габриак. Габриак был морской черт, найденный в Коктебеле, на берегу моря, против мыса Мальчин (Мальчин ["место выпаса скота", *татарск.*] – мыс, замыкающий Коктебельскую бухту с юго-запада). Он был выточен волнами из корня виноградной лозы и имел одну руку, одну ногу и собачью морду с добродушным выражением лица.

Он жил у меня в кабинете, на полке с французскими поэтами, вместе со своей сестрой, девушкой без головы, но с распущенными волосами, также выточенной из виноградного корня, до тех пор пока не был подарен мною Лиле (Елизавета Ивановна Дмитриева [в замужестве Васильева, 1887–1927] – поэт, прозаик, переводчик). Тогда он переселился в Петербург на другую книжную полку.

Имя ему было дано в Коктебеле. Мы долго рылись в чертовских святцах ("Демонология" Бодена) и наконец остановились на имени "Габриах". Это был бес, защищающий от злых духов. Такая роль шла к добродушному выражению лица нашего черта. <...>

Лиля – скромная, не элегантная и хромяя – удовлетворить его (С.К. Маковского), конечно, не могла, и стихи ее были в редакции отвергнуты.

Тогда мы решили изобрести псевдоним и послать стихи письмом. Письмо было написано достаточно утонченным слогом на французском языке, а для псевдонима мы взяли наудачу черта Габриаха. Но для аристократичности Черт обозначил свое имя первой буквой, в фамилии изменил на французский лад окончание и прибавил частицу "де": Ч. Де Габриак.

Впоследствии "Ч" было раскрыто. Мы долго ломали голову, ища женское имя, начинающееся на "Ч", пока, наконец, Лиля не вспомнила об одной Брет-Гартовской героине. Она жила на корабле, была возлюбленной многих матросов и носила имя Черубины» (История Черубины (Рассказ М. Волошина в записи Т. Шанько) [4; с. 179-181].

Кстати, слово «Габриак», запущенное М. Волошиным, оказалось затем в ходу. Вот как оно «работает» в тексте А. Седых о коктебельском собрании М.Волошина:

«Здесь были хрусталь и аметисты Карадага, кусты белых кораллов и фантастические габриаки – корни деревьев, источенные и вышлифованные морем и выброшенные прибоем на берег. Теперь эти мертвые, высушенные корни очень модны и украшают самые "модернистические" квартиры. Волошин собирал габриаки полвека назад, когда об этом еще никто не думал» [9; с. т39]. Однако «де Габриак» – совершенно не вымышленное имя. Оно было хорошо известно в пушкинскую пору. Одна из племянниц Дениса Давыдова, Китти Давыдова-Грамон, как вспоминала А.О.Смирнова-Россет, «...вышла замуж за Габриака (ее сын – известный иезуит отец де Габриак)...».

Д.И. ХАРМС

Н.К. Чуковский рассказал нечто об истории псевдонима Д.И. Хармса: «Его звали Даниил Иванович Ювачев. Хармс – его литературный псевдоним. Но он почему-то скрывал от знакомых свою настоящую фамилию, словно стыдился ее. Помню, один раз он уверял меня, что настоящая его фамилия – Кармс; в другой раз он называл какую-то двойную польскую фамилию, звучащую очень изысканно, и утверждал, что род его происходит от крестоносцев, завоевавших Иерусалим. На галстук он носил странную заколку, изображавшую замок с башнями; разумеется, он уверял, что это родовой замок его предков. Возможно, ему так хотелось быть аристократом, потому что он был женат на княжне Голицыной» [14; с. 258-259].

А вот как описывает ситуацию с псевдонимом Д. Хармса И. Бахтерев: «Псевдоним Хармс Даниил придумал давно, – кажется, в последнем классе школы. Он зачитывался Конан Дойлем, старался походить на Холмса. И до последних дней жизни ему сопутствовали приметы юношеского увлечения: узаконенная паспортом фамилия, напоминавшая Холмс, английская трубка, которой он постоянно попыхивал, допотопный отцовский котелок» [3; с. 63]. И он был прав. Сам Д.И. Хармс писал в дневнике: «Когда-то у меня была поза индейца, потом Шерлок Холмса...» [10; с. 216]. Кажется, лишь один раз Д.И.Хармс «проговаривается»: он подписывается под своим творением «Он и Мельница» (1930 г.) не как обычно, а «Даниил Хормс», правда тут же спохватывается и приписывает дальше: «Даниил Ххармс».

«Вчера папа сказал мне, что пока я буду Хармс, меня будут преследовать нужды» [10; с. 215].

Другим псевдонимом Д.И. Ювачёва был «Колпаков» – из-за любви к головным уборам так он подписывался в детском журнале «Чиж»: «А Колпаков, это действительно я» [10; с. 200]. А однажды под стихотворением «О том, как Иван Иванович попросил и что из этого вышло» (1925 г.) он подписался: «Даниил Заточник (Хармс)».

А вот М.Н. Нечаева, пришедшая к выводу, что различные псевдонимы этого писателя напрямую соотносились с подписываемыми им псевдонимами, полагает: «Наиболее распространена "амбивалентная" англоязычная версия, согласно которой слово "Хармс" возводят то к "charm" – "обаяние, очарование, привлекательность", то к "harm" – "вред, убыток, ущерб».

Склонный к языковой игре и пренебрежительно относившийся к нормам грамматики, Хармс использовал в своем творчестве и другие псевдонимы, видоизменяя основной (например: Ххармс, Хормс, Хаармс) или придумывая совершенно новые (это в большей степени характерно для «детских» произведений: Д. Баш, Карл Иванович Шустерлинг и другие). Он подписал в общей сложности более двухсот своих текстов. Около ста семидесяти из них –

ставшим официальным именем Даниил Хармс и производными от него – Даниил Иванович Хармс, Д.И. Хармс, Д. Хармс, Д.Х., Хармс, Даня» [6; с. 220].

Однажды три друга, поэты «Левого фланга» – Н. Заболоцкий, Д. Хармс и И. Бахтерев решили написать поэтическое послание соседским девушкам: «Вскоре оказалось: сочинить поэму не проще, чем ее подписать.

Любитель фантастических шапочек Хармс, как только вошел в комнату, напялил неизвестно откуда взявшийся белый чехол от фуражки. Вернувшись из армии, Заболоцкий продолжал носить военную гимнастерку. Мне пришлось немало потрудиться, прежде чем я включил рефлектор, осветивший главную из расписанных в комнате стен. Три факта и определили наши псевдонимы: Хармс написал – пекарь Миллер, Заболоцкий – солдат Дуганов, я – монтер Топорышкин.

Письмо отправлено не было, увлеклись творчеством и не заметил – незнакомок за окном как не бывало. А псевдонимы продолжили существование. Хотя и не Хармс, а Заболоцкий подписывал стихи для детей «Яков Миллер». Не я, а Хармс написал «Иван Топорышкин пошел на охоту», стараниями Хармса и Олейникова, сквозной персонаж, веселый Топорышкин зашагал по страницам детского журнала. А прозвище «Солдат Дуганов» надолго закрепилось за его создателем. Николай и сам иной раз писал: «Заходил, не застал. Солдат Дуганов» [3; с. 80].

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

Хорошим поводом для написания этих заметок стала прекрасная работа исследователя из Самары Г.А. Доброзраковой по атрибуции псевдонимных публикаций С. Довлатова в Эстонии, подписанных разнообразными псевдонимами. Я так был обрадован россыпью новых для меня псевдонимов С. Довлатова, что сразу же подсел к клавиатуре.

Раньше я учитывал у С. Довлатова практически только каламбурные имена, никакого отношения к псевдонимам не имевшим, разве только шуточные псевдонимы, навеянные пушкинскими местами и парами спиртного: «Известил ли я Вас, что нашел себе псевдоним? По-моему, замечательный: ШОЛОХОВ-АЛЕЙХЕМ» (Звезда, 1994, №3, с. 150), или: «Сообщил ли я Вам мой новый псевдоним: МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ВЕРМУТОВ» (Звезда, 1994, №3, с. 152). А.Ю. Арьев уточнил, что последний псевдоним родился в Пушкиногорском заповеднике, где С.Д. Довлатов работал экскурсоводом, справлял свой юбилей: «Так что в день тридцатипятилетия самое время было придумывать псевдонимы.

"Михаил Юрьевич Вермутов", – тут же сообразил Довлатов.

"Агдам Мицкевич", – назвал я, вдохновленный его ассоциацией и пушкинскими местами» (Звезда, 1994, №3, с. 159).

Какими же методами придумывал себе псевдонимы Сергей Довлатов? Когда живешь буквально от того, что напишешь, то приходится себя размножать. Так поступал А.С. Пушкин, так поступал и А.П. Чехов. Работая в Эстонии, С. Довлатов часто подписывал свои заметки в газете «Советская Эстония» псевдонимом *Адер С.* (например: *Адер С. Работать и отдыхать // «Сов. Эстония», 1973, 30 авг. и позднее*). Если псевдоним прочитать справа налево (*С. Реда*), то получаем не только обычное слово *среда*, но и сохраненные в нем элементы от его имени и фамилии: *Сергей Довлатов*. Однако американский исследователь Дж. Янг опрометчиво посчитал, что фамилия *Адер* взята из английского языка (*other*) и значит 'другой' (Young 2009, p.90), хотя и написание, и произношение, тем более

навязанная семантика этого слова никак не совпадают с тем, что хотел показать псевдонимом писатель. А Сергей Довлатов очень дорожил своим именем и фамилией. Поэтому он часто подписывал свои заметки и юморески *Сергеев Д.* («Моряк Эстонии», 1973, 21 апр.).

Работа в эстонских, хотя и русскоязычных, изданиях заставила Довлатова взять псевдонимы и из местного, эстонского языка. Так появились «родственные» варианты: Муст М. («Сов. Эстония», 1972, 15 окт.), Муст О. («Сов. Эстония», 1972, 2 и 17 ноября), Муст Р. («Сов. Эстония», 1973, 24 апр.). Вероятнее всего псевдоним образован от финско-эстонского *must* – ‘черный’, а вовсе не от английского глагола *must* ‘должен’, как это предполагала Г.А. Доброзракова [5; с. 28].

Псевдоним же *Т. Мяги* (юмореска «Сапог сапогу...», опубликованная в газете «Молодежь Эстонии»), совпадающий с именованием эстонского певца *Тыниса Мяги*, взят не просто так: сам Т. Мяги сравнительно невысокого роста, а вот С. Довлатов был и высок и статен, то есть оправдывал значение эстонского *mägi* – ‘гора’.

А вот псевдоним *С. Кивистик* («Сов. Эстония», 1973, 11 февр.) связан с довольно известной в Эстонии фамилией Кивистик. В частности основателями хозяйства Роогоя, которое является старейшим и самым известным садоводческим хозяйством в Эстонии, стали супруги Айли и Уно *Кивистик*, дело которых в настоящее время продолжает их сын Таави Кивистик. «Уно Кивистик» – Упо *Kivistik* – сорт клематисов, он был назван в честь знаменитого эстонского селекционера. Но... попробуем прочитать эту фамилию справа налево: *кит сивик*, то есть *старый кит*. При этом на страже авторских прав отдельно (с точкой) стоит большой инициал *С.* (Сергей).

Точно так же на страже авторских прав в псевдониме *Д. Сильд* («Сов. Эстония», 1973, 28 февр.) стоял громадный инициал *Д.* (Довлатов). Фамилия *Сильд* популярна в Эстонии, в переводе на русский она значит ‘мост’. И даже сам С. Довлатов, как отметила Г.А. Доброзракова сделал очерк о театральном закройщике-модельере Вольдемаре Сильде [5; с. 43].

Псевдоним же с совершенно непонятной семантикой и этнической привязкой – *И. Олеп* можно представить как анаграмму фамилии *Опель*, родоначальника немецкой автомобильной индустрии. О своем автомобиле Довлатов писатель мог только мечтать, но обрел его только в Америке (правда, не «опель», а жравший ненасытно бензин «додж»).

В паре псевдонимов *Т. Руль* и *Т. Руль* очевидна игра Довлатова в «эстонизацию»: сравните только искусственное *Рульд* с истинно эстонским, но совершенно невыговариваемым по-русски *Талдинн*.

И даже совершенно русские *О. Михайлов* и *О. Михалыч* были тесно связаны с Таллином: ведь протономеном, который послужил для них, был Григорий *Михайлович* Скульский, отец очаровательной Лены Скульской.

Интересны также и другие псевдонимы Довлатова, из обнаруженных Г.А. Доброзраковой: Л. Бурык, О. Корюк, Н. Кох, Б. Крячко, И. Кузьмич.

Библиографический список

1. Ардов В.Е. Этюды к портретам. М., 1983.
2. Бабаев Э. Я помню Анну Ахматову // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991.

3. Бахтерев И. Когда мы были молодыми // Воспоминания о Н.Заболоцком. М., 1984.
4. Герцык Е. Из книги «Воспоминания» // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990.
5. Доброзракова Г. Псевдонимные юморески и фельетоны Сергея Довлатова: к вопросу атрибуции // Вопросы литературы, 2014, №4.
6. Нечаева М.Н. «...пока я буду Хармс, меня будут преследовать нужды...» (псевдоним как биография) // Русская литература, 2010, №1.
7. Одоевцева И.В. На берегах Невы. М., 1989.
8. Пяст В.А. Из книги «Встречи» // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991.
9. Седых А. Далекие, близкие. М., 1995.
10. Хармс Д. «Боже, какая ужасная жизнь и какое ужасное у меня состояние» Записные книжки. Письма. Дневники // Новый мир, 1992, №2.
11. Цветаева М. «Живое о живом» (Волошин) // Цветаева М.И. Об искусстве. М., 1991.
12. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. СПб.-Харьков, 1996, т.1.
13. Чуковский К.И. Дневник 1901-1929. М., 1991.
14. Чуковский Н.К. Литературные воспоминания. М., 1989.
15. Young Je. Sergei Dovlatov and his Narrative Masks. Evanston; Illinois: Northwestern U.P., 2009.

References

1. Ardov V.E. Sketches to portraits. M., 1983.
2. Babayev E. I remember Anna Akhmatova // Memories of Anna Akhmatova. M., 1991.
3. Bakhterev I. When we were young // Memories of N.Zabolotskom. M., 1984.
4. Gertsyk E. From the book «Memoirs» // Memoirs of Maximilian Voloshin. M., 1990.
5. Dobrozrakova G. Aliased humoresques and satires by Sergei Dovlatov: the question of attribution // Problems of Literature, 2014, №4.
6. Nechayev M.N. «... While I Harms, I will pursue the needs ...» (a pseudonym as a biography) // Russian Literature, 2010, №1.
7. Odoyevtseva I.V. On the banks of the Neva. M., 1989.
8. Piast V.A. From the book «Meetings» // Memories of Anna Akhmatova. M., 1991.
9. Sedykh A. Distant close. M., 1995.
10. Harms D. «God, what a horrible life and what I have terrible state» Notebooks. Letters. Diaries // New World, 1992, №2.
11. Tsvetaeva M. «Living the living» (Voloshin) // Tsvetaeva M.I. About art. M., 1991.
12. Chukovskaia L.K. The Akhmatova journals. SPb.-Kharkov, 1996, p.1.
13. Chukovskij K.I. Diary 1901-1929. M., 1991.
14. Chukovskij N.K. Literary memories. M., 1989.
15. Young Je. Sergei Dovlatov and his Narrative Masks. Evanston; Illinois: Northwestern U.P., 2009.

УДК 811.111. 81 42:808.5

НИУ ВШЭ г. Москва
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры
английского языка для гуманитарных
дисциплин
Безруков В.А.
Россия, г. Москва,
+7 (495) 959-45-51
e-mail.ru: tomegek-uruk@mail.ru

National Research University Higher
School of Economics
The chair of English language for
humanitarian disciplines PhD, senior
lecturer Bezrukov V.A.
Russia, Moscow,
+7(495)959-45-51
e-mail.ru: tomegek-uruk@mail.ru

В.А. Безруков

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕЙ Б. ОБАМЫ)

В статье рассматривается взаимосвязь между традиционными ценностями американского общества и созданием положительного имиджа политика в американском общественно-политическом дискурсе. Также на основе ряда известных выступлений 44-го президента США автор делает обзор основных стилистических средств, использованных для создания позитивного имиджа Барака Обамы. Статья также привлекает внимание к тому факту, что данная стратегия создания положительного имиджа может быть эффективной как в американском общественно-политическом дискурсе, так и для создания положительного имиджа политика за рубежом.

Ключевые слова: имидж, положительный имидж, традиционные американские ценности, общественно-политический дискурс, персуазивный эффект, стилистические средства, речи Барака Обамы.

V.A. Bezrukov

LINGUISTIC MEANS OF FORMING A POSITIVE IMAGE IN POLITICAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF SPEECHES BY BARACK OBAMA)

In the article the author examines the correlation between the traditional values of American society and creation of a positive image of a politician in the US political discourse. The author also makes an overview of the rhetorical devices used to create the positive image of the US president based on a series of well-known speeches by the 44th President of the USA Barack Obama. The article draws attention to the fact that this strategy of formation of a positive image may be effective both in that country and abroad.

Keywords: image, positive image, traditional values of the US society, political discourse, persuasive effect, stylistic devices, speeches by Barack Obama.

Очевидно, что важнейшей целью американского общественно-политического дискурса является обретение поддержки аудитории, так как именно она является основным политическим ресурсом. Данная цель может быть достигнута в первую очередь благодаря правильно созданному имиджу политика, общественного деятеля или общественной организации. Имидж представляет собой «образ-представление, методом ассоциаций наделяющий объект дополнительными ценностями – социальными, психологическими, эстетическими, не имеющими основания в реальных свойствах самого объекта, но обладающими социальной значимостью для воспринимающих такой образ» [8; 214]. Как следует из определения, имидж создается с целью формирования определенного отношения к субъекту общественно-политической

коммуникации. Имидж – многомерное явление, среди основополагающих элементов которого стоит отметить следующие: яркость и выразительность личности, внешний вид, стиль одежды, первое впечатление, публичные выступления, характеристики голоса, уверенность в себе. При формировании имиджа акценты восприятия умышленно ставятся на тех элементах, которые будут работать на положительный имидж субъекта политической коммуникации, в то время как другие качества нивелируются.

Правильно сформированный положительный имидж должен отвечать ожиданиям масс, соответствовать традиционным представлениям людей о морали и нравственности, успехе и процветании, укладываться в их картину мира. Успешность имиджа предопределяется тем, насколько он созвучен массовому сознанию, поскольку добиться персуазивного эффекта оратор может во многом благодаря созданию ощущения добровольного принятия установок, взглядов, мнений и предложений субъекта политической коммуникации. Умелое манипулирование символами и понятиями, входящими в ценностную парадигму общества, является залогом успеха политика или общественного деятеля в достижении стратегической задачи общественно-политического дискурса – обретении поддержки целевой аудитории.

В политическом дискурсе каждого государства и общества есть своя специфика, сформировавшаяся на основе культуры, традиций, национальных ценностей и идеалов. Преследуя тактические и стратегические задачи политической коммуникации, американские политики оперируют теми символами и образами, которые знакомы и особо значимы для населения США. Так, профессор В.П. Шестаков полагает, что к наиболее важным ценностным ориентирам американского общества можно отнести такие понятия, как добро, безопасность, вера, успех, стабильность, независимость, сила, стойкость, семья, дом, надежда, благотворительность, упорство, воля к победе, трудолюбие, созидание, жизнерадостность [9]. Речи действующего президента США Барака Обамы изобилуют отсылками к традиционной системе ценностей американцев, которая служит главным ориентиром в процессе выбора подходящего кандидата на должность главы государства.

Рассмотрим, например, речь Барака Обамы, произнесенную им 20 января 2009 года на церемонии инаугурации, официально объявленной под тематическим лозунгом «Новое рождение свободы». Дата инаугурации Барака Обамы была приурочена к 200-летию со дня рождения Авраама Линкольна – президента, отменившего рабство. Делая намек, близкий и понятный его электорату, президент Обама в своей речи также стремится следовать национальным и патриотическим традициям, рассчитанным на ту часть аудитории, которая опасалась излишних реформистских порывов нового президента США. Как и многие другие американские политики, Барак Обама прибегает к проверенной стратегии обращения к известным и разделяемым обществом ценностям и истинам. В приведенном ниже отрывке перечислены некоторые из них:

Our challenges may be new. The instruments with which we meet them may be new. But those values upon which our success depends – *honesty and hard work, courage and fair play, tolerance and curiosity, loyalty and patriotism* – these things are old. These things are true. They have been the quiet force of progress throughout our history. What is demanded then is a return to *these truths* [Obama 3].

Важно отметить, что многие традиционные «американские» ценности не являются исключительно американскими, а представляют собой культурные универсалии, которые разделяются в той или иной мере любым обществом. Этот факт дает возможность для создания положительного образа американского политика или общественного деятеля за рубежом использовать те же стратегии, тактики и приемы, что и во внутривнутриполитическом дискурсе.

Целью данной работы является описание ансамбля наиболее частотных стилистических приемов, используемых для создания положительного образа действующего президента в общественно-политическом дискурсе как в США, так и за рубежом.

Материалом для исследования послужили речи Барака Обамы за 2008-2012 годы, обозначившие вехи во внутри- и внешнеполитическом курсе Белого дома, а именно: (1) речь, произнесенная в Чикаго 5 февраля 2008 года во время подсчета голосов после завершившихся президентских выборов, или «Super Tuesday speech», (2) речь в Каирском университете 4 июня 2009 года, (3) инаугурационная речь от 20 января 2009 года и (4) речь, адресованная Палате представителей США (24 января 2012 года). В статье цитируются также речи президента США А. Линкольна «Дом разделенный» и Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта».

В целях удобства описания в статье все стилистические средства, используемые для создания положительного имиджа Б. Обамы, были разделены на две группы: библеизмы и цитаты из других священных книг и тропы.

Библеизмы и цитаты из других священных книг.

Библия стала источником множества цитат и аллюзий, устойчивых выражений и символических обозначений. Библия и ее язык представляют интерес для ученых, специализирующихся на исследовании политической коммуникации, поскольку использование библеизмов не редкость в общественно-политическом дискурсе США.

Традиционным стало определение, данное Е.М. Верещагиным, который под библеизмами понимал «отдельные слова, устойчивые словосочетания, целые выражения и даже фразы, восходящие по своему происхождению к Библии, которые или заимствованы из Библии, или подверглись семантическому воздействию библейских текстов, в том числе не ассоциируемые с ней в современном языковом сознании» [1; 97]. Данный исследователь также отмечает, что библеизмы обладают семантической и стилистической маркированностью, а именно имеют переносное значение, повышенную экспрессивность, характеризуются принадлежностью к книжному стилю.

Существуют также классификации библеизмов. Так, например, Литературная энциклопедия под редакцией А.П. Горкина выделяет *фразеологизмы, образованные от имён библейских персонажей или географических названий* (например, поцелуй Иуды); *фразеологические сочетания, отражавшие реалии библейского сюжета* (казни египетские, соломоново решение) или *древнеиудейской истории и быта* (внести лепту, фарисей, молох.); *цитаты из проповедей Христа* (блаженны нищие духом, бесплодная смоковница) [6]. Также не вызывает сомнений, что благодаря яркой эмоциональной окраске, моральному авторитету первоисточника и интернациональному характеру, использование библеизмов и по сей день является ярким стилистическим приемом. Неудивительно поэтому, что библейские сюжеты, цитаты, крылатые выражения библейского происхождения являются неотъемлемой частью риторики 44-го президента США Барака Обамы.

Как христианин, чтящий свою веру, Барак Обама часто использует в своих выступлениях не только прямые цитаты из Библии, но и аллюзии на священный текст. В речи «Super Tuesday» Барак Обама говорит о сакраментальной важности надежды как одной из базовых ценностей американского народа, противопоставляя себя и оптимистично настроенных американцев циникам, считающим, что единство и изменения к лучшему невозможны. Барак Обама говорит: «We are the hope of the future; the answer to the cynics who tell us *our house must stand divided*; that we cannot come together; that we cannot remake this world as it should be» [Obama 1].

Тем самым он создает аллюзию на Священное Писание, а именно на Новый Завет, Евангелие от Марка, гл. 3, ст. 24-25 или на Евангелие от Матфея, гл. 12, ст. 25. В

Евангелии от Марка сказано: «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот». Евангелие от Матфея гласит: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».

Хотелось бы отметить, что аллюзия в данном случае распространяется не только на Библию, но и на речь Авраама Линкольна «Дом разделённый», произнесенную им 16 июня 1858 года и посвященную отмене рабства. В самом начале выступления Авраам Линкольн дает прямую цитату из Священного Писания и говорит: «Дом, разделившийся сам в себе, не устоит». Так и наше государство не сможет постоянно быть наполовину рабовладельческим, наполовину свободным» [Линкольн 5]. В самом начале своей речи «Super Tuesday» Барак Обама также делает ссылку на эту истину, утверждая: «Only a few hundred miles from here, almost one year ago to the day, we stood on the steps of the Old State Capitol to reaffirm a truth that was spoken there so many generations ago – that *a house divided cannot stand*» [Obama 1]. Мы видим, что для того, чтобы наладить эмоциональный контакт с аудиторией, Барак Обама обращается не только к библейской истине, но и к словам одного из отцов американской нации, произнесенных им в критический момент истории страны. Таким образом, Обама пытается объединить разрозненные группы американского общества, используя слова и истины, вызывающие эмоциональный отклик, напоминающие об общих ценностях, принципах, убеждениях, традициях и истории.

К этому же приему – отсылке к священным текстам, хранящим традиционные ценности нехристианских обществ – Барак Обама прибегает и в знаменитой речи в Каире. Она, наряду с многочисленными стилистическими средствами, изобилует аллюзиями, ссылками и цитатами из Корана, Торы и Библии.

В этом публичном выступлении можно проследить множество интересных случаев использования цитат из священной книги мусульман – Корана. Так, уже в первых строчках своего выступления, заявляя о своей решимости говорить открыто и прямо, Барак Обама приводит следующую цитату: «Be conscious of God and speak always the truth» [Obama 2]. На русский язык это может быть переведено таким образом: «Бойтесь Аллаха и говорите правое слово» [сура 33, аят 70].

Венец использования этого приема – окончание каирской речи Б. Обамы, где он прибегает к цитатам из священных текстов трех мировых религий, тем самым пытаясь духовно сплотить людей различной веры и убеждений и безусловно укрепить свой позитивный образ в глазах христиан, мусульман и иудеев. Сначала он обращается к мусульманам, цитируя Священный Коран:

O mankind! We have created you male and a female; and we have made you into nations and tribes so that you may know one another.

«О люди! Воистину, Мы создали вас из мужчины и женщины и сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга» [сура 49, аят 13].

Затем он обращается к евреям, цитируя фундаментальный свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма, Талмуд:

The whole of the Torah is for the purpose of promoting peace.

«Тора была дана, чтобы внести мир в мироздание» [Талмуд, Гитин, 59б].

И в последнюю очередь Обама обращается к христианам, цитируя Библию:

Blessed are the peacemakers, for they shall be called sons of God.

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» [Мф, 5: 9].

Тропы

Общественно-политический дискурс располагает широким спектром экспрессивных речевых средств, с помощью которых оратор апеллирует к эмоциям

слушателей. Такие слова и выражения называются тропами, под которыми мы вслед за Е.Н. Зарецкой понимаем «приемы выразительности, которые реализуются на уровне слова или словосочетания» [2; 302]. Согласно Литературной энциклопедии [7], функции тропов заключаются в придании высказыванию экспрессивности, реализации потенциальных значений слова, экономии художественной речи. Тропы не только украшают речь и делают её более выразительной, но и существенным образом влияют на сознание. Для того, чтобы реципиенты сообщения увидели ситуацию с нужного оратору ракурса, в своих речах Барак Обама использует образы, которые помогают аудитории получить простое объяснение сложных явлений действительности. Эти образы создаются с помощью таких тропов, как метафора, олицетворение, сравнение, метонимия, синекдоха, эпитет, гипербола, анафора, эпифора. Наиболее часто используемые тропы в речах Барака Обамы – это метафора, антитеза и анафора.

Согласно энциклопедии под редакцией профессора А.П. Горкина, **метафора** – это перенос признака с предмета на предмет на основе их ассоциативной связи, субъективно воспринятого сходства [6]. Сходными могут быть цвет, форма, характер движения, любые индивидуальные свойства предметов. Классификация, приведенная в учебнике М.Н. Кожинной «Стилистика русского языка», различает *«метафоры общеязыкового характера»* (стертые или окаменелые), *«метафоры, сохраняющие «свежесть»*, и *«метафоры собственно поэтические»*, которые отличаются индивидуальным характером. Общеязыковые окаменелые метафоры (рукав реки, горлышко бутылки, подножие горы и т.п.) к средствам словесной образности не относятся» [4; 464].

Метафора нередко используется для того, чтобы подчеркнуть малозаметные свойства предметов, представить их под необычным углом зрения. На свойство метафор менять видение ситуации, подсказывать принятие решения, влиять на поведение давно обратили внимание исследователи общественно-политического дискурса. О.С. Иссерс в пособии «Речевое воздействие» описывает важнейшие свойства и функции метафоры как инструмента воздействия. Она пишет, что метафора способна не только менять отношение к ситуации, но и управлять поведением людей. По её утверждению, «метафорические модели являются важнейшим, если не решающим фактором принятия решений. Поэтому так часто метафоры используются в политической и рекламной аргументации» [3; 164]. Как утверждает Дж. Лакофф в книге «Метафоры, которыми мы живём», всей нашей деятельностью управляют нами же созданные метафоры. Автор отмечает, что метафора есть не просто принадлежность языка, а свойство человеческого мышления. Метафоры как лингвистические выражения возможны именно потому, что они имеются в концептуальной системе человека [5, 129]. Неудивительно поэтому, что метафоры – один из наиболее излюбленных приемов достижения персуазивного эффекта, используемых в речах 44-го президента США.

В своем дискурсе Барак Обама пытается закрепить в сознании людей метафору «политика как стройка», что, в свою очередь, является отражением такой традиционной ценности американского общества как созидание, эволюционное развитие общества. Например, в инаугурационной речи от 20 января 2009 он использует большое число глаголов, семантика которых отражает тему «строительства» как в прямом, так и в переносном значениях: «create new jobs», «lay a new foundation for growth», «build the roads and bridges», «restore science» [Obama 3].

Интересно отметить, что нередко в американском общественно-политическом дискурсе метафоры, обозначающие традиционные ценности, противопоставляются метафорам, содержащим «анти-ценности». Так, в обращении к Палате представителей США в 2012 году Барак Обама затронул тему кризиса и причины, по которым он произошёл. Говоря о системе банковских бонусов и ипотечных кредитах, он употребил

яркую метафору «the house of cards collapsed» [Obama 4], которую можно перевести как «карточный домик рухнул». Используя противопоставление метафор, сорок четвёртый президент США крайне негативно охарактеризовал политику, отходящую от традиционного для американцев расчета и благоразумия. Данный прием – антитеза – также, как и метафора, широко используется в американском президентском дискурсе.

Под **антитезой** понимается «риторическая фигура, заключающаяся в помещении рядом двух противоположных, но связанных общей точкой зрения мыслей для придания им большей силы и живости» [7]. По мнению О.С. Иссерс, картина мира носителя языка, принадлежащего к конкретному социуму, соотносится с определенным набором антонимически противопоставленных концептов, часто обусловленных национально-культурными особенностями. Исследователь разделяет актуализируемые в целях воздействия антонимические противопоставления на два типа – противопоставления семантического и прагматического характера. Первый тип представлен антонимами, закрепленными в языке, а второй тип обнаруживает большую зависимость от контекста. Прагматические противопоставления используются в политическом дискурсе гораздо чаще, чем семантические. Признаки, положенные в основу антитезы, могут быть весьма разнообразны. Прагматические противопоставления во многом определяются социокультурными стереотипами и могут меняться с течением времени. Антонимические оппозиции являются средством структурирования отдельных фрагментов картины мира и вследствие этого обладают несомненным потенциалом воздействия на сознание адресата [3, 120].

Анализ речей Барака Обамы показывает, что он использует противопоставления как семантического, так и прагматического характера. Каирская речь Барака Обамы изобилует примерами употребления антитезы. При помощи антитезы он ставит рядом и противопоставляет такие понятия, как «традиционный ислам – ислам фундаментального толка», «сплоченность – разобщенность», например:

- 1) Partnership between America and Islam must be based *on what Islam is, not what isn't*.
- 2) The question is whether we spend that time *focused on what pushes us apart*, or whether we *commit ourselves to an effort...to find common ground* [Obama 2].

Барак Обама привлекает антитезу как яркий стилистический прием, рассуждая также и о внутренней политике США. Говоря в инаугурационном послании от 20 января 2009 года о том, каких усилий потребовалось приложить отцам-основателям американской нации для того, чтобы создать сильную страну, Барак Обама противопоставляет такие понятия, как лень и трудолюбие, сравнивает малодушных обывателей и созидателей, готовых на риск, тем самым взывая к традиционным моральным ценностям слушателей:

It has not been the *path for the faint-hearted* – for those who prefer *leisure over work*, or seek only the pleasures of riches and fame. Rather, it has been *the risk-takers, the doers, the makers of things* [Obama 3].

Наконец, количественный подсчет и анализ стилистических приемов, используемых в речах 44-го президента США, показал, что не менее распространенным тропом является анафора.

Анафора (от греч. *anaphora* – букв. единоначатие) – это повторение каких-либо сходных звуковых элементов в начале смежных ритмических рядов (полустиший, строк, строф). Анафора может быть звуковой, лексической, синтаксической, ритмической [7]. Стилистический эффект анафоры состоит в выделении и усилении повторяемой части текста на фоне целого высказывания, что хорошо согласуется с задачами опытного оратора.

Так, например, обращаясь к истории страны и описывая страдания и жертвы, которые принесли поколения американцев ради благополучия своих потомков, Барак

Обама говорит:

For us, they packed up their few worldly possessions and traveled across oceans in search of a new life.

For us, they toiled in sweatshops and settled the West; endured the lash of the whip and plowed the hard earth.

For us, they fought and died, in places like Concord and Gettysburg; Normandy and Khe Sahn [Obama 3].

Спекулируя на теме единения, Барак Обама в этой же речи использует персуазивный потенциал анафоры, рассуждая об успешности американцев на мировой арене, неоднократно повторяет личное местоимение «our»:

Our workers are no less productive than when this crisis began. Our minds are no less inventive, our goods and services no less needed than they were last week or last month or last year. Our capacity remains undiminished,

либо заявляя о своих планах наладить положение в стране, многократно повторяет конструкцию «we will»:

We will build the roads and bridges, the electric grids and digital lines that feed our commerce and bind us together. We will restore science to its rightful place, and wield technology's wonders to raise health care's quality and lower its cost. We will harness the sun and the winds and the soil to fuel our cars and run our factories [Obama 3].

Применяя прием повтора как на лексическом, так и на синтаксическом уровне, Барак Обама следует американской риторической традиции. Чтобы убедиться в этом, стоит вспомнить речи Мартина Лютера Кинга, яркого борца за права чернокожего населения США. В качестве примера можно привести отрывок всемирно известного выступления Мартина Лютера Кинга «I have a dream». Мартин Лютер произнес эту речь 28 августа 1963 года у мемориала Линкольна в Вашингтоне:

But one hundred years later, the Negro still is not free. One hundred years later, the life of the Negro is still sadly crippled by the manacles of segregation and the chains of discrimination. One hundred years later, the Negro lives on a lonely island of poverty in the midst of a vast ocean of material prosperity. One hundred years later, the Negro is still languished in the corners of American society and finds himself an exile in his own land [King 4].

Сравнив речи этих выдающихся ораторов, можно прийти к выводу о том, что следуя риторической традиции Мартина Лютера Кинга и применяя анафору практически в каждом своем выступлении, Барак Обама выбирает беспроблемный способ внушения и воздействия на аудиторию, опираясь на традиционные ценности американского народа.

Суммируя сказанное, представляется возможным утверждать, что одной из наиболее эффективных стратегий создания положительного образа политика в общественно-политическом дискурсе США, а также отчасти и на международной арене является использование традиционных и во многом универсальных ценностей народов, к которым он апеллирует. Отсылки к истории, цитаты из священных текстов и яркие стилистические приемы – вот те инструменты, которые помогают воплощать эту стратегию создания положительного имиджа субъекта политической коммуникации.

Библиографический список

1. Верещагин Е.М. Библейская стихия русского языка // Русская речь: сборник научных статей. М., 1993. № 1. С. 90-98.
2. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 2002. 480 с.
3. Иссерс О.С. Речевое воздействие: Учеб. пособие для студентов, обучающихся

по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.

4. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.

6. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / Под редакцией проф. А.П. Горкина. Код доступа: http://thelib.ru/books/gorkin_a_p_gl_redaktor/enciklopediya_literatura_i_yazyk_bez_illyustraciy-read-11.html.

7. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. Код доступа: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-0501.htm>.

8. Феофанов О.А. Реклама и общество. М.: Мысль, 1974. 215 с.

9. Шестопалов В.П. Американская культура: в поисках национальной идентичности (часть II). Код доступа: http://www.perspektivy.info/oikumena/amerika/amerikanskaja_kultura_v_poiskah_nacionalnoj_identichnosti_chast_ii_2014-01-15.htm.

References

1. Vereschagin E.M. Bible elements of the Russian language // Russian speech: collected articles. М., 1993, №1. P. 90-98.

2. Zaretskaya E.N. Rhetorics: Theory and practice of speech communication. М.: Delo, 2002. 480 p.

3. Issers O.S. Speech impact: A textbook for students of PR departments. М.: Flinta: Nauka, 2008. 224 p.

4. Kozhina M.N., Duskaeva L.R., Salimovskiy V.A. Stylistics of the Russian language: a textbook. М.: Flinta: Nauka, 2008. 464 p.

5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. М.: URSS Editorial, 2004. 256 p.

6. Literature and Language. A modern illustrated encyclopedia / ed. by prof. A.P. Gorkon. Mode of access: http://thelib.ru/books/gorkin_a_p_gl_redaktor/enciklopediya_literatura_i_yazyk_bez_illyustraciy-read-11.html.

7. Encyclopedia of literature: A dictionary of literature terms: in 2 volumes / ed. By N. Brodskiy, A. Lavretskiy, E. Lunin, V. Lyvov-Rogachevskiy, M. Rosanov, V. Cheshikhin-Vertinskiy. Mode of access: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-0501.htm>.

8. Zaretskaya E.N. Rhetorics: Theory and practice of speech communication. М.: Delo, 2002. 480 p.

9. Feofanov O.A. Advertising and society. М.: Mysl, 1974. 215 p.

10. Shestopalov V.P. American culture: in search of national identity (part II). Mode of access: http://www.perspektivy.info/oikumena/amerika/amerikanskaja_kultura_v_poiskah_nacionalnoj_identichnosti_chast_ii_2014-01-15.htm.

Список источников

1. Super Tuesday, delivered on 5 February 2008 by Barack Obama, Chicago. – Mode of access: www.obamaspeeches.com.

2. Remarks by the President on a new beginning, delivered by Barack Obama 4 June, 2009, Cairo. Egypt. – Mode of access: www.whitehouse.gov/.

3. Obama Inaugural Address, delivered on 20 January 2009. – Mode of access www.obamaspeeches.com.

4. Remarks by the President in State of the Union Address, delivered by Barack Obama on 24 January 2012, Washington D.C. – Mode of access: www.whitehouse.gov.

5. «Дом разделенный», Авраам Линкольн. – Код доступа: <http://americaxix.org.ru/library/lincoln-house-divided/>.

6. I Have A Dream, delivered by Martin Luther King on 28 August 1963, at the Lincoln

Memorial, Washington D.C. – Mode of access: www.americanrhetoric.com/.

УДК 81'282.2

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный
университет,
канд. филол. наук,
ст. пр. кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, г. Воронеж,
89204697860;
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
the chair of Russian language and cross-
cultural communication,
PhD, senior lecturer
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh,
89204697860;
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

Л.В. Недоступова

ПРОЗВИЩА КАК КОМПОНЕНТ ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ПОСЁЛКА 2-Я ВОЗНЕСЕНОВКА ТАЛОВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматриваются деревенские прозвища, являющиеся одним из компонентов лингвориторической картины мира. Антропонимический материал, записанный в одном отдалённом населённом пункте, рассмотрен с точки зрения специфики мотивации его происхождения. Выявлены многочисленные и малочисленные группы прозвищ. Определено соотношение женских и мужских уличных имён. Отмечены особенности словотворчества.

Ключевые слова: лингвориторическая картина мира, ономастические исследования, антропонимический материал, уличные имена и фамилии, прозвища, мотивировочный признак, словообразовательные единицы, краткость, экспрессия.

L. V. Nedostupova

NICKNAMES AS A COMPONENT OF LANGUAGE AND Rhetorical PICTURE OF THE WORLD (ON THE MATERIAL OF SPEECH OF VILLAGE 2ND VOZNESENOVKA, VORONEZH REGION HABITANTS)

The article sites country nicknames as a component of language and rhetorical picture of the world. Anthroponomical material collected in a remote village is analyzed from the point of view of their motivation. Numerous and scanty groups of nicknames are revealed. The proportion between male and female nicknames is defined. The word creation is considered.

Keywords: language and rhetorical picture of the world, research in onomastics, anthroponomical material, street names and surnames, nicknames, motivation characteristic, world formation units, briefness, expression.

В двадцати километрах от посёлка городского типа Таловая и в двухстах двадцати километрах от областного центра – города Воронежа – находится 2-я Вознесенка. История появления этого населённого пункта на карте Таловского района связана с тем, что в конце двадцатых годов прошлого века в селе Новая Чигла, основанном в 1740 году, не стало хватать земельных угодий для частного владения, места для постройки жилых помещений. Эту проблему решили в 1921 году по Декрету о земле, предложив людям свободные территории в центральной части района [4; 148]. Первые жители 2-й Вознесенки селились на берегу тихой речки Сухая Чигла, недалеко от которой расположена железная дорога Харьков – Балашов. Так постепенно здесь появилось 119 хозяйств, численность населения составила 267 человек.

Предметом нашего внимания являются прозвища посёлка 2-я Вознесенка. Целью работы стало рассмотрение особенностей мотивации при присвоении деревенских уличных имён и фамилий, являющихся компонентом лингвориторической картины мира. Материал записан в 2014 году из уст местных жителей: Малаховой-Недоступовой Марии Михайловны (71 год), Плешаковой Веры Егоровны (62 года), Плешакова Владимира Владимировича (41 год).

Уличные фамилии и имена (прозвища) достаточно хорошо уживаются вместе с официальными, образуя своеобразный тандем. Следует отметить, что практически каждый двор имеет своё родовое уличное имя, исключая лишь недавних переселенцев. Чаще официальные фамилии становятся менее понятными, чем уличные, особенно старожилам [6; 108].

Известно, что имена собственные являются важным компонентом лингвориторической картины мира, которая занимает центральное место в рамках лингвориторической парадигмы и выступает «филологическим коррелятом мировоззрения как ядра индивидуального и общественного сознания, той духовной призмы, через которую языковая личность воспринимает объективную реальность» [3; 36]. «Лингвориторическая картина мира – это дискурс-универсум, глобальная область описаний, в которой существует совокупная языковая личность этносоциума в данный культурно-исторический период» [3; 36]. При этом «первая грань лингвориторической картины мира соответствует способу мышления, свойственному эпохе; вторая – иерархии духовных ценностей, выработанной человечеством и преломлённой в национальной идеосфере языка и культуры; третья отражает актуальную для этносоциума в данной общественно-политической ситуации интерпретацию общей ценностной иерархии, организующую его жизнедеятельность на основе декларируемых целей и идеалов» [3; 36]. Духовные устремления, ценностные установки того или иного этноса отражаются в именах собственных, в частности в антропонимах.

Теоретической основой ономастических исследований является имя. Интересны ключевые моменты понимания имени в философии. Функция прозвищ заключается в дифференцировании имени и в выражении тонких оттенков, зависящих от каких-либо своеобразных факторов образования личности. М.М. Бахтин отмечает: «В противоположность имени прозвище тяготеет к бранному, к проклинающему полюсу языковой жизни. Но подлинное прозвище (как и подлинное ругательство) амбивалентно, биполярно. Но преобладает в нём развенчивающий момент. Если именем зовут и призывают, то прозвищем скорее прогоняют, пускают его вслед, как ругательство. Оно возникает на границах памяти и забвения. Оно делает собственное нарицательным и нарицательное собственным. Оно по-особому связано со временем: оно фиксирует в нём момент смены и обновления, оно не увековечивает, а переплавляет; это – «формула перехода»» [1; 147].

Ю.М. Лотман считает переименование важной чертой русской культуры: «История русской культуры, с этой точки зрения, может быть представлена как иерархия переименований, причём отмена старых наименований воспринималась как уничтожение «старого мира», а введение новых как акт создания «новой земли и нового неба» [5; 410].

М.М. Бахтин считает подобные формы, несмотря на сохранившийся оттенок официальности, шагом к прозвищу: «Имя серьёзно, и в отношении к нему всегда существует дистанция; ослабление дистанции есть уже начало перерождения имени в прозвище; поэтому словесные формы ласки, если в них есть момент интимности, а тем более фамильярности, не совместимы с именем: уменьшительно-ласкательные формы собственных имён есть уже выход имени в иную сферу языковой жизни, начало перерождения его в прозвище (кличку)» [1; 148].

Антропонимический материал, выявленный в посёлке 2-я Вознесенка, по специфике мотиваций можно разделить на несколько групп: 1) отфамильные прозвища; 2) прозвища, данные по имени; 3) семейные прозвища; 4) прозвища, данные по внешним особенностям; 5) прозвища по чертам характера; 6) прозвища по подражанию известным людям или схожести с ними; 7) прозвища по интересам, увлечениям; 8) прозвища по предпочтениям, вкусам; 9) прозвища по роду занятий; 10) прозвища по речи: а) достоинства, б) неполноценности; 11) прозвища по месту жительства; 12) прозвища по точке зрения, самоуверенности; 13) прозвища, связанные с фактом или событием жизни человека.

Рассмотрим антропонимы, сформированные на основе того или иного мотивировочного признака.

1) *Отфамильные прозвища*: **Брызг-Брызг** – Брызгалина, **Кис-кис** – Кисурина, **Кондра'т** – Кондратуков, **Кострю'к** – Кострюков, **Кисе'ль** – Киселёв, **Кудря'ш**, **Кудре'ш** – Кудряшов, **Хромы'х** – Хромыхов, **Махи'н** – Махинов, **Ме'дный** – Медич, **Фон** – Фонов, **Мала'х** – Малахов, **Мерку'л** – Меркулов, **Ско'тник** – Скотников, **Рог** – Рогов.

2) *Прозвища, данные по имени*: **Абра'мовы** – по имени отца семейства Абрам; **Маню'шкины** – по имени матери Мария (Маня), **Костю'ха** – по имени Константин, Костя.

3) *Семейные прозвища*: **Баренья'** – богатое семейство с большим домашним хозяйством; **Блино'вы**, **Блины'** – семейство, у которых в качестве выпечки всегда были блины; любители блинов; **Колоту'шкины** – семейство любителей стучать, колотить в бубен; **Шиты'** – семейство, занимающееся пошивом сапог.

4) *Прозвища, данные по внешним особенностям*: **Ба'рин** – мужчина крепкого телосложения, важного вида, по характеру немногословный. **Казу'к** – мужчина со сморщенным лицом, которое ассоциировалось с кизяками, используемыми раньше в качестве топлива для печей. **Колоко'льчики** – братья-близнецы, похожие внешне и с очень звонким приятным голосом. **Конопу'ля** – мужчина с конопатым лицом. **Ко'рка** – очень худая женщина с тёмным, морщинистым лицом. **Мандры'чка** – женщина с неприятной, неухоженной внешностью. **Ма'сик** – молодой человек очень маленького роста. **Нана'ец** – темноволосый мужчина небольшого роста с узким разрезом глаз. **Рыдва'н** – мужчина с большой головой. **Ры'жая** – женщина с рыжими волосами. **Хорёк** – мужчина внешне похожий на зверька хорька: маленький, со вздёрнутым носом и всегда торчащими зубами. **Чи'жик** – мужчина маленького роста, увёртливый. **Шму'тик** – мужчина очень маленького роста.

5) *Прозвища по чертам характера*: **Лиса'** – мужчина хитрый, увёртливый, быстрый. **Кося'к** – любитель отлынивать от работы, бездельник. **Реме'нь** – мужчина с твёрдым, жёстким характером. **Шама'н** – суеверный человек, знающий определённые заговоры, любитель рыбалки. Никогда не говорил куда едет, зато всегда возвращался с хорошим уловом.

6) *Прозвища по подражанию известным людям или схожести с ними*: **Бурна'ш** – по герою кинофильма о революции: собрал в овраге деревенских мальчишек и скомандовал «За мной, бурнаши!» **Мо'ника** – мужчина, похожий на киногероиню Пани Монику. **Ча'плин** – мужчина, похожий на героя кинофильма Чарли Чаплина.

7) *Прозвища по интересам, увлечениям*: **Ряза'нец** – любитель играть (что называют *ре'зать*) на гармошке. **Хле'харь** – любитель мастерить.

8) *Прозвища по предпочтениям, вкусам*: **Ве'тров** – мужчина, любивший ходить на ветер в непогоду. **Загне'ткин** – любитель спать около так называемой *загне'тки*, где зимой топилась печь. **Рата'н** – любитель громко говорить, кричать. **Табаню'ха** – дедушка-любитель нюхать табак. **Сапо'г** – мужчина, который летом всегда ходил в

сапогах. **Варе'ничный** – в детстве очень любил варенье, всё время просил бабушку дать ему варенье. **Пе'нкин** – любил в детстве есть пенку.

9) *Прозвища по роду занятий*: **Ката'н** – человек, который валял (или катал) валенки из овечьей шерсти. **Шахтёр** – человек, когда-то работающий в шахте.

10) *Прозвища по речи*: а) достоинства: **Голосо'к** – мужчина с красивым голосом, певец; б) особенности и неполноценности: **Сюся'вая** – женщина, поддельвающая свою речь под детскую, любительница возиться с людьми, как с маленькими. **Зав'ка** – мужчина с патологией речи, страдающий заиканием. **Муры'с** – мужчина с дефектом речи, в которой много места принадлежит звукам «м-м-м-м». **Немо'й** – человек, лишённый способности говорить.

11) *Прозвища по месту жительства*: **Курганы'** – два брата, дома которых располагались рядом с курганом, возвышенностью. **Капра'л** – мужчина, живший на улице Капралова.

12) *Прозвища по точке зрения, уверенности в себе*: **Кит** – самоуверенный мужчина, считавший, что коллективное хозяйство имени Мичурина держится на председателе и на нём. Остальные колхозники – это лишь его составляющие.

13) *Прозвища, связанные с фактом или событием жизни человека*: **Арбу'з** – парень, который однажды летом вместе с друзьями воровал арбузы с колхозного поля, а затем ночью ел много и с жадностью так, что арбузные семечки начали выскакивать у него из носу. **Шэре'на** – водитель председателя колхоза, который, заходя в мастерскую, всё время повторял «Найти бы шайбочку...» и сразу пытался искать, перебирая лежавшие на полках инструменты, гайки, болты, шайбы. **Цып'лачо'к** – женщина, которая ежедневно созывала кур во дворе фразой: «Цып-цып-цып».

Таким образом, нами выявлено 65 антропонимических единиц, представляющих собой 13 мотивационных групп, активно употребляемых местными жителями. В большинстве своём это мужские прозвища (58 уличных имён), женские малочисленны (7 уличных имён).

Кроме того, следует отметить, что у вознесенцев чаще используются отфамильные прозвища (отмечено 15 лексических единиц) и прозвища, данные по внешним особенностям (13 лексических единиц). Отфамильные прозвища содержат информацию о фамилии владельца и возникли, в основном, путём отсечения суффикса и окончания или окончания. Внешний вид также является распространённым мотивировочным признаком среди представленных групп антропонимов. Можно с уверенностью сказать, что люди на этом чаще акцентируют своё внимание.

Самыми малочисленными являются прозвища, для которых послужил основой мотивировочный признак рода занятий, интересов, увлечений и уверенности в себе.

Примечательно, что прозвища лиц мужского пола имеют окончания женского рода: **Конопу'ля**, **Лиса'**, **Мо'ника**, **Табаню'ха**, **Шэре'на** и др. Прозвища женщин напоминают детское словотворчество, не имеющее чётко выраженной мотивации: **Брызг-брызг**, **Кис-кис**. В значении некоторых имён собственных используются имена прилагательные типа **Немо'й**, **Ме'дный**, **Сюся'вая**, **Ры'жая** и др.

Как показывают наши наблюдения, выявленные прозвища преимущественно однословны. Их отличают краткость и экспрессивность, в результате чего создаётся лёгкость в общении. Скорее всего, в словообразовательном процессе действует закон речевой экономии. Ведь уличные имена и фамилии функционируют в устной речи, а язык старается избавиться от сложных конструкций.

Обратим внимание и на то, что «прозвища все экспрессивны, независимо от того, относятся ли они к оценочно-характеристическим или отфамильным», поскольку «основное назначение прозвищ в современном русском языке быть не «чистым» именем-названием... а экспрессивным индивидуализирующим наименованием лица» [7; 62-63]. Оценочные значения передаются вознесенцами с помощью суффиксов -

ок-, -ёк-, -ов-, -як-, -ик-, -ин-, -юх и др. Так, позитивную оценку содержат, например, антропонимические единицы *Голосо'к, Цыплачо'к, Хорёк, Чи'жик, Конопу'ля* и др. Негативную оценку, на наш взгляд, имеют прозвища *Кося'к, Рыдва'н, Сапо'г, Мандры'чка, Рата'н* и др.

Совершенно очевидно то, что «когда в языке говорящий не может найти (в силу объективных и субъективных причин) необходимую единицу, он с помощью предлагаемых языковой системой словообразовательных единиц, опираясь в большинстве случаев на известные словообразовательные модели, прodelывает мыслительные операции, в результате которых появляются варианты наименования объекта» [2; 149]. Представленные прозвища являются этому подтверждением.

В заключение следует отметить, что активное использование уличных имён и фамилий в данном населённом пункте соответствует способу мышления, духовным ценностям вознесенцев, обусловлено народной традицией, являющейся частью картины мира, и представляет собой открытую систему, функционирующую в любом закрытом социуме.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Дополнение и изменения к «Рабле» // Вопросы философии. 1992. № 1.
2. Волков А.А. О природе словотворчества // Предложение и слово. Саратов, 1999. С. 149.
3. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Монография. Сочи, 2000.
4. Зеленин П.М., Лукьянов А.Т. Таловский район. Историко-экономический очерк / П.М. Зеленин, А.Т. Лукьянов. Воронеж: Областная организация Союза журналистов России, 1995. С. 149.
5. Лотман Ю.М. Тезисы к семиотике русской культуры // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
6. Недоступова Л.В. Уличные фамилии в Воронежской области // Русская речь. Москва: РАН, 2014. № 3. С. 107-110.
7. Никулина З.П. О некоторых особенностях прозвищ как единиц экспрессивного фонда русской антропонимии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 62-63.

References

1. Bakhtin M.M. Additions and changes to «Rabelais» // Issues of philosophy. 1992. Vol. 1.
2. Volkov A.A. On nature of word creation // Sentence and word. Saratov, 1999. P. 149.
3. Vorozhbitova A.A. Language and rhetorical paradigm: theoretical and practical aspects. Sochi, 2000.
4. Zelenin P.M., Lukyanov A.T. Talovaya area. Historical and economical sketches. Voronezh, 1995. P. 149.
5. Lotman J.M. Thesis to semiotics of Russian culture // J.M. Lotman and semiotics school of Tartu and Moscow. M., 1994.
6. Nedostupova L.V. Street surnames in Voronezh region // Russian speech. 2014. Vol. 3. P. 107-110.
7. Nikulina Z.P. On some features of nicknames as expressive units of Russian anthroponomy // Lexical and idiomatic expressiveness. Novosibirsk, 1983. P. 62-63.

УДК 801/3=82(045/046):22

*Воронежский
архитектурно-строительный университет
ст. преп. кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Суханова Т.В.
Россия, г.Воронеж,
тел. +7(4732)71-50-48*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication,
senior lecturer
Suhanova T.V.
Russia, Voronezh,
+7(4732) 71-50-48*

Т.В. Суханова

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВЕСНОГО ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ НАЧАЛА И КОНЦА 20 ВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ Т.ТОЛСТОЙ

В статье рассматриваются некоторые тенденции, характеризующие лексическую репрезентацию образа женщины начала и конца 20 века в рассказе Т. Толстой «Лилит». Выявлены и описаны номинативные единицы, вербализующие образ женщины, и средства художественной выразительности, проведен сопоставительный анализ образа женщины начала и конца 20 века.

Ключевые слова: образ, женщина, лексема, эпитет, метафора, сравнение.

T.V. Suhanova

COMPARATIVE ANALYSIS OF VERBAL IMAGE OF WOMAN OF THE BEGINNING AND THE END OF THE 20TH CENTURY IN T. TOLSTAYA'S WORKS

This article discusses some of the trends in the lexical representation of the image of women of the beginning and the end of the 20th century in T. Tolstaya's story «Lilith». It identified and described nominative units verbalized image of a woman and means of artistic expression, made a comparative analysis of the image of women of the beginning and the end of the 20th century.

Keywords: image, woman, lexeme, epithet, metaphor, simile.

Образ женщины занимает важное место в творчестве большинства русских писателей, не является исключением в этом плане и творчество Татьяны Толстой. Автор в своих рассказах создает образы не только современниц, но и женщин, живших в другое время. В этом отношении наиболее интересен рассказ «Лилит», в котором Т.Толстая рассматривает «эволюцию» женщины, те изменения, как внешние, так внутренние, которые произошли с ней на протяжении века. В нашей работе мы рассматривали лексические единицы, используемые Т.Толстой для создания образа женщины начала и конца 20 века.

Для репрезентации образа женщины начала 20 века Толстая использует лексемы, обозначающие мифологических существ: **ундина, наяда, русалка**. Например: «...эти женщины начала века, ундины, наяды...»; «вот они сидят и колышутся, – русалки...» [1; с. 34]. Эти лексемы обозначают мифологических существ, связанных с водой:

Ундина – в фольклоре народов Европы (германские сказания, поверья народов Прибалтики, отчасти древнегреческие мифы) – духи воды, русалки. Это прекрасные девушки, иногда с рыбьими хвостами, которые выходят из воды и расчесывают свои

великолепные волосы, пением и красотой завлекая путников в глубины. Могут погубить их или сделать возлюбленными в подводном царстве [3; с. 682].

Наяда – в древнегреческой мифологии женское божество природы, живущее в источниках, полях и лесах. Каждая река, каждое озеро либо ручей в греческой мифологии имели свою наяду. Это веселое племя покровительниц вод, пророчиц и целительниц. Они относятся к потомкам бога Океана и богини Тефиды [3; с. 413].

Русалка – мифологическое и фольклорное человекоподобное существо, преимущественно женского пола (или дух), связанное с водоёмами. В русском фольклоре называется также шутихой, купалкой, водяницей, лоскотухой и другими прозвищами [3; с. 567].

По традиционным русским представлениям, русалки внешне мало отличаются от людей, в поздней русской литературе и кинематографе под западным влиянием, образ русалки приобрёл в нижней части тела вместо ног плоский хвост, похожий на хвост рыбы. Западноевропейские русалки внешний вид унаследовали от художественных изображений гомеровских сирен, славянские же сходны с древнегреческими нимфами.

Божества водной стихии, с ее изменчивостью, мягкостью, бесплотностью, легкостью наиболее ярко и полно отражают образ женщин начала 20 века. Для Толстой эти женщины – воплощение женственности, мягкости, изящества в противовес современным женщинам, в которых преобладает зачастую маскулинное начало.

Данные лексемы актуализируют следующие признаки: «неземная», «божественная», «женственная», «красивая», «слабая», «беззащитная», «кокетливая», «мягкая», «нежная»:

«Они смотрят на воду, они сидят у воды, они сами – вода, эти женщины начала века, ундины, наяды, глубокие омуты, двуногие воронки, венерины мухоловки. Сырые и пышные, в платьях, подобных пене в полете, высоко подколлов волнистые волосы..., укрыв лица кисеей, чтобы загар не пристал к сливочной коже, они сидят на морском берегу... Они сидят, они лежат, бескостные, струящиеся, охотно слабые, – чудное розовое, непропечённое тесто с цукатами родинок, тронь пальцем – останется ямка».

«Вот они сидят и колышутся, – русалки, росянки; рассеянно слушают, как колышется внутри них их собственное, внутреннее море, рассеянно смотрят синими и зелеными глазами в зеленый и синий, бегучий и пляшущий на ветру внешний простор. Белые водовороты тел увенчаны шляпами, каждая, как клумба, как сад, как взбегающий на гору город» [1; с. 35-36].

Татьяна Толстая не случайно выбирает мифологические персонажи, связанные с водой. В данных контекстах отчетливо прослеживается сравнение женщины, ее внешнего облика и внутреннего мира с водной стихией («Они смотрят на воду, они сидят у воды, они сами вода...»). Толстая подчеркивает мягкость женщины, изменчивость, нежность, отстраненность от реальности, возвышенность. Для этого она использует различные приемы:

Использование лексем, описывающих действие и образ действия: ***смотрят непристально, не вглядываются, тронь пальцем – останется ямка, колышутся, рассеянно слушают, рассеянно смотрят.***

Использование эпитетов, метафор: ***глубокие омуты, двуногие воронки, венерины мухоловки, пышные, волнистые волосы, сливочная кожа, бескостные, струящиеся, слабые, чудно-розовое, непропеченное тесто, белые водовороты тел, лохнесский изгиб белой шеи.***

Интересно, что в данных контекстах наряду с описанными признаками, характеризующими образ женщины, актуализируются и другие признаки, такие как опасность, коварство.

Данные признаки репрезентируются лексемой *росянка* и словосочетанием *венерина мухоловка*. Росянка (лат. *Drósera*) – род плотоядных растений семейства Росянковые (*Droseraceae*), встречаются на болотах, песчаниках, в горах – почти на любых видах почв. Венерина мухоловка (лат. *Dionaea muscipula*) – вид хищных растений из монотипного рода Дионея семейства Росянковые (*Droseraceae*) [2; с. 564]. Кроме того, данные признаки содержатся и в лексемах *ундина*, *русалка*. Известно, что данные мифологические персонажи, несмотря на свою красоту и привлекательность, были опасны и могли погубить людей.

Таким образом, вводя в описание образа женщины начала 20 века названия хищных плотоядных растений и мифологических существ, прекрасных, но враждебных человеку, Толстая подчеркивает противоречивость сущности женщины: с одной стороны, она мягкая, женственная, отрешенная от реальности, нежная, слабая, красивая, но, с другой, в ней есть и сила, и коварство, и опасность, которые, возможно, и скрываются под внешней беззащитностью.

Еще одним приемом, который помогает создать образ женщины начала 20 века, является ввод в описание лексем, обозначающих предметы гардероба, аксессуаров, материал, из которого они изготовлены: *шляпа, вуаль, кисея, муслин*. Например: «*Они смотрят, но не всматриваются, они прикрыли глаза кисеей и вуалями, – на что им мир, он уже пойман, уловлен, водружен на голову!... На одной шляпе – сирень, на другой – крыло райской птицы, а эта захотела пришить целый корабль. Я цвету, я летаю, я сейчас улыву!*»; «*Белые водовороты тел увенчаны шляпами, каждая как клумба, как сад, как взбегающий на гору город. Легкие, пышные цветники, взбитый белок, черные муссы, сиреневые водопады....*» [1; 37]. В данных контекстах Т. Толстая, используя эпитеты, метафоры и сравнения создает воздушный, нежный, изысканный образ.

Совсем иной в произведении предстает женщина после революции. На смену женственности приходит маскулинность, образ женщины приобретает такие черты, как грубость, жесткость, сухость, твердость. Для раскрытия этих черт Т. Толстая использует стилистически сниженную лексику, лексемы, обозначающие предметы мужского гардероба: «*Какая-нибудь Сонька-комиссарша, эскадронная шукура, в кожаной куртке с мужского плеча, в фуражке с лакированным козырьком на стриженном затылке... покажет гражданину Жуку кузькину мать. Пых! Синий дымок, и нет Жука, а его золотые очки будет с гоготом надевать на реквизированную кобылу*» [1; с. 38].

В данном примере мы видим, что женщина входит в совершенно не свойственную ей роль солдата, борца, занимая место мужчины, при этом она теряет женские качества, как внешние, так и внутренние, и приобретает мужские: жесткое поведение, грубость, мужская одежда и стрижка. Это однозначно оценивается Толстой отрицательно, т.к. для описания она использует лексику, имеющую негативную, грубую стилистическую окраску (*показать кузькину мать, комиссарша, эскадронная шукура, гогот*).

Далее тема изменения женщины развивается. Толстая подчеркивает отсутствие женственности, используя эпитеты, сравнения, метафоры: *тупые носки туфель, тесный подол, стреноженные колени, тело, как у солдата, женщина-мальчик, тонкая, как игла, шляпа-каска, красный рот – монмартрский вампирчик, призрак с*

пустыми глазами. При этом Толстая подчеркивает, что изменения женщины тесно связаны с изменением общества, что женщина поставлена в такие условия, когда она уже не может быть женственной: «*Расчесали отросшие кудри, щипцами завили какие-то локоны, хорошо бы бант. Но бант для красавиц и в праздники, обычная же гражданка, на трамвае едущая в учреждение наравне с мужчинами, обычная гражданка надевает берет... Берет – та же каска, только мягкая... Подними воротник пальто, папиросу в зубы, ветер дует в спину*» [1; с. 39]. В данном примере Толстая не случайно подчеркивает именно социальную роль женщины, два раза называя ее гражданкой. Место женщины в обществе изменилось, она уже не мать и жена, а прежде всего гражданка. И именно с этим связаны изменения ее внешнего облика и поведения. Затем Толстая описывает женщину конца 20 века: «*Дик и страшен лик свободы для того, кто пропустил два поколения. Вместо молодых приличных женщин – таборы босоногих цыганок, табуны мотоциклетных менад. Вместо платьев – ночные сорочки, вместо шляп – волосы-волосы-волосы*» [1; с. 40]. Здесь Толстая подчеркивает бесстыдство, отсутствие скромности, распущенность современных женщин, что опять же противопоставляется женственности, поскольку стыдливость и скромность исконно были основными положительными женскими характеристиками. Для этого она вводит в описание лексемы **табор, табун, цыганка, менада** (менады – в древнегреческой мифологии спутницы и почитательницы Диониса. С древнегреческого «менады» переводится как «безумствующие». Также назывались вакханками (по имени Диониса – Вакх), бассаридами – по одному из эпитетов Диониса – «Бассарей») [3; с. 516], что вызывает ассоциации с разгульной жизнью, распутством и бесстыдством.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рассказе «Лилит» Татьяна Толстая описывает изменения, произошедшие во внешнем и внутреннем облике женщины на протяжении столетия. Если женщина начала века предстает перед читателями в образе «идеала» женственности: нежной, мягкой, утонченной, изысканной, слабой, скромной, но притягательной, волнующей, поэтичной, возвышенной, то после революции женщина теряет многие положительные женские качества и приобретает мужские (жесткость, грубость, твердость, отсутствие стыдливости и другие), что оценивается Татьяной Толстой отрицательно.

Библиографический список

1. Толстая Т. Река Оккервиль. М., 2005. 464 с.
2. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. М., 2011. 960 с.
3. Щеглов Г.В., Арчер В. Мифологический словарь. М., 2006. 793 с.

References

1. Tolstaya T. River Okkervil. M., 2005. 464 p.
2. Ushakov D.N. Great Dictionary of the Russian language. M., 2011. 960 p.
3. Sheglov G.V., Archer V. Mythological Dictionary. M., 2006. 793 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 81' 243

*ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры
русского языка
Жидкова Ю.Б.
Россия, г. Воронеж,
тел. 8-910-738-19-80,
zhidkova_juliabori@mail.ru*

*Military Air Academy named after
prof. N.E. Zhukovsky and J.A. Gagarin,
the chair of Russian language,
PhD, senior lecturer
Zhidkova Ju.B.
Russia, Voronezh,
8-910-738-19-80,
zhidkova_juliabori@mail.ru*

*ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
преподаватель кафедры русского языка
Федотова Н.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. 8-910-738-53-20,
Natali.VL-Fedotova@yandex.ru*

*Military Air Academy named after
prof. N.E. Zhukovsky and J.A. Gagarin,
the chair of Russian language, lecturer
Fedotova N.V.
Russia, Voronezh,
8-910-738-53-20,
Natali.VL-Fedotova@yandex.ru*

Ю.Б. Жидкова, Н.В. Федотова

УСТНАЯ ФОРМА НАУЧНОЙ РЕЧИ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В данной статье говорится о проблеме обучения устной форме научной речи. Рассматриваются «сильные» и «слабые» элементы научного стиля речи на синтаксическом уровне устной формы изложения. Обращается внимание на необходимость обучения способам выражения смысла высказывания.

Ключевые слова: функционально-семантический принцип, высказывание, научный стиль речи.

J.B. Zhidkova, N.V. Fedotova

THE ORAL FORM OF THE SCIENTIFIC SPEECH AND ITS PLACE IN EDUCATION OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

This article describes the problem of teaching oral scientific speech. Are considered «strong» and «weak» elements of scientific style speech on syntactic level of oral presentation. Attention is drawn to the need to study ways of expressing the meaning of the utterance.

Keywords: functional-semantic principle, utterance, scientific style of speech.

Программы, рассчитанные на усвоение РКИ в высших учебных заведениях, составляются на основе текста, что предусматривает выработку у обучающихся умений и навыков формулирования высказываний на текстовом уровне. На этом этапе цель обучения заключается в использовании русского языка как языка специальности. Поэтому учащиеся должны усвоить не только необходимые термины и речевые клише, но и характерные для языка специальности формы

речевых конструкций, а также структурную форму текста. Это достигается путем выполнения различных устных и письменных заданий на основе научного текста. При этом в единой программе для всех специальностей указываются характерные особенности содержания и формы текстов научного и официально-делового стилей речи, являющихся универсальными для языка всех специальностей [3; с. 105].

Применяются еще программы, основанные на функционально-семантическом принципе коммуникативной методики. Они направлены на выработку у учащихся умений и навыков понимания смысла изложенной в устной и письменной форме информации и продуцирования данной информации путем формулирования своей мысли на русском языке. В отличие от грамматического принципа обучения, цель которого заключается, в основном, в усвоении знаний о грамматическом строе изучаемого языка, в данных программах предусматривается выработка речевых умений и навыков с использованием полученных знаний в практике устного и письменного общения, иначе говоря, в обучении практическому применению знаний о языке. Таким образом, знания о каждой грамматической форме используются с точки зрения выполнения этой формой семантических функций в речи. В программах, основанных на указанном принципе, главное – это обучение способам выражения смысла высказывания, поэтому их структурной единицей является семантическая тема, например, «Определение (квалификация и дефиниция) научного понятия», «Характеристика предмета (явления, процесса)», «Методы изучения и описания природы» и т.п. Однако каждая из данных семантических тем может состоять из более мелких тем. Так, при обозначении признака предмета указываются его цвет, форма, строение, назначение, размер, запах и вкус, количественная характеристика, а также его признак по сравнению с другим предметом. В функционально-семантических программах по обучению РКИ каждый из этих признаков представляется как отдельная семантическая тема. Кроме того, учитывается и тот факт, что в данных речевых конструкциях могут использоваться две-три синонимичные по смыслу грамматические формы: *жидкость без цвета – бесцветная жидкость, стальная деталь – деталь из стали; что состоит из чего – что входит в состав чего?; что изготавливают из чего? – что делают из чего? – что сделано из чего?; масса тела – 5 кг – тело массой 5 кг.*

Поэтому при обучении РКИ учащимся нужно дать необходимую для высказываний лексику с представлением синонимичных вариантов [3; с. 106].

В данных программах в работе по всем темам предусматривается одновременное развитие у учащихся умений и навыков по четырем видам деятельности: аудированию, говорению, чтению и письму. В работе по усвоению употребляемых по каждой семантической теме речевых конструкций предполагается выработка у учащихся умения различать фонетические и морфологические особенности используемых лексических единиц, а также синтаксическую форму конструкций, в результате этого – выработка умений и навыков употребления других, подобных им речевых единиц [3; с. 106]. Функционально-семантическими программами охватываются чисто речевые, характерные для практической речевой деятельности семантические темы.

Каждая форма коммуникации характеризуется своими психофизиологическими чертами, ей свойственны свои рецепторы и анализаторы. Разница между устной и письменной речью проявляется и в лингвистическом плане. Различия эти находят свое отражение в процессе обучения иностранным языкам.

Особенность устной речи заключается в богатстве интонационного оформления, специфическим набором речевых средств и своей структурой, линейностью во времени, проявлении авторского начала с целью усиления воздействия на слушателей, большой дозой мимики и жестов и т.д.

Письменная форма речи отличается от устной, прежде всего, большей сложностью синтаксиса (сложные синтаксические конструкции, причастные и деепричастные обороты, вставные конструкции), большей сознательностью в оформлении, полнотой и развернутостью, иным способом интонационного оформления, актуального членения (порядок слов).

По видам коммуникативной деятельности в устном общении выделяем аудирование и говорение, в письменном – чтение и письмо. Из этих двух форм коммуникаций основной и ведущей является устная.

Одним из важнейших аспектов изучения русского языка как иностранного является изучение устной формы научной речи. Устная научная речь двупланова. С одной стороны, это устная форма научного изложения, устное проявление данного функционального стиля. Она обладает «признаком научности» и чертами книжно-письменного типа речи. С другой стороны, устная форма научного стиля речи, являясь компонентом устно-разговорной формы общения, испытывает ее влияние.

Существенные признаки устной и письменной форм коммуникации и главные их различия наиболее ярко проявляются на синтаксическом уровне, поэтому мы рассмотрим «сильные» и «слабые» элементы научного стиля речи на синтаксическом уровне.

Для научной речи наиболее типична письменная форма реализации. Какие же тенденции обнаруживаются в устной форме реализации? Проведенный анализ выступлений курсантов показал, что основные примеры устной научной речи заданы отчасти первичностью книжно-письменного способа ее существования. Взаимодействуя с устной формой изложения, книжно-письменный характер стиля порождает в ней сильные элементы. К ним относятся:

1. Тематическая цельность сообщения. В любом типе высказывания организующие его предложения не равнозначны по своей семантической ценности: различаются начальные фразы, формулирующие тему, продолжающие ее и завершающие. Тематическая цельность сообщения обеспечивается движением темы, выбором предложения, обеспечивающего межфразовую связь, определенной интонационной оформленностью и др.

2. Наличие четко выраженных логических отношений между частями высказывания, переданных при помощи разнообразных семантико-синтаксических скреп, например, союзов, союзных слов, местоимений, наречий и других знаменательных частей речи, функции которых близки к функциям союзов. В качестве связи выступают лексические и семантические повторы. Повторяющимися словами часто являются существительные, которые лексическим наполнением предложения выполняют и грамматическую функцию связи предложений. Для установления межфразовых связей часто используются вводные слова, словосочетания и предложения:

- а) группа слов, выражающая:
  - вывод, итог, обобщение, следствие (таким образом, вообще);
  - порядок при перечислении или последовательность развития мысли (во-первых, во-вторых, прежде всего);
  - пояснение, уточнение (например, в частности);
  - сопоставление и противопоставление (с одной стороны, однако);

- добавление (кроме того);
- ссылку на сказанное прежде и на последующие высказывания;
- ссылку на предшествующий опыт;

б) вводные слова и словосочетания:

- характерное отношение к способам выражения мысли, которое разъясняет, уточняет и подытоживает содержание предыдущего изложения (вернее, строго говоря, другими словами);

- слова и словосочетания, содержащие оценку достоверности сообщений (разумеется, очевидно, действительно и т.п.)

3. Выбор прямого, объективного порядка слов в предложении, как наиболее адекватно передающего развитие и структуру научной мысли. Для устной формы научного стиля речи характерны постпозитивные не согласованные определения. В отличие от их употребления в разговорной речи, они могут занимать и контактное и дистантное по отношению к определяемому слову положение, для научной речи характерно лишь контактное расположение.

4. Неопределенно-обобщенная манера изложения, создаваемая употреблением безличных, неопределенно-личных, обобщенно-личных предложений и пассивных конструкций, отражающая отвлеченно-обобщенный характер научного мышления.

5. Употребление предложно-падежных групп на месте соответствующих и принятых в общелитературном языке придаточных предложений и осложнение структуры предложения употреблением причастных, деепричастных, инфинитивных и др. оборотов, что обуславливает наличие в высказывании предложений достаточно большой длины и глубины.

6. Использование для выражения разнообразных, тонко разграничиваемых отношений между предметами и явлениями действительности сложных предложений, организованных в более крупные синтаксические построения по принципу «блокирования» и «нанизывания» их частей.

Перечисленные «сильные» элементы синтаксиса научного стиля речи составляют иерархически организованную систему, не все элементы которой обладают одинаковой коммуникативной и методической значимостью.

Устное и письменное высказывание, помимо общих «сильных» элементов, имеют черты различия, вызванные устной формой реализации. К «слабым» элементам относятся прежде всего разговорные конструкции, присутствующие в речи по специальности.

Устное общение порождает 2 противоположных стремления:

1. К неполному выражению смысловых звеньев сообщения.
2. К возможно более точной и полной передаче мыслей.

Эти тенденции характерны для устной речи вообще – любого рода добавления, пояснения, уточнения, повторения.

К «слабым» элементам относятся:

1. Конструкции с так называемым именительным темой, именительным самостоятельным или падежом представления, когда личное местоимение 3-го лица употребляется в форме именительного или косвенного падежа. Существительное в именительном падеже представляет тему высказывания, а местоимение и последующие члены – рему.

Например: Понятие устойчивости / неустойчивости – оно очень важно.

2. Сегментирование конструкции с «предваряющим» элементом. Главное в них – это рема – тематическая расчлененность структуры, ее сегментирование,

причем «предваряющий» элемент часто является рематическим. Употребление такой экспрессивной синтаксической конструкции свойственна всем типам устной речи и связана со стремлением к выразительности, подчеркиванию, акцентированию внимания на главном.

Например: Характеристика элемента, атомный вес как важнейшее свойство его атома – так можно понять мысль Менделеева.

3. Присоединительные, парцеллированные конструкции. Это такой способ речевого членения единого предложения, при котором она воплощается не в одной, а в несколько интонационно-смысловых единицах.

Например: Форму траектории описывают математически. Используют уравнения.

Простейший случай парцелляции – повторение однородных членов предложения.

4. Обособленные члены предложения с «нарушением» синтаксических связей.

Например: При комнатной температуре все металлы находятся в твердом состоянии, кроме ртути.

5. Вставные и вводные конструкции, разного рода добавления и самоперебивы.

Например: О трех видах равновесия: (мы уже рассматривали их) устойчивом, неустойчивом и безразличном – мы говорим в том случае, когда тело имеет опору.

6. Смещение синтаксической перспективы предложения, нарушающее его синтаксическую целостность.

Например: Исходя из того, что они не заполняются, и это было установлено, из этого приходится делать вывод, что...

7. Вопросно-ответные построения или риторические вопросы, где тема оформлена как вопрос и этим выделена.

Например: Как может двигаться тело? Тело может двигаться прямолинейно или криволинейно.

8. Употребление конструкций, создающих контактность речи, наглядность.

Например: Значит, сейчас у нас электроны под напряжением.

9. Наличие слов и словосочетаний, логически и семантически избыточных.

Например: У теллура четыре электрона валентности многовато, но зато радиус большой. Это пересиливает.

10. Разные препаративы типа: значит, вот, в общем, вообще.

Все перечисленные выше конструкции выделяются на основании одного признака – коммуникативной расчлененности высказывания. Не менее интересна и тенденция к неполному выражению смысловых звеньев.

Для устной научной речи характерна неполнота высказывания, основанная: 1) на контекстуальных связях; появляются замены слов и словосочетаний обобщенного типа; 2) на знании предметной обстановки, жесте, мимике; 3) на предварительном знании.

«Слабые» элементы синтаксиса устной речи, зависящие от условий общения, индивидуальной манеры говорящего и т.п. не нарушают ни общелитературной, ни стилистической нормы, не создают конфликтной ситуации выбора.

Научный текст и в устной и в письменной форме организуется «сильными» элементами. Взаимодействие «сильных» и «слабых» элементов устной научной речи определяет характер текстового материала для развития речи.

Развитие умений и навыков работы с текстами научного стиля речи связано с требованием краткого и точного изложения мыслей.

Для обучения употреблению в речи простых предложений с предложно-падежными конструкциями у учащихся следует выработать умение правильного выбора нужной падежной конструкции в соответствии с вопросом, исходящим от управляющего слова. В зависимости от этого в ответе будет употребляться или не употребляться определенный предлог: *Деталь имеет (что?) форму (чего?) цилиндра. Деталь имеет (что?) цилиндрическую форму. Деталь (какая?) цилиндрической формы. Деталь в форме (чего?) цилиндра. Хром обладает (чем?) большой твердостью. Призма относится (к чему?) к многогранникам.*

Сложность усвоения предложно-падежных конструкций русского языка носителями других языков заключается в том, что для выражения мысли по одной семантической теме могут употребляться слова и словосочетания в нескольких падежных формах. Например, тема «Взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие предметов, явлений» предполагает следующие конструкции: *что зависит от чего, что влияет на что, что происходит под действием чего* и др.

Формирования умений и навыков сознательного выбора и употребления в речи нужной падежной формы в соответствии с целью высказывания можно достичь только при условии включения в функционально-семантические программы всех семантических функций грамматических форм. Например, формы согласования в роде, числе и падеже или разница в употреблении падежных форм слов с указанием количественных данных используются в высказываниях почти по всем семантическим темам [3; с. 109].

Учащиеся должны многократно упражняться в передаче содержания, извлеченного из письменных источников, в формах, адекватных устному общению на научные темы. Целевые установки обучения должны определять не только тематику, лексико-грамматическую нагруженность текста, но и его тип, жанр. Поэтому важно рассмотреть методическую значимость текста как единицы обучения и типологию учебных текстов, выбираемых для развития навыков монологического высказывания.

Библиографический список

1. Дубинская Е.В., Орлова Т.К., Раскина Л.С. Русский язык как иностранный. Русский язык будущему инженеру. М.: Наука, 2009.
2. Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения: Методическое пособие. М.: Русский язык, 1976.
3. Талипова Р.Т. Об обучении русскому языку по функционально-семантическим программам // Русский язык за рубежом. №1, 2014. С. 104-110.

References

1. Dubinskaya E.V., Orlova T.K., Raskina L.S. Russian as a foreign language. Russian for the future engineer. M.: Nauka, 2009.
2. Mitrofanova O.D. Scientific style of speech the problems of learning: The Methodical. M.: Russian language, 1976.
3. Talipova R.T. About learning Russian language for functional-semantic programme // Russian language abroad. №1, 2014. P. 104-110.

УДК 811.161

*Ивановский государственный энергетический университет им. В.И.Ленина
канд. филол. наук, доц. кафедры русского и французского языков,
Токарева Г.В.
Россия, г. Иваново, тел. 89065104397;
e-mail: galina.tokareva@gmail.com*

*Ivanovo State Power University named after V.I. Lenin
PhD, associate professor of department of Russian and French languages,
Tokareva G.V.
Russia, Ivanovo, tel. 89065104397;
e-mail: galina.tokareva@gmail.com*

Г.В. Токарева

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В статье идет речь об использовании преподавателями русского языка Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина эффективных технологий развития творческих инициатив иностранных студентов в целях расширения возможностей изучения русского языка. Обобщается опыт работы студенческого Клуба любителей русского языка с точки зрения его роли в формировании и развитии мотивации к изучению русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, студенческая инициатива, Клуб любителей русского языка, мотивация, внешняя мотивация, внутренняя мотивация.

G.V. Tokareva

NEW WAYS TO STUDY RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN ONE IN THE CONTEXT OF STUDENTS ACTIVITY DEVELOPMENT IN TECHNICAL UNIVERSITY

The article describes the experience of Russian Language professors of Ivanovo State Power Engineering University. It deals with application of new technologies to develop creative activity of international students to optimize the way of studying Russian Language. The activity of Russian Speaking Club is described. Its role to form and develop motivation of international students to study Russian Language is emphasized.

Keywords: Russian as a foreign language, students activity, Russian Speaking Club, motivation, external motivation, internal motivation.

Уровень знания русского языка иностранным студентом определяется в первую очередь его непосредственным контактом с преподавателем во время занятий. Кроме того, важно и то, стремится ли преподаватель задействовать другие возможности, позволяющие создавать обстановку реального общения, естественные, живые речевые ситуации, в которых востребовано непосредственное общение с носителями языка. Наш опыт убеждает: чтобы сохранить и развить мотивацию к изучению русского языка, важно максимально задействовать коммуникативные способности иностранных студентов на начальном этапе его изучения, формируя у них отношение к языку как средству общения. Безусловно, правы те ученые, которые считают, что обучение иностранному языку нельзя понимать как чисто прикладную и узкоспециальную задачу обучения языку специальных текстов. Русский язык должен изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках [1].

По нашим наблюдениям, мотивация к изучению русского языка как иностранного значительно возрастает, если перспективы использования языка как средства общения реализуются не только на учебных занятиях, но и во внеурочной деятельности, позволяющей создать условия для формирования как внешней, так и внутренней мотивации к изучению русского языка, причем по индивидуальной траектории развития.

Предыдущий опыт по данной проблематике уже был обобщен нами в ряде статей [2]. В этой статье речь пойдет об опыте преподавателей русского языка Ивановского государственного энергетического университета (ИГЭУ) по организации работы студенческого Клуба любителей русского языка.

В 2014 г. иностранные студенты ИГЭУ обратились к преподавателям русского языка как иностранного с просьбой помочь им организовать работу Клуба любителей русского языка (далее – Клуб) в рамках университетского проекта «Студенческая инициатива» [6]. Заметим, что в настоящее время во многих вузах России студенческое самоуправление обретает новый смысл: оно направлено на развитие социально значимой деятельности студенческой молодежи, вовлечение ее в решение социальных проблем общества, воспитание равнодушия к окружающему миру и окружающим людям. Конечно, самоуправление может развиваться практически во всех видах деятельности студентов. Но быстрее всего это происходит там, где более ярко выражена сфера их интересов. У иностранных студентов на ранних курсах обучения они в первую очередь связаны с изучением русского языка, адаптацией, преодолением языкового и культурного барьера. Поэтому, конечно, чрезвычайно важно, что, участвуя в работе Клуба, они приобретают личный опыт демократических отношений, принятия решений и ответственности за них, совместной и самостоятельной деятельности, но еще более значимо, что благодаря участию в этом проекте повышается их мотивация к изучению русского языка.

В работе Клуба принимают участие российские и иностранные студенты. В этом году он обрел название «Филорусы», была разработана эмблема, сформулирован девиз («Я горжусь тем, что говорю по-русски»). Было разработано и принято «Положение о студенческом клубе любителей русского языка «Филорусы». В документе отмечается, что Клуб объединяет студентов ИГЭУ, выбравших русский язык средством своего общения, и является открытой площадкой для обсуждения актуальных проблем русского языка и межкультурной коммуникации. Цели Клуба определяются следующим образом:

1. Создание условий для практической реализации навыков общения на русском языке, для использования русского языка как средства коммуникации между представителями разных народов и культур.
2. Помощь иностранным студентам в преодолении языкового и культурного барьера, в адаптации их к новым условиям межкультурной коммуникации.
3. Формирование у иностранных студентов потребности в активном использовании русского языка.
4. Развитие общественной инициативы студентов ИГЭУ, формирование у них активной позиции по отношению к проблеме межъязыкового и межкультурного взаимопонимания в многонациональной молодежной среде.
5. Осуществление студентами социально значимой деятельности.

Основное содержание деятельности Клуба – проведение мероприятий, направленных на:

- 1) развитие интереса к русскому языку, к сравнительному изучению языков и культур разных стран и народов;
- 2) осуществление диалога и взаимодействия между различными культурами и народами;
- 3) формирование уважительного отношения к языкам и культурам, представителями которых являются студенты ИГЭУ.

На основании этого Положения были определены приоритеты деятельности, направления работы и структура Клуба.

Цели Клуба, основные направления его деятельности оказались привлекательными как для российских, так и для иностранных студентов.

Российских студентов заинтересовала возможность непосредственной коммуникации с представителями других языков и народов. Ими также руководит желание помочь студентам из ближнего и дальнего зарубежья в адаптации, показать богатство и разнообразие русской жизни, молодежного общения. Иностранных студентов Клуб привлекает перспективами активного расширения сферы использования русского языка в разных ситуациях неформального общения. Кроме того, в работе Клуба могут участвовать иностранные студенты с разным уровнем знания русского языка, так как в многоязыковом клубе всегда есть «свои переводчики» со старших курсов, хорошо ориентирующиеся в условиях студенческой университетской жизни. Клуб позволяет создать условия для активного контакта на русском языке на заседаниях, а также в промежутках между заседаниями: в переписке по электронной почте и мобильном обмене информацией в социальных сетях (прежде всего, «Вконтакте»). В процессе организации и проведения мероприятий Клуба студенты ощущают потребность в адекватном понимании информации на русском языке, соблюдении такого коммуникативного качества речи, как точность.

Постепенно были определены рубрики, отражающие основные направления деятельности Клуба: «Учеба», «Культура», «История жизни выпускников ФИС», «Мы и наш город», «Мир молодых», «Пресс-центр». По каждому направлению были выделены приоритетные проекты, информация о которых была размещена студентом-администратором и модератором проекта «Клуб любителей русского языка» на сайте «Объединенный совет обучающихся» ИГЭУ. Так, по направлению «Учеба» «Филорусы» предложили создать пособие «Я студент ИГЭУ» в помощь иностранным студентам, начинающим изучать русский язык. Иностранные студенты старших курсов сами разработали тематику пособия, словарный минимум и диалоги по каждой теме, исходя из своего личного опыта и реалий студенческой жизни конкретного вуза – ИГЭУ. Сейчас завершается подготовка этого пособия на французском языке, в перспективе – варианты на английском, португальском, арабском. Планируется выставить это пособие на сайте «Объединенный совет обучающихся» ИГЭУ в качестве интерактивного проекта, чтобы каждый участник Клуба смог включиться в его обсуждение, вносить свои дополнения, уточнения. В данный момент студенты совместно продумывают оформление этого пособия.

По направлению «Культура» студентами была запланирована реализация трех проектов, один из которых уже завершен: участие в студенческом конкурсе, посвященном Европейскому дню языков [3]. Четыре команды ИГЭУ представили

европейские языки, которые сегодня изучают студенты нашего вуза: английский, французский, немецкий, русский. Команда иностранных студентов Клуба «Филорусы» подготовила для этого мероприятия презентацию «Русский язык глазами иностранного студента», главным тезисом которой стал девиз Клуба «Я горжусь тем, что говорю по-русски». Студенты разных курсов факультета по подготовке иностранных специалистов (ФИС) также представили сказку «Репка на новый лад», активно участвовали в редактировании текста: предлагали решения, направленные на усиление динамики действия, сокращали текст, исключая трудные для понимания и произношения слова. Также на конкурсе они выступили с авторским музыкальным номером – с танцем «От Волги до Енисея...», хореография которого рождалась благодаря советам иностранцев-старшекурсников, помогающих студентам младших курсов ориентироваться в новом для них пласте лексики, связанной с языком русского танца и костюма.

Второй проект по направлению «Культура» – презентация Клуба, посвященная Международному дню студентов. Мероприятие включает знакомство студентов ИГЭУ с целями Клуба, с его структурой и направлениями деятельности, подведение итогов интернет-конкурса открыток, посвященных этому празднику, телемост со студентами г. Воронежа, выступление иностранного аспиранта ИГЭУ на тему «Какие преимущества мне дало хорошее знание русского языка?», исполнение гимна России на трех языках (русском, французском и английском) студентами Клуба.

Третий проект по направлению «Культура» связан с потребностью иностранных студентов понять Россию и русских людей благодаря возможностям отечественного кинематографа. Участники Клуба размещают лучшие, с их точки зрения, русские фильмы и мультфильмы в социальной сети «ВКонтакте», чтобы иностранные студенты смогли их просмотреть, а затем обсудить на заседании Клуба. Для того чтобы отбор фильмов не был случайным, российские участники Клуба (первокурсники факультета информатики и вычислительной техники) провели опрос среди студентов ИГЭУ на тему «Какие бы десять отечественных фильмов вы рекомендовали иностранным студентам, чтобы они лучше поняли Россию и русских людей?» Любопытно, что по результатам этого опроса лидером стала комедия Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию».

Тематика встреч в Клубе по направлению «Мир молодых» определяется интересами большинства участников. Чтобы сформулировать тематику ближайших встреч, было решено за основу взять выбор иностранных студентов. По результатам опроса среди иностранных студентов приоритетными оказались три темы: тема любви, темы «Почему русские меня не понимают?» и «Что я люблю делать больше всего в свободное время?»

При обсуждении первой темы – «Расскажи о своей любви» – иностранные студенты были очень открыты. Возможно, сказалась оторванность от дома, от близких людей. Чувствовалась потребность в теплом, доверительном общении, в расширении своего словарного запаса по теме обсуждения, настолько велико было желание рассказать о своем личном опыте другим, задать вопросы друг другу. Новая лексика непосредственно и активно включалась в практику их речи.

Толчком к проведению встречи на тему «Почему русские меня не понимают?» послужила история иностранного студента первого курса. На заседании Клуба он

рассказал: «Русская девушка помогала мне в учебе. Я сказал ей, что люблю ее. Она рассердилась или обиделась и больше не стала со мной заниматься. Что я сделал не так?» Оказалось, что вопрос «Что я сделал не так, с точки зрения русских людей?» значим для всех иностранных студентов.

На заседаниях Клуба на тему «Что я люблю делать больше всего?» студенты планируют поделиться друг с другом своими музыкальными пристрастиями, творческими замыслами, например, рассказать о своем романе, который уже написан на родном – французском языке.

Следующее направление работы Клуба получило название «Пресс-центр». В качестве приоритетных задач здесь планируется осуществлять рекламу деятельности Клуба: уже начала работу фотослужба, организовано сотрудничество со студенческим телевидением ИГЭУ по созданию рекламных видеосюжетов, отражающих деятельность студенческого объединения «Филорусы».

Таким образом, основная задача организаторов Клуба видится в том, чтобы поддерживать любую попытку речи на русском языке. При этом мы понимаем, что научить иностранных студентов общаться (устно и письменно), создавать тексты на русском языке, а не только понимать русскую речь – трудная задача, осложненная еще и тем, что общение – это не только вербальный процесс. Его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий общения, знания этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия фоновых знаний и многого другого. Студенческий Клуб дает возможность активно использовать эти составляющие эффективного общения, при этом развивать внешнюю и внутреннюю учебную мотивацию к изучению русского языка.

Как известно, внешняя мотивация не связана непосредственно с содержанием предмета, а обусловлена внешними обстоятельствами. Участие в работе Клуба позволяет, на наш взгляд, формировать следующие внешние мотивы:

1. Мотив достижения (стремление занять достойное место в рейтинге активности студентов ИГЭУ).

2. Мотив самоутверждения (стремление утвердить себя, получить признание и одобрение преподавателей, однокурсников, повысить свой авторитет в преподавательской и студенческой среде, среди своих земляков, которые приглашаются на мероприятия Клуба).

3. Мотив идентификации (стремление студентов быть похожим на успешных студентов-старшекурсников, аспирантов, которые, благодаря хорошему знанию русского языка, имеют преимущества перед другими иностранцами, обучающимися в вузе).

4. Мотив аффилиации (стремление к общению с другими студентами, быть в обществе других людей, потребность в создании теплых, эмоционально значимых отношений с другими людьми, преодоление одиночества, отчужденности).

5. Мотив саморазвития (стремление к самоусовершенствованию; деятельность в Клубе рассматривается студентами как средство духовного обогащения и общего развития, о чем свидетельствуют заявленные в Положении цели).

6. Просоциальный мотив (осознание общественного значения своей деятельности в Клубе).

Внутренняя мотивация связана не с внешними обстоятельствами, а непосредственно с самим предметом. Поэтому ее часто называют процессуальной мотивацией. Участие в работе Клуба, на наш взгляд, позволяет создавать такие

условия, благодаря которым развивается внутренняя мотивация к изучению русского языка как иностранного: студентам нравится общаться на русском языке, проявлять свою интеллектуальную и общественную активность, они положительно относятся к различным видам деятельности на этом языке.

Таким образом, такая форма внеурочной работы, как Клуб любителей русского языка, позволяет развивать творческую инициативу иностранных студентов, а также расширять возможности изучения русского языка в условиях неформального общения.

Библиографический список

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / SLOVO, 2000. 624 с.
2. Токарева Г.В. Изучение мотивации иностранных студентов в процессе преподавания курса «Русский язык и культура речи» в техническом вузе // «Профессионально направленное обучение русскому языку иностранных граждан». Сб. материалов международной научно-практической конференции. Т. 3. М.: МАДИ, 2012. С. 109-113.
3. Токарева Г.В. «Я горжусь тем, что говорю по-русски...» / Режим доступа: URL: <http://ispu.ru/node/13176>.
4. Токарева Г.В., Фалина В.А. Использование эффективных технологий развития творческих инициатив иностранных студентов в целях расширения возможностей изучения русского языка // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». Том 4 (2013). Выпуск 4. С.333-335.
5. Фалина В.А. Я в России: учеб. пособие по лингвострановедению / ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В. Ленина». Иваново, 2013. 76 с.
6. Сайт: <http://student.ispu.ru/>

References

1. Ter-Minasova S.G. Language and cross-cultural communication. M.: Slovo, 2000. 624 p.
2. Tokareva G.V. Studying motivation of international students in the course of «Russian language and Culture of Speech» in technical university // «Russian language teaching in professional discourse» Proceedings of scientific conference. V. 3. Publishing: MADI, 2012. P.109-113.
3. Tokareva G.V. «I am proud of speaking Russian...» / URL: <http://ispu.ru/node/13176>.
4. Tokareva G.V., Falina V.A. Introduction of effective technologies of activity development of international students for optimization of Russian language studying // Izvestia of Liberal Art. V.4 (2013). Issue 4. P. 333-335.
5. Falina V.A. I am in Russia: work book on linguistic and cultural studies / FSBEI HPE «Ivanovo State Power University named after V. Lenin». Ivanovo, 2013. 76 p.
4. Website: <http://student.ispu.ru/>

УДК 811.133.1

*Московский гуманитарно-
лингвистический институт МГЛИ
ст. преп. кафедры иностранных языков
Первалова С.Г.
Россия, Москва,
тел. +79859670229,
e-mail: som.81@mail.ru*

*Moscow international linguistic institute
MGLI
The chair of Foreign Languages,
Senior lecturer
Perevalova S.G.
Russia, Moscow,
+79859670229,
e-mail: som.81@mail.ru*

С.Г. Первалова

**ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ
ПОСРЕДСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ,
БЕРУЩИХ СВОЕ НАЧАЛО ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ БАСЕН ЛАФОНТЕНА)**

В данной статье даются краткий анализ понятия фразеологии как лингвистического термина, становления мировой и французской фразеологии и основных видов собственно французских фразеологизмов, история их возникновения и правила употребления, а также рассматривается природа возникновения некоторых устойчивых выражений на примере отдельных басен Лафонтена.

Ключевые слова: лексическая и культурологическая компетенция, фразеология, фразеологический оборот, устойчивое выражение, Шарль Балли, басни Лафонтена.

S.G. Perevalova

**THE FORMATION OF LEXICAL AND CULTURAL COMPETENCE OF
STUDENTS OF LANGUAGE FACULTIES THROUGH THE STUDY OF
IDIOMATIC ORIGINATING FROM FRENCH LITERATURE
(ON THE MATERIAL OF THE FABLES OF LA FONTAINE)**

This article gives a brief analysis of the notion of phraseology as a linguistic term, the formation of the world and French phraseology and the main types of the actual French idioms, the story of their origin and rules of use, and also discusses the nature of occurrence of some stable expressions in the example of individual fables of La Fontaine.

Keywords: lexical and cultural competence, phraseology, phraseological expression, stable expression, Charles Bally, fables of La Fontaine.

Необходимость более глубокого познания мира носителей изучаемого языка является сегодня одной из самых актуальных и первостепенных задач в преподавании иностранных языков. Изучение и преподавание языка необходимо вести на широком фоне исторической, экономической, социальной и культурной жизни народа. Только полностью понимая носителей языка и культуру их страны, можно говорить о глубоком и детальном знании и владении языком.

Еще М. Ломоносов утверждал, что важнейшими особенностями языка являются две его функции: функция общения людей и функция оформления мыслей.

«Язык есть важнейшее средство общения людей, средство познания человеческой личности и всего народа в целом. Язык – это живая связь времен. С помощью языка человек осознает роль народа в прошлом и настоящем» [2; 3].

Таким образом, в языке народа отражается его история, мировоззрение, особенности характера и менталитета. Говоря на том или ином языке, мы пользуемся не только отдельными словами, но и целыми устойчивыми сочетаниями слов, так называемыми фразеологическими оборотами, которые не создаются в разговоре, а извлекаются целиком из памяти в виде готовых образований. Незнание основных фразеологических единиц изучаемого иностранного языка ведет к непониманию сказанного даже в том случае, когда нам известны все слова, составляющие фразеологический оборот.

Именно поэтому понимание французской речи и свободное общение на языке невозможно без освоения фразеологического фонда языка.

Для правильного понимания и успешного овладения французскими фразеологическими оборотами необходимо глубокое всестороннее изучение всех сторон жизни самой Франции. Не зная исторического прошлого страны, особенностей ее экономической, политической и социальной сторон, литературных и культурных тенденций, просто невозможно осмысление и усвоение фразеологических единиц языка.

Например, без знания исторического прошлого Франции нам не представляется возможным правильное понимание приведенных ниже фразеологизмов и их корректное употребление в различных ситуациях:

1) «*Se porter comme le Pont-Neuf*». Человек, не владеющий достаточной информацией о Франции, о памятниках и основных достопримечательностях Парижа, переведет данное выражение как «чувствовать себя как Новый мост». Но данный перевод не отражает ясно и конкретно информацию, которую хотел донести до своего собеседника говорящий. Что же несет в себе данный фразеологический оборот? Какую информацию он представляет – положительную или отрицательную? Что же это значит – «чувствовать себя как Новый мост»? Это значит «хорошо себя чувствовать» или «неважно»? И что за Новый мост? В какой ситуации необходимо употреблять данное выражение, чтобы правильно выразить свои мысли, не попасть впросак и никого не обидеть?

В действительности возникновение данного выражения восходит ко второй половине XVI – началу XVII вв., когда в Париже был построен большой каменный мост через Сену. Он был назван Новым по отношению к остальным пяти мостам, построенным до него. Строительство Нового моста началось в 1578 г. при Генрихе III и длилось до 1607 г. То есть целых 29 лет, в течение которых парижане имели возможность убедиться в высоком качестве строительных работ и материалов. Поэтому, когда мост был построен, за ним укрепилась слава самого прочного. Да и на самом деле, в то время как другие мосты неоднократно уносило течением в половодье или при наводнениях, Новый мост оставался невредимым и прочно занимал свое место.

Таким образом, корректным переводом данного выражения будет – «чувствовать себя превосходно», «быть в отличном состоянии здоровья».

2) «*Pied plat*». Если дословно переводить данное выражение, то его перевод будет следующим – «плоская ступня», что тоже не дает нам достаточно ясной картины о специфике его употребления. О чем или о ком в данном случае идет речь? О человеке, о болезни ног, об обуви? Можно ли употреблять данный фразеологический оборот в магазине, покупая обувь, или на приеме у ортопеда?

Чтобы четко представить себе особенности возникновения и употребления выражения «*plat pied*», необходимо вспомнить историческое прошлое Франции, когда высота каблука являлась одним из отличительных признаков сословной принадлежности. Простые люди носили туфли только на низких каблуках или вовсе без них. У дворян каблуки были высокими.

Таким образом, каблуки ранее отражали различие между сословиями. А правильный перевод в данном случае – «низкий человек», «ничтожный человечешко», «подлец».

Рассмотрев только 2 фразеологических оборота, можно понять, что глубокое знание особенностей изучаемого языка и его фразеологического фонда крайне важно для изучающих французский язык. В устойчивых сочетаниях, пословицах, поговорках, фразеологизмах чаще всего отражается народная мудрость и историческое прошлое наций.

Само слово «фразеология» происходит от греч. *phrasis* – «выражение, оборот речи» и *logos* – «понятие, учение» и имеет несколько значений.

В качестве лингвистического термина оно используется для обозначения отрасли языкознания, которая изучает устойчивые сочетания, то есть фразеологические единства, фразеологизмы или фразеологические обороты [6; 5].

Прилагательное «*phraséologique*» впервые в качестве лингвистического термина отмечено в 1967 г. в однотомном словаре П. Робера (*Petit Robert*).

Возникновение самой фразеологической науки обычно связывают с именем швейцарского языковеда французского происхождения Ш. Балли (1865 – 1947), который «рассматривал фразеологические обороты как устойчивые сочетания с различной степенью спаянности компонентов» [6; 6].

Становление французской фразеологии как научной дисциплины явилось результатом многовековой деятельности ученых и исследователей по собиранию, изучению и систематизации фразеологического материала французского языка. Можно говорить о том, что вопросы происхождения фразеологических единиц с давних времен привлекали внимание исследователей, и интерес этот не ослабевает и сегодня.

Подавляющее большинство фразеологических единиц французского языка возникло на национальной основе, а источники их происхождения восходят к разным эпохам и различным сферам культурной, материальной и общественной жизни народа. Фразеологические единицы точно рисуют перед нами картину прошлого французского народа, его характера, нравов, обычаев и национальных черт.

Собственно французские фразеологические единицы делятся на 2 большие категории:

1. Фразеологизмы нетерминологического происхождения, которые включают в себя фразеологизмы, связанные:

1) с национальными реалиями; народными поверьями и легендами; нравами и обычаями французского народа; историческими фразами и цитатами известных личностей; анекдотическими рассказами; художественной литературой разных эпох и жанров;

2) с человеком и содержащие *антропонимы*, то есть слова-компоненты, обозначающие лицо, и *соматизмы*, то есть слова-компоненты, обозначающие части тела; растительность на теле человека; вещества, способствующие развитию и функционированию человеческого организма; элементы нервной и сердечно-сосудистой системы; абстрактные понятия, связанные с умственно-психической и духовной жизнью человека и его манерой поведения;

3) с природой (неживой или живой).

2. Фразеологизмы терминологического происхождения, связанные с военным делом; морской терминологией; охотой; спортом, верховой ездой и играми; судопроизводством и юриспруденцией; медициной; финансовыми делами; различными ремеслами и искусством; лингвистическими терминами.

В данной работе хотелось бы остановиться на происхождении и особенностях употребления французских фразеологических единиц нетерминологического происхождения, связанных с художественной литературой, а именно фразеологизмах, вошедших в язык из басен величайшего французского баснописца Жана де Лафонтена (1621 – 1695), представителя «золотого периода» французской литературы XVII века.

Басни Лафонтена совершенно по праву считаются высшими образцами басенного жанра на французском языке, где нашли свое отражение опыт, история, традиции, сознание и мировоззрение французского народа.

Писать Лафонтен начал лишь в 33 года и, пожалуй, не было такого жанра, в котором он не попробовал бы свои силы (комедии, поэмы, сказки и рассказы в стихах, идиллии, эклоги, стихи «на случай» и даже комедия-балет «Насмешники из Бо Ришар»). Но, несмотря на обилие жанров, в которых творил писатель, во всемирную литературу он вошел в первую очередь как баснописец, проявив в жанре басни все свое величайшее мастерство, ярко и точно описывая французскую действительность второй половины XVII века, начиная от крестьянина-бедняка и заканчивая монархом с его окружением. Черпая сюжеты у своих великих литературных предшественников – Эзопа, Федра, Бидпая, Марии Французской, авторов «Романа о Лисе», Маро, Ренье, он каждый раз рассказывает уже известные истории по-новому, на свой лад, пронизывая свое повествование личными переживаниями и настроениями, разоблачая зависть, жестокость, деспотизм монархии, церкви и религии, осмеивая двуличие, лицемерие духовенства и веру в провидение и божественное предначертание судьбы, говоря о безнравственности и бесчеловечности современного ему общества. Любимые же герои Лафонтена и простодушны, и лукавы, они отличаются отменным чувством юмора, отзывчивы и умны.

Интересно, но и сегодня произведения Лафонтена чрезвычайно актуальны. Используя ежедневно в своей речи устойчивые фразеологические выражения, мы порой даже и не подозреваем, что их появлению мы обязаны именно великому Лафонтену.

Рассмотрим, какие же фразеологические обороты взяли свое начало из творчества и жизни французского баснописца и укрепились в нашей речи, сделав ее более остроумной, яркой и богатой.

1) «Avez-vous lu Baruch?» – «читали ли вы Баруха?». Данное выражение употребляется, когда человек открывает для себя замечательного автора и хочет рассказать о нем другим людям. Данное выражение приписывается Лафонтену, который однажды участвовал вместе с Расином (1639 – 1699) в богослужении и обнаружил в Библии «Книгу Баруха». Баснописец был так поражен и восхищен найденной книгой, что несколько дней всем задавал один и тот же вопрос – «Avez-vous lu Baruch?». Случай появления данного фразеологизма был описан сыном Расина в его «Мемуарах о своем отце».

2) «Paysan du Danube» – «грубоватый, неотесанный человек, который говорит, не думая и без разбору», букв. «дунайский крестьянин». Выражение берет свое начало из басни Лафонтена «Крестьянин с Дуная» («Le paysan du Danube»). История,

поведанная Лафонтеном, потрясает своим сюжетом и главным героем. Лафонтен начинает басню словами: «Нельзя людей по внешности судить». И действительно, перед нами предстает колоритная личность «с густою бородой, с густыми волосами..., с глазами вкось под хмурыми бровями, с отвислыми и толстыми губами». Человек, напоминающий медведя, одетый в козью шкуру, имеющий дикий суровый вид, слышет у себя на Дунае умным человеком и за это отправлен в сенат Рима. В сенате на глазах «дремучий медведь» становится Человеком, красноречивым оратором, пламенным обличителем и героем, беззаветно преданным родине и своему народу. Он с горечью рассказывает, как стонет его народ под игом римской власти. Крестьянин обличает:

Придя к вам в Рим, я только увидел,
Как жадности и лжи у вас здесь много:
Коль мало ты судье здесь приношение дал,
Так к правде для тебя потеряна дорога.

3) «Pot au lait de Perrette» – «химеры, несбыточные мечты», букв. «кувшин с молоком Пьеретты». Данный фразеологический оборот взят из басни Лафонтена «Молочница и горшок с молоком» («La Laitière et le pot au lait»). Молодая крестьянка Пьеретта несет на рынок кувшин молока, продажа которого ей позволит осуществить свои мечты. Она думает о цыплятах, теленке и поросенке. Однако, чрезмерно увлекшись своими грезами, Перетта роняет кувшин, который разбивается вдребезги. Вместе с кувшином разбиты и все мечты девушки:

Пьеретта увлеклась... Пьеретта позабылась...
И крынка с молоком... увы!..
С ее упала головы
И вдребезги разбилась.

И действительно, порой наши фантазии уводят нас в такие дали, что мы забываем обо всем. Но очень часто суровая правда жизни ставит нас на место, лишая даже того, что мы уже имели. Мораль данной басни и рассматриваемого выражения состоит в следующем: не стоит рассчитывать на вознаграждение и предаваться мечтам и сладким грезам, еще не выполнив своего задания.

4) «Prendre le Pirée pour un homme» – «путать вещи, не имеющие между собой ничего общего», букв. «принимать Пирей за человека». Выражение это берет свое начало из басни Лафонтена «Обезьяна и Дельфин» («Le Singe et le Dauphin»), в которой Обезьяна рассказывает Дельфину, спасшему ее в море, о Пирее, порте в Афинах, как о своем друге:

«...Мы другом дома
Его считаем с давних пор;
С ним близко вся семья знакома».
Так заключило разговор
Болтливое и вздорное создание,
Приняв за имя – гавани название.
Есть люди – счет теряю им:
Невежды круглые во всем, но без умолку
Повсюду обо всем трещащие без толку;
Они и Вожирар готовы счесть за Рим.

Данная басня и связанный с ней фразеологический оборот показывают нам, насколько опасно порой бывает рассуждать о вещах, в которых ты ничего не понимаешь и о которых ты ничего не знаешь. В жизни мы нередко встречаем людей, «трещащих» без умолку на темы, в которых они ничего не смыслят. Так и Обезьяна спасшему ее Дельфину стала сочинять о себе небылицы, рассказав о дружбе с портом,

приняв его по ошибке за имя человека. Мы с вами знаем множество примеров, когда люди в подобных ситуациях начинают лгать, чтобы показать свою значимость или свой социальный статус. Поэтому Дельфин в итоге наказал Обезьяну, ведь он спасал ее, ошибочно приняв за человека. А когда вранье открылось – то Дельфин поспешил спасти действительно нуждающегося в его помощи утопающего, а не лгунию:

Дельфин взглянул, смеясь, на Обезьяну
И, убедясь тотчас,
Что он, поддавшись обману,
Животное, не человека спас, –
Швырнул ее обратно в море,
А сам поплыл немедля прочь,
Чтоб людям в бедствии и горе
Помочь.

5) «Roi soliveau» – «безвольный властитель, лишенный авторитета», букв. «царь-чурбан». Выражение заимствовано из басни Лафонтена «Лягушки, просящие царя» («Les Grenouilles qui demendent un Roi»). На протяжении длительного периода времени люди не ценили народовластие, стремясь иметь правителя в своем государстве или в своей стране. В данной басне автор показывает своему читателю Лягушек в роли такого недовольного своим устоем народа. Они просят Зевса о царе. Зевс, вняв просьбам Лягушек, дает им в правители осинового чурбана, который абсолютно не устраивает Лягушек, так как он обездвижен и полностью не нужен для управления государством:

Царь терпит все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочет,
Тот на него и вскочит.
В три дня наскучило с таким Царем житье.
Лягушки – новое челобитье,
Чтоб им Юпитер в их болотную державу
Дал подлинно Царя на славу!
Вторую их просьбу удовлетворил Юпитер, послав к ним Журавля:
Царь этот не чурбан, совсем иного нраву:
Не любит баловать народу своего;
Он виноватых ест, а на суде его
Нет правых никого;
Зато уж у него
Что завтрак, что обед, что ужин – то расправа.

Когда же и этот царь не устроил Лягушек, то боги за их очередную просьбу разгневались и наказали их тем, что оставили у власти на болоте Журавля. Мораль данной басни и рассматриваемого выражения в следующем: иногда, получая от судьбы выпрашиваемое, не спешите отказываться от него, иначе следующее может оказаться еще хуже:

«Почто ж вы прежде жить счастливо не умели?
Не мне ль, безумные, – вещал им с неба глас, –
Покоя не было от вас?
Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
Вам дан был Царь – так тот был слишком тих:
Вы взбунтовались в вашей луже,
Другой вам дан – так этот очень лих:
Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»

6) «Tirer les marrons du feu» – «делать трудное дело, результатами которого будет пользоваться другой», букв. «таскать каштаны из огня». Данный фразеологический оборот берет свое начало из басни Лафонтена «Мартышка и Кот» («Le Singe et le Chat»), в которой Мартышка заставляет Кота доставать из огня жареные каштаны. Кот обжигает свои лапы, а Мартышка съедает каштаны. Басня точно показывает, как одни могут пользоваться результатами трудов других. Мартышка использует Кота, получает заветное лакомство, при этом она ничуть не считает себя обязанной ему, она просто идет к своей цели, достигает ее и оказывается победителем. Кот – прост, примитивен и недалковиден. Мартышка это понимает, поэтому Кот становится орудием в ее руках. Лафонтен с блеском обнажает порочность Мартышки: ее хитрость, коварство, жадность и неблагодарность на фоне bestолкового Кота:

Мартышка вот умна: не обожглась, не бита,
Сыта;
А Васька глуп, так с ним случилась напасть,
То ль дело для себя украсть!..

7) «Un mauvais service, le pavé de l'ours» – «услуга, повлекшая за собой, в конечном счете, негативные последствия для человека, которому она была оказана», букв. «медвежья услуга». Согласно этимологическому словарю русского языка Макса Фасмера, это выражение взято из басни Лафонтена «Пустынник и медведь» («L'Ours et l'Amateur des jardins»). В басне перед нами предстает одинокий скучающий Пустынник, которого уже ничего не радует. Ему скучно, тоскливо и очень одиноко. Пустынник ищет знакомства хоть с кем-нибудь, но в лесу встречается только большого Медведя. Они начинают дружить, чему Пустынник очень рад. В один день друзья отправились побродить по лесу. Пустынник устал и прилег на отдых. Медведь в это время отгоняет от друга муху. Уставши отгонять навязчивую муху, Медведь берет булыжник в лапы и со всей силы ударяет друга камнем:

Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться:
Не дай Бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.

8) «Monter patte blanche» – «подать условный знак, быть допущенным куда-либо, доказать свою благонадежность», букв. «показать белую лапу». Данное выражение взято из басни Лафонтена «Волк, Коза и Козленок» («Le Loup, la Chèvre et le Chevreaux»). В басне говорится о том, что Коза, уходя из дома, закрыла дверь на засов и наказала своему Козленку открыть ее лишь тому, кто произнесет следующие слова: «Волчья сыть». Волк, подслушав этот разговор, запомнил пароль и тотчас же после ухода Козы постучал в дверь, изменил голос и произнес необходимый для входа пароль. Но недоверчивый Козленок, услышав пароль, не удовлетворился им и потребовал Волка показать ему еще и белую лапку:

«А лапка у тебя какая?
Просунь сюда... Коль белая, тогда я
Открою дверь, иначе – прочь отсель!»

Данная басня показывает нам, что порой в жизни нередко попадают неразумные «козлята», которые за свои глупости платят непомерно высокую цену. А в этой басне Лафонтен рисует образ незащитного Козленка, внявшего совету своей матери. Своей просьбой продемонстрировать лапу, он удивил Волка, оставив его голодным, а себя целым. Мораль басни и данного выражения – быть осторожным и предусмотрительным в любом деле, а особенно если оно касается вашей собственной жизни:

Какую б горестную долю
Козленок бедный испытал,
Когда б поверил он пароллю,
Который Волк случайно услышал.
Предусмотрительность двойная
Нужна везде... Не вижу в ней вреда я!

9) «Rogner les ongles à qn» – «лишить кого-либо выгоды, власти; осадить кого-то; убавить кому-то спеси», букв. «обрезать кому-либо ногти». Источником появления данного фразеологического оборота является басня Лафонтена «Влюбленный лев» («Le Lion amoureux»), в которой Лев встречает молодую пастушку и влюбляется в нее. Тогда он идет к отцу девушки и просит того руки его дочери. Отец же пастушки совсем не был готов к зятю такого грозного и свирепого вида, но все же, не осмеливаясь открыто сказать Льву об этом, он предлагает ему следующее решение вопроса:

«Послушай-ка, зятек,
Ведь дочь моя нежна, как фея сказки,
А твой-то ноготок
Совсем устроен не для ласки!
Так вот, коль хочешь зятем быть,
То, не боясь за целость шубы,
Изволь-ка когти обрубить
Да подпилить получше зубы!
Твой поцелуй тогда не будет грубый,
Да и жена
С тобою будет более нежна!»

Ослепленный красотой девушки и без памяти влюбленный в нее, Лев без колебаний соглашается на эти условия. Но как только он лишается своих когтей, зубов и своей силы и власти над более слабыми, он сразу же становится жертвой напавших на него псов:

Любовь, любовь!.. И я скажу в раздумье, –
Когда мы страстью возгорим,
Мы говорим:
Прощай, прощай, благоразумье!

10) «Etre (faire, jouer) la mouche du coche» – «преувеличивать свои заслуги в каком-либо деле, вмешиваться во все дела, суетиться без надобности и без толку». Выражение взято из басни Лафонтена «Муха и дорожные» («Le Coche et la Mouche»), где Муха, летая вокруг запряженных в большую карету лошадей, жужжит о том, что только она в действительности занята делом и беспокоится обо всем: то укусит лоб лошадам, то летает между людьми, плача, что никто даже не хочет ей помочь:

Куда людей на свете много есть,
Которые везде хотят себя приплесть
И любят хлопотать, где их совсем не просят.

11) «Trouver les raisins trop verts» – говорится о человеке, который поносит (или делает вид, что поносит) то, чего сам не может добиться, букв. «находить виноград слишком зеленым». Источником данного фразеологизма является басня Лафонтена «Лисица и Виноград» («Le Renard et les Raisins»), в которой говорится о Лисе, которая была голодна и увидела высоко висящие сочные кисти винограда. Но, не имея возможности достать до них, Лисица говорит следующие слова:

«Ну, что ж!

На взгляд-то он хорош,
Да зелен – ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь».

В начале басни мы читаем о том, что виноград сочный и спелый, но, не имея возможности им полакомиться, Лисица оговаривает его и пытается найти для себя утешение и оправдание в том, что он незрелый и лишь оскомину ей даст. Мораль басни и рассматриваемого устойчивого выражения в том, что не стоит испытывать досаду и злиться оттого, что не смогли получить желаемое, не стоит это желаемое клеймить и унижать, вознося и оправдывая себя и порой свою беспомощность.

12) «Monter (laisser) le bout de l'oreille» – «невольно выдать свои намерения», букв. «показать кончик уха». Источником данного устойчивого выражения является басня Лафонтена «Осел в львиной шкуре» («L'âne vêtu de la peau du Lion»), в которой Осел, надевший шкуру царя зверей, наводит шум и страх на всех окружающих. Но обман раскрывается, как только из-под шкуры Льва стает виден кончик уха Осла. И, как говорится в басне, при изобличении обмана:

Тогда погонщик без стеснения
Погнал его, как всех ослов.

13) «Attacher le grelot» – «взять на себя почин, сделать первый шаг», букв. «привязать колокольчик». Выражение это получило широкое распространение благодаря басне Лафонтена «Совет мышей» («Conseil tenu par les Rats»), в которой говорится о том, что как-то Мыши, мечтающие защитить себя от Кота и воспользовавшись его отсутствием, устраивают совет, на котором они решают, как же избавиться от грозного врага. Старшая Мышь предлагает привязать колокольчик на шею Кота, чтобы иметь возможность всегда слышать о его приближении и успеть спрятаться. Все Мыши с восторгом принимают такое мудрое предложение:

«Прекрасно! Ах, прекрасно! –
Вскричали все единогласно. –
Зачем откладывать? Как можно поскорей
Коту гремушку мы привяжем;
Уж то-то мы себя докажем!
Ай, славно! Не видать ему теперь Мышей
Так точно, как своих ушей!»

Но лишь только дело доходит до того, кого выбрать для осуществления этого плана, возникает проблема. Никто не хочет рисковать своей жизнью и претворить это в жизнь. Поспорив и ничего не решив, Мыши расходятся ни с чем:

Куда как, право, чудно!
Мы мастера учить других!
А если дело вдруг дойдет до нас самих,
То исполнять нам очень трудно.

14) «Maître Aliboron» – «невежда, самонадеянный дурак». Существует немало мнений по поводу возникновения данной идиомы, которая встречается еще в IX в. в переводе средневекового философа Иоанна Скота Эриугена стиха древнеримского писателя Марциана Капеллы (V в.) и в средневековом «Романе о Лисе» в XII в. Но также данное выражение встречается и в басне Лафонтена «Осел и Воры» («L'Âne et les Voleurs»), в которой автор говорит о том, что если двое не могут поделить одну вещь, то всегда может найтись третий, кто воспользуется ею в своих интересах, пока двое других спорят. Также и в данной басне мы видим двух Воров, укравших Осла, которые спорят о том, кому он должен принадлежать. Пока же они ссорились и выясняли принадлежность Осла, подошел третий Вор и спокойно увел Осла за собой:

А третий кто-нибудь без шума и хлопот

Добычу их себе берет.

15) «L'âne de la fable» – «козел отпущения», букв. «осел из басни». Выражение происходит из Басни Лафонтена «Мор зверей» («Les animaux malades de la peste»), в которой описывается страшная болезнь чума, уносящая жизни многочисленных животных. Тогда Лев собирает своих подданных, чтобы обсудить на совете, кто же так сильно нагрешил среди них, что небо и боги обрушились на них. Все сознаются в своих грехах – и Лев, и Медведь, и Волк с Лисой, которые убивали овечек и пастухов. Но все звери единогласно считают, что их поступки – это никакой и не грех. Но только лишь Осел признается в том, что когда-то он позволил себе съесть на зеленой лужайке несколько пучков травы, как все тут же налетают на него, признав самым великим грешником среди всех:

«Смотри, злодей какой!

Чужое сено есть! Ну, диво ли, что боги

За беззаконие его к нам столько строги?

Его, бесчинника, с рогатой головой,

Его принести богам за все его проказы,

Чтоб и тела нам спасти и нравы от заразы!

Так, по его грехам, у нас и мор такой!»

Лафонтен в своей басне сознательно выделяет сильных и властных перед слабыми и беспомощными. Проще говоря, власть и сила часто оказываются правыми перед лицом бедности и слабости. Также и у людей часто виноватым без вины оказывается порой самый слабый, который не может себя отстоять и защитить:

И в людях также говорят:

Кто посмирней, так тот и виноват.

Фразеологических оборотов существует огромное количество. Каждое произведение Лафонтена описывает человеческий мир, пусть часто и через образы животных, со всеми его жизненными реалиями. В каждой басне проводится идея пороков и достоинств человека. Каждый персонаж может служить нарицательным, представляя в ярком образе определенные черты характера, поведения и мировоззрения многих людей. Человека, мечтающего о том, чего еще нет, мы можем называть Пьереттой; человека, который, склонив голову, не может отстаивать себя при своей невинности – козлом отпущения (как бы грубо это не звучало, но этот фразеологический оборот существует в нашей речи и достаточно широко употребляется в ней); человека, который не может добиться желаемого и по причине своей беспомощности начинающего хулить не доставшееся ему, – лисицей с виноградом, которая даже спелый виноград называет слишком зеленым, так как не может отведать его и т.д.

Рассмотрев достаточно небольшое количество французских фразеологических оборотов, можно понять, что они чрезвычайно разнообразны и отражают различные сферы жизни и различные характеры. Ознакомление с данными устойчивыми выражениями, несомненно, способствует лучшему и более глубокому их осмыслению, расширяет лексический запас изучающих язык, делая их речь более богатой, экспрессивной и интересной. Стоит заметить, что, конечно же, происхождение многих выражений, в особенности тех, которые восходят к древней эпохе, остается спорным и до сих пор обсуждаемым. Но, тем не менее, понимание фразеологических оборотов, их смысл и особенности употребления является крайне важным для всех, изучающих французский язык. Даже если мы с полной уверенностью не можем сказать, где, например, берет свое начало выражение «casser sa pipe» – «умереть, сыграть в ящик, дать дуба», букв. «сломать свою трубку» – или,

по мнению И. Дюфло, из театрального анекдота, где говорится об актере Мерсье, который долгое время исполнял в одной бульварной пьесе роль знаменитого французского корсара второй половины XVII в. Жана Бара и по ходу действия курил трубку, а однажды во время спектакля трубка вывалилась из рук артиста, а сам он упал на пол и умер (то есть «сломал свою трубку»); или из многотомного сборника памфлетов и сатирических песен, известного под названием «Mazarinades» (XVII в.); или, по мнению Л. Риго, который утверждает, что происхождение выражения «casser sa pipe» связано с обычаем похорон епископов, когда вместе с телом несли также его сломанный скипетр, что символизировало оборванную жизнь; или, по утверждениям другого исследователя – Ф. Мишеля, – указанный фразеологизм синонимичен выражению «se casser le cou» – «сломать себе шею», поскольку, как он утверждает, слово «pipe» когда-то имело значение «шея».

Таким образом, становится понятным, что выражение «casser sa pipe» и история его происхождения ждет еще своего объяснения. Но для изучающих французский язык и его фразеологический фонд более важным является даже не сам факт появления какого-либо фразеологизма, а правильность его употребления в конкретной ситуации. Говоря о ком-то, что он умер, «дал дуба» («il a cassé sa pipe»), мы не думаем об актере Мерсье или о прошлых обычаях захоронения епископов, не пытаемся вспомнить памфлеты из «Mazarinades» и не ассоциируем слово «трубка» («pipe») со словом «шея» («cou»). Мы думаем лишь о том, чтобы как можно точнее донести информацию о ком-то до собеседника в разговоре, в переписке и в переводах художественной литературы, используя фразеологические обороты, позволяющие придать нашей речи живость, разнообразие, остроумие и эмоциональность.

Библиографический список

1. Андреев Л.Г. История французской литературы. М.: Высшая школа, 1987. 539 с.
2. Волина В.В. Фразеологический словарь. СПб.: Дидактика Плюс, 2001. 256 с.
3. Лафонтен Жан. Басни. М.: Каро, 2013. 80с.
4. Лукина А.Е. Хрестоматия по французской литературе. СПб.: Издательство «Корона. Век», 2013. 432 с.
5. Назарян А.Г. Почему так говорят по-французски. М.: Наука, 1968. 352 с.
6. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высшая школа, 1987. 288 с.
7. Хазина А.М. 1500 русских и 1500 французских идиом, фразеологизмов и устойчивых выражений. М.: Астрель. 226 с.
8. Хайитов Б. Французско-русский лингвострановедческий словарь по фразеологии. М.: Московский лицей, 1997. 49 с.

References

1. Andreev L.G. History of French Literature. M.: Higher School, 1987. 539 p.
2. Volina V. V. Phraseological dictionary. SPb.: Didactics Plus, 2001. 256 p.
3. Lafontaine Jean. Fables. M.: Karo, 2013. 80 p.
4. Lukina A.E. Anthology of French literature. SPb.: Publishing house «Corona.Century», 2013. 432 p.
5. Nazarian A.G. Why speak French. M.: Nauka, 1968. 352 p.

6. Nazarian A.G. Phraseology of the modern French language. M.: Higher school, 1987. 288 p.

7. Khazina A.M. 1500 Russian and 1500 French idioms, phraseological units and stable expressions. M.:Astrel. 226 p.

8. Khajitov B. French-English encyclopaedic dictionary of phraseology. M.: Moscow Lyceum, 1997. 49 p.

УДК 82 (075.5)

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал) доц. кафедры методики дошкольного и начального образования Жесткова Е.А. Россия, г. Арзамас, тел. 89307087177; e-mail: ezhestkova@mail.ru

N.Novgorod State University Associate Professor of preschool and primary education Zhestkova E.A. Russia, Arzamas, tel. 89307087177; e-mail: ezhestkova@mail.ru

студентки 3 курса факультета дошкольного и начального образования Лезина А.В., Казакова В.В.

3rd year student of the Faculty of Preschool and Primary Education Lezina A.V., Kazakova V. V.

Е.А. Жесткова, В.В. Казакова, А.В. Лезина

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В статье рассматриваются современные подходы к анализу поэтического текста на уроках литературного чтения в начальной школе.

Ключевые слова: поэтический текст, начальная школа, познавательная деятельность, младший школьник.

E.A. Zhestkova, V.V. Kazakova, A.V. Lezina

MODERN APPROACHES TO THE ANALYSIS OF POETIC TEXTS ON THE LESSONS OF LITERARY READING IN PRIMARY SCHOOLS

In article modern approaches to the analysis of the poetic text at lessons of literary reading at elementary school are considered.

Keywords: poetic text, elementary school, cognitive activity, younger school student.

На смену примерным программам начального общего образования пришла новая система – Федеральные государственные образовательные стандарты начального общего образования [7; с.31].

Новейшие требования усовершенствовали подходы к изучению материала в школе. В связи с этим система детского литературного образования на своем особенном материале направлена на достижение общих целей начального общего образования:

- формирование личности младшего школьника, его творческих способностей;
- сохранение и поддержание индивидуальности учеников;
- воспитание духовных, эстетических и нравственных чувств, эмоционально-ценностного позитивного отношения к себе окружающему миру.

Изучение творений классиков литературы для детей приобщает младших школьников к культурному наследию разных народов России, дает возможность размышлять об истории родного края, его традициях, устоях, сегодняшнем дне и будущем страны. Так постепенно будут развиваться гражданская идентичность, чувство гордости за Родину, ее народ и историю.

Цель изучения курса литературного чтения в начальной школе – воспитание компетентного читателя, который имеет сформированную духовную потребность в

книге как средстве познания самого себя и мира, а также развитую способность к творческой деятельности.

Начальная школа как самоценный и значимый этап в формировании личности закладывает основы для осуществления этой цели.

Чтение – это один из основных разделов программы для начальных классов по литературному чтению в общеобразовательных школах.

Разрабатывая методику проведения уроков по чтению, многие исследователи пришли к выводу, что педагогические задачи, которые стоят перед учителем на уроках литературного чтения, разнообразны. Сюда входят и формирование интереса к чтению, и развитие совершенствования навыка чтения, и обучение навыкам культуры речи и грамоте письма, а так же расширение словарного запаса учащегося младших классов, развитие памяти и так далее [2; с. 54]. Кроме того, уроки детского литературного чтения должны быть использованы учителем как источник нравственного просвещения.

Методика чтения произведений различных жанров в начальном звене имеет свою богатую историю развития, ее спорные вопросы решаются и до настоящего времени.

Забота о полноценном поэтическом развитии молодых поколений была свойственна советской школе с момента ее зарождения. Но на сегодняшний день, остро встает вопрос перед нашим обществом в том, чтобы каждый индивид приобрел потребность в «присвоении» величайших духовных ценностей человечества и был способен к самостоятельно-творческому общению с искусством [1; с. 4].

Для полноценного восприятия и понимания произведения поэтического жанра ученики младших классов должны проникнуться эмоциональным состоянием лирического героя, поставить себя на его место, то есть пережить его чувства. Но войти в роль главного героя для детей начальных классов достаточно трудно, так как их эмоционально-волевая сфера развита слабо для того, чтобы в полной мере сопереживать, сочувствовать прочитанному.

Зачастую младшие школьники, прочитав стихотворения, воспринимают изображенную картину неточно и даже неверно. Поэтому задачей преподавателя является развитие способностей детей младшего школьного возраста, связанных с художественной перцепцией.

Ведущей деятельностью у ребят в начальной школе под руководством педагога является анализ поэтического произведения. Его разбор необходимо проводить на каждом уроке классного чтения в начальном звене.

Анализ поэтического текста – это достаточно сложный процесс, постигая который, затруднения испытывают не только учащиеся, но и их педагоги. Проблемы в данной ситуации могут быть следующими: с одной стороны – ограниченное количество часов для изучения теории литературы и теории поэтической речи в целом, а с другой стороны – нехватка методических пособий. Те, что имеются в наличии, представлены пространными трактатами для узких специалистов, либо это какой-то набор схем, следование которым может «высушить» даже самые пронзительные тексты лирического жанра.

Авторы учебников по литературному чтению УМК «Гармония» и «Школа России» В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова, [3; с. 3] О.В. Кубасова [4; с. 54] выделили систему умений, реализующихся при анализе произведений, которая включает в себя:

- умение воспринимать изобразительные средства в соответствии с функциями языка в произведениях;
- умение детей воссоздавать в воображении жизненные картины, которые созданы поэтом;
- умение воспринимать образ в соответствии с текстом – персонаж как один из элементов, который служит, наряду с другими, для раскрытия идеи произведения;

- умение видеть позицию автора (его отношение, оценку) во всех элементах произведения;

- умение осознавать идею стихотворения;
- умение выявить проблему, конфликт, тему произведения.

На подготовительном этапе предлагается проводить следующие виды работ, которые способствуют восприятию поэтического текста:

- рассматривать различные книги автора;
- позволять детям свободно высказываться, основываясь на собственных впечатлениях;
- беседовать;
- рассказывать детям об авторе и его творении;
- проводить экскурсии, связанные с темой урока;
- рассматривать иллюстрации;
- предложить детям посмотреть фильм;
- прослушать музыкальное произведение;
- провести викторину, кроссворд по книгам или произведениям автора;
- обсудить ситуацию, похожую на ту, которая изображена в литературном произведении и т.д.

Одним из общепризнанных приемов анализа поэтического текста на уроках литературного чтения в начальной школе является постановка вопросов к прочитанному тексту. Они помогают ребятам уяснить факты поэтического произведения, выяснить их идейную направленность, то есть понять причинно-следственную связь, проникнуть в позицию автора, а также выявить собственное отношение к прочитанному.

Еще одним из важнейших элементов анализа каждой части поэтического текста считается словарная работа. Уточнение лексического значения слов помогает понять содержание, включает воссоздающее воображение младших школьников, помогает выявить авторское отношение к изображенным событиям. В ходе анализа поэтического текста словарная работа подразумевает так же наблюдения за образными и выразительными средствами языка стихотворения [2; с. 17].

Слагаемые анализа поэтического текста

1. Первоначальная реакция.

Прочитав стихотворение, ученики младших классов могут рассказать о том впечатлении, которое произвело на них поэтическое произведение. Пусть их ответы будут непосредственными, а форма выражения чувств и мыслей – произвольной.

2. Предварительные сведения.

Продолжить анализ поэтического произведения можно в такой последовательности:

- когда было создано стихотворение;
- чем именно вызвано его создание;
- какому событию или кому оно посвящено;
- с какими событиями в жизни поэта оно связано.

3. Смысл заглавия.

Зачастую смысл заглавия может помочь уяснить суть какого-либо поэтического текста. Оно может соотноситься с содержанием произведения или противопоставляться ему. Такое проявление используется в основном в стихотворениях сатирического и иронического плана.

4. Жанровая специфика.

Определение жанра должно предшествовать тематическому и идейному анализу. Так, зная признаки лирических жанров, можно достаточно много рассказать о содержании данного произведения.

5. Виды лирики.

Выделяют несколько видов лирики: любовная, политическая, гражданская, пейзажная, философская. Это деление весьма условно, так как в одном стихотворном произведении могут быть использованы сразу несколько видов лирики.

6. Тема стихотворения.

Если перевести термин «тема» с греческого языка, то он означает «то, что положено в основу». Владимир Иванович Даль сформулировал тему как «положение, задачу, о коей рассуждается или которую разъясняют».

В лирической поэзии тему стихотворения достаточно трудно определить, порой даже невозможно. В особенности это касается поэтов-модернистов. Необходимо знать, что в лирике важным является не описание (кого-то или чего-то), а поэтическое чувство. Таким образом, важно не что описано, а кем и как описано.

7. Образный строй произведения.

На данном этапе происходит изучение образов, которыми наполнено стихотворение.

Леонид Иванович Тимофеев писал, что образ – это целостная картина человеческой жизни.

8. Идея произведения.

Это эмоциональная обобщающая, образная мысль, лежащая в основе стихотворения. Она определяется особенностями поэтического мировоззрения. Идея представляет собой своеобразный ответ автора на основные проблемы или вопросы текста. Другими словами, идея – это такая мысль, ради которой рука поэта «тянется к перу, перо – к бумаге».

Учителю необходимо подсказывать учащимся, как правильно ее сформулировать. В этом чаще всего помогают отглагольные существительные: протест..., критика..., утверждение..., отрицание... и многие другие.

Если тема стихотворения лежит на поверхности, то идею необходимо извлекать из самого содержания.

9. Пафос стихотворения

Это страсть, эмоциональное воодушевление, которым проникнуто стихотворение; то, что можно назвать душой произведения; самое важное условие воздействия на читателя.

В произведениях могут быть следующие виды пафоса: трагический, героический, сентиментальный, драматический, юмористический, романтический, сатирический и другие.

10. Лирический герой – это условный литературный термин; один из способов раскрытия сознания автора; образ, возникающий в сознании читателя на основе восприятия данного стихотворения. Впервые это понятие было употреблено Юрием Николаевичем Тыняновым по отношению к лирике Александра Александровича Блока. В основном образ лирического героя бывает автобиографичным, но его никак нельзя сравнивать с автором, даже если повествование ведётся от первого лица. Данное понятие было введено в художественную литературу, для того, чтобы не объединять возникающий в лирике художественный образ поэта с автором как частным лицом.

Сергей Поликарпович Редозубов выделяет ряд приемов, которые могут помочь ученикам младших классов достигнуть яркого восприятия художественных образов. К ним относятся [5; с. 221]:

1) предварительная беседа или рассказ учителя в целях введения учащихся не только в тему поэтического произведения, но и в эпоху и среду, изображенную автором;

2) чтение с выражением произведения самим педагогом, благодаря которому многое в прочитанном тексте становится совершенно понятным учащимся без дальнейших разъяснений;

3) проведение работы над изобразительными средствами поэтических текстов (в единстве с раскрытием их содержания);

4) чтение отрывков стихотворения выборочно;

5) дальнейшая работа над выразительностью чтения произведения учащимися в классе.

Существует ряд приемов, помогающих организовать работу над анализом поэтического текста на уроках литературного чтения в начальной школе. Например:

1) учащимся предлагается самостоятельно назвать свойство характера героя, описать природу;

2) сопоставляются герои одного произведения или близких по тематике поэтических произведений. Наиболее легкий вид сравнения – это противопоставление.

Н.Я. Мещерякова выделила ряд приемов, которые способствуют выявлению авторского отношения к лирическим героям [6; с.42]:

1) педагог сам характеризует отношение автора к герою, а ученики подтверждают это с помощью текста;

2) педагог привлекает внимание ребят к словам автора;

3) вместе с педагогом учащиеся проводят «эксперимент», то есть они исключают из текста слова, выражения, которые содержат авторскую оценку, что помогает лучше осознать роль этой оценки в характеристике персонажа.

При чтении поэтического текста можно предложить учащимся:

1) нарисовать иллюстрацию к прочитанному тексту;

2) вылепить какого-либо героя из пластилина;

3) найти загадку к стихотворению, нарисовать отгадку;

4) найти пословицы и поговорки на тему стихотворения;

5) найти дополнительный материал об авторе поэтического произведения;

6) подготовить выставку книг автора стихотворения;

7) написать сочинение по главной теме стихотворения.

Детское литературное чтение призвано научить младших школьников не только читать текст, но и воспринимать содержание произведений литературы как особый вид искусства. Произведения стихотворного типа способствуют обогащению духовного мира учащегося в результате получения чувственного опыта, развития того запаса сведений из жизни и эмоциональных впечатлений, которые человек выражает с помощью языка.

Библиографический список

1. Васильева М.С., Оморокова М.И., Светловская Н.Н. Актуальные проблемы методики обучения чтению в начальных классах. М.: Педагогика, 2000.

2. Жесткова Е.А. Усвоение младшими школьниками традиционных морально-этических ценностей на уроках русского языка // Начальная школа. 2013. №5. С.24-28.

3. Жесткова Е.А. Формирование навыков проектной и исследовательской деятельности в начальной школе // Нижегородское образование. 2010. №4. С. 136-141.

4. Жесткова Е.А., Питеримова Е.В. Системно-деятельностный подход в обучении русскому языку и литературному чтению как основа реализации федеральных государственных образовательных стандартов начального общего образования // Педагогическая мастерская: научно-методический сборник. Выпуск II / гл. ред. Романова И.В. Чебоксары: ЦДИП «INet», 2014. С.54-56.

5. Жесткова Е.А. Изучение профессионального самоопределения школьников // Акмеология. 2014. №1-2. С.80-81.

6. Жесткова Е.А. Инновационная деятельность современной школы / Е.А. Жесткова, И.В. Уткина // Традиции и инновации в образовательном пространстве России, ХМАО-Югры, НВГУ: Материалы Всероссийской научно-практической

конференции. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного университета, 2014. С. 50-52.

7. Журова Л.Е., Евдокимова А.О. и др. Чтение и письмо. М.: Вентана-Граф, 2011.

8. Климанова Л.Ф., Горецкий В.Г., Голованова М.В. Литературное чтение. 4 класс: в 2-х ч. М.: Просвещение, 2013.

9. Кубасова О.В. Выразительное чтение: Пособие для студентов средних педагогических учебных заведений. Изд. 3-е, стереотип. М.: Дело, 2001.

10. Методические основы языкового образования и литературного развития младших школьников // Под ред. Т.Г. Рализаевой. СПб.: Специальная литература, 2007.

11. Урок литературы: пособие для учителя / [Г.И. Беленький, Н.Я. Мещеряков, Л.Я. Гришин, Н.А. Соснина и др.]. М.: Просвещение, 2013.

12. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Просвещение, 2010.

References

1. Vasilyeva M. S., Omorokov M. I., Svetlovskaya N. N. Actual problems of a technique of training in reading in initial classes. M.: Pedagogics, 2000.

2. Zhestkova E.A. Assimilation of younger schoolboys traditional moral and ethical values at Russian lessons // Elementary School. 2013. №5. P. 24-28.

3. Zhestkova E.A. Formation of skills of design and research activities in the primary school education // Nizhny Novgorod. 2010. №4. P. 136-141.

4. Zhestkova E.A. Systemically-active approach in teaching Russian language and literary reading as a basis for the implementation of the federal state educational standards of primary education // Pedagogical Workshop: Scientific-methodical collection. Issue II / Ch. Ed. Romanov IV Cheboksary TSDIP «INet», 2014. P. 54-56.

5. Zhestkova E.A. The study of professional self schoolchildren // Akmeologija. 2014. №1-2. P.80-81.

6. Zhestkova E.A. Innovation activities of the modern school // Tradition and innovation in the educational space of Russia, Khanty-Ugra, NVGU: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference. Nizhnevartovsk: Publishing House of the Nizhnevartovsk State University, 2014. P 50-52.

7. Zhurova L.E., Evdokimova A.O., etc. Reading and letter. M.: Ventana-Graf, 2001.

8. Klimanova L.F., Gorecki V. G., Golovanova M. V. Literary reading 4th class. In 2 h. M.: Education, 2013

9. Kubasova O.V. Expressive reading: A grant for students of average pedagogical educational institutions. Prod. the 3rd, stereotype. M.: Business, 2001.

10. Methodical bases of language education and literary development of younger school students. Under the editorship of T.G. Ralizayeva. SPb.: Special literature, 2007.

11. Literature lesson: a grant for the teacher / G. I. Belenky, N. Ya. Meshcheryakova, L.Ya. Grishin, N. A. Sosnin, etc. M.: Education, 1983.

12. Federal state educational standard of the primary general education / Ministry of Education and Science of the Russian Federation. M.: Education, 2010.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ASPECTS OF RESEARCHING OF FICTION

УДК 82

Воронежский государственный университет
канд. филол. наук, преп. кафедры
гуманитарных наук и искусств
Кузьминых Е.О.
Россия, г. Воронеж, + 7(909)212-05-80
e-mail: elshka-82@yandex.ru

Voronezh State University
The chair of liberal arts
PhD, lecturer Kuzminykh E.O.
Russia, Voronezh,
+7(909)212-05-80
e-mail: elshka-82@yandex.ru

Е.О. Кузьминых

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА В ЭПОПЕЕ И.С. ШМЕЛЕВА «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ»

В статье рассматриваются ключевые пространственные образы в эпосе И.С. Шмелева «Солнце мертвых». Особенное внимание уделено исследованию символических значений образов солнца, моря, земли, камня, гор, пустоты и пустыни, определяющих модель мира, представленную в «Солнце мертвых».

Ключевые слова: символика, пространственные образы, модель мира, И.С. Шмелев.

E.O. Kuzminykh

SPATIAL SIMBOLISM IN EPIC BY I.S. SHMELEV «SUN OF THE DEAD»

The article examines the key spatial images in the epic by I.S. Shmelev «Sun of the dead». Special attention is paid to the study of symbolic meanings images of sun, sea, earth, stones, mountains, voids and deserts that determine the model of the world presented in «Sun of the dead».

Keywords: symbols, space images, a model of the world, I.S. Shmelev.

Если говорить о пространственных рамках, в которые заключены события эпоса «Солнце мертвых», то они таковы: вертикаль образует небо, море, горы и земля (неслучайно доктор говорит герою: «Да у вас прямо молиться можно. Горы. Да море. Да небо» [6, I; 491]), а горизонталь не имеет четких координат, поскольку ее основными характеристиками являются пустыня и пустота.

Ключевым пространственно-временным образом, определяющим особенности построения пространственных координат художественного мира эпоса, является образ солнца. И.А. Ильин писал, что «заглавие «Солнца мертвых», по виду бытовое, крымское, историческое, таит в себе религиозную глубину: ибо указывает на Господа, живого в небесах, посылающего и жизнь и смерть, – и на людей, утративших Его и омертвевших во всем мире» [2; 45]. Нам очень близко это высказывание, поскольку образ солнца является ключевым для понимания данного произведения и легко сопоставляется с солнцем из Апокалипсиса, в котором оно имеет два значения: слава Бога и кара Бога, символизируя, таким образом, силу власти Бога. На подобное соответствие указывает то, что, когда герой вспоминает о дореволюционном прошлом, он говорит: «Люди ладили с солнцем, творили сады в пустыне» [6, I; 565]. До революции люди жили в единстве с Богом, теперь же в ситуации смерти они

отвернулись от Него, и Солнце претерпело значительные изменения: оно выжигает землю, заставляя все живое страдать от голода. Подобная характеристика солнца явно отсылает к тексту Апокалипсиса: «Четвертый ангел вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем. И жег людей сильный зной; и они хулили Бога, имеющего власть над семи язвами, и не вразумились, чтобы воздать ему славу» [Откровение, 16:8;9]. Солнце смеется над ними, обещая прекрасную жизнь, которой уже никогда не будет. Но оно же выступает и высшим судьей для людей, когда они устраивают зрелище из смерти своих ближних (в книге есть эпизод, когда люди, смотрящие на то, как Коряк избивает Глазкова, вынуждены «прикрыть глаза от солнца» [6, I; 513]), и оно же некоторым образом защищает их от насильственной смерти от рук тех, кто «убивать хотят» [6, I; 479], т.к. «убивали они ночью. Днем... спали» [6, I; 479]. Неслучайно злодейства достигают особенного размаха глубокой осенью и зимой, когда на небе практически нет солнца.

В произведении Шмелева солнце выступает как явный пространственно-временной символ, являясь обозначением круговорота вселенной, основой мирового устройства и миропорядка. В прошлом извечный круговорот событий считался благом, потому что был залогом жизни и стабильности, о чем говорит главный герой произведения: «Христос доверчиво ходил с нами...» [6, I; 540]. Теперь же круговорот из блага превращается в наказание и напоминает адский круг, кольцо, внутри которого находятся люди, обреченные на смерть, что заставляет героев роптать на Солнце и отрекаться от Бога. В связи с этим и координаты человеческой жизни в значительной степени смещаются: если раньше жизнь человека вписывалась в мировой круговорот как прямая, идущая из прошлого через настоящее в будущее, от жизни к жизни, то теперь люди живут только настоящим, которое наполнено муками, пустотой и смертью. Люди, вынужденные выживать в пространстве смерти, утрачивают веру в лучшее и связь с Богом, что приводит к десакрализации пространства. Об этом свидетельствует существенная трансформация образа неба, являющегося в эпоху верхней точкой пространственной вертикали.

В художественном мире И.С. Шмелева небо – абсолютный верх, место, где должен обитать Бог и где Он отсутствует: «Бога у меня нет. Синее небо пусто» [6, I; 468]; «пустое небо прикрылось синью» [6, I; 517]. Как мы видим, отсутствие на небе Бога приводит к тому, что небо теряет глубину, перспективу, становится «плоским». Небо в романе Шмелева – своеобразное зеркало, отражающее земную горизонталь, главной характеристикой которой становится пустота и смерть. Небо оказывается посредником между Богом и человеком, но даже тогда, когда «коснулся души Господь и убогие стены тесны», «небо пусто – не видно его за тучами» [6, I; 610]. Более того, в определенный момент само небо оказывается местом, откуда идет смерть. Не случайно герой говорит доктору: «Доктор, вам не кажется, что все небо в мухах» [6, I; 505]. Здесь мухи становятся явным символом смерти и разложения: «Муха – олицетворение зла, заразы, греха, смерти» [7; 385]. В связи с тем, что невозможно установить связь между человеком и Богом посредством неба, для Шмелева оказывается важным образ звезд и Млечного Пути. Звезды согласно устоявшейся традиции считаются выходом в небо, «небесными окнами» [4; 107], а для писателя они становятся символом его веры: «Я тихо иду по саду, выглядываю звезды, вот-вот увижу – чувствую, они за облаками» [6, I; 610]. Вполне закономерно поэтому, что, испив последнюю чашу, узнав о смерти Шишкина, герой выходит «под небо, глядеть на звезды» [6, I; 635]. Они «знают все», и

в полноте своего знания герой подобен Богу. Если звезды – это символ веры и небесное окно, то млечный Путь – это «дорога в Царство Мертвых» [4; 22]. У Шмелева Млечный Путь впервые упоминается, когда он описывает наступление осеннего периода (времени, когда люди уже ничего не могут противопоставить наступающему концу света): «Небо – в новом осеннем блеске, голубеет ясно. Ночами – черно от звезд и глубоко-бездонно. Млечный Путь сильней и сильней дымиться, течет яснее» [6, I; 556]. Во второй раз Млечный Путь уже напрямую связан со смертью, его видит герой в момент гибели доктора: «Вызвездило от ветра. Млечный Путь передвинулся на Кастель – час ночи. А я все жду» [6, I; 613].

Одной из интересных особенностей в трактовке Шмелевым образа неба оказывается его сближение с образом моря. В связи с этим следует отметить, что в эпосе Шмелева мы имеем дело с достаточно четко разработанным мотивом «море мертвых», восходящим к Откровению: «Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых...» [Откровение, 20:13]. Не случайно автор говорит: «Мертвое море здесь» [6, I; 465]. На восхождение образа моря к Откровению указывает довольно прозрачная ассоциация, базирующаяся на сравнении «море-чаша». «Круто падает балка, и в темном ее прорыве – синяя чаша моря: пей глазами» [6, I; 468] или «у этого кривого кола я сидел, смотрел на синюю чашу моря, глядевшего в прорыв. Пылала синим огнем чаша. Великий ее создал. Пей глазами» [6, I; 471]. Подобное описание моря позволяет сопоставить его с «чашей гнева» из Откровения: «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь» [Откровение, 16:4]. Для автора море становится неотъемлемой частью мучений, которые переживают жители голодного Крыма. Море – это часть адского круга, по которому идут люди в «белых одеждах»: «Есть Ад. Вот он и обманчивый круг его – море, горы. Ходят по кругу дни, – бесцельной, бессменной сменой. Не убежишь из круга» [6, I; 576]. Для него море – это место, связанное со смертью, причем смертью, не дающей права на воскресение. Море становится воплощением ада, не зря семеро, запертые в тюрьме боятся, что «с ними могут покончить в море, швырнуть с камнями» [6, I; 528]. О смерти рыбака герой говорит как о «дальнем плавании» [6, I; 585]. Революция, которая, по мысли автора, явилась началом Конца света, имеет морскую природу, так как «часы с луковицей» доктор отдает в руки «Крепса, а, может быть, Крабса. Глубин морских фамилия» [6, I; 502]. Интересно отметить, что, благодаря символизации образа моря, смерть приобретает большую пространственную определенность, расширяя свои границы до масштабов страны: «Россия бескрайняя с морей до морей» [6, I; 579]. Таким образом, не только Крым, но и сама Россия включается в адский круг, при этом ее судьба оказывается предопределена ее «географическим положением». Море не только граница адского круга, оно аналог тщетности усилий по спасению. В связи с этим автор вводит в текст весьма известное изречение, когда говорит о принципах новой власти: «В руки по ложке дадут, да прикажут – море выхлебывай» [6, I; 588]. Сама жизнь человеческая сравнивается с плаванием по воде, и не у всех исход плавания одинаков: «Не все разбитые корабли, баркасы, утлые лодочки... – есть и милые яхточки, пришвартовавшиеся умело у тихой бухты» [6, I; 601]. Таким образом, море – не только символ смерти, но и аналог жизни, а точнее, жизненного пути. В одном из эпизодов автор замечает, что красноармеец «без родины, без причала» [6, I; 466], да и сам образ моря меняет свое значение по отношению к родине. Если до революции это было море изобилия, как, например, «молочное море», «иссякшее» сейчас, то теперь это «море

человеческого непотребства»: «Течет и течет из Ялты награбленное добро, поснятое с живых и мертвых. Течет к морю» [6, I; 532].

Помимо указанных значений, в «Солнце мертвых» море является источником «мертвой воды», так как не может ничего породить. «Тамарка смотрит в море, синее и пустое. Она его хорошо знает: синее и пустое. Вода и камни» [6, I; 465]. Море превращается в пустыню: «Море черное, как чернила, берега белые. И там пустыня. Одна на другую смотрят: черная, белая» [6, I; 625]. Эта характеристика моря делает естественным его сопоставление с небом: «Пустое небо прикрылось синью, море прикрылось синью: стоит одно другого» [6, I; 517], – что существенно меняет пространственные ориентиры романа.

Мы можем говорить о том, что вертикаль пространства эпопеи, заданная параметрами неба и моря, сжимается в одной точке, приобретая характеристики «пустота и пустыня», свойственные горизонтали пространства. Именно поэтому автор замечает, что «убивать время» [6, I; 458] – основное занятие оставшихся в живых, так как «у нас не будет никакой точки. Повеки не будет» [6, I; 459]. Как полагает А.О. Шелемова, в «Солнце мертвых» прослеживается лейтмотив «пустыни-разрухи»: «своя земля — и берег, и море – воспринимается пустыней: «А сумерки всё густеют. Кафель синее. У, какая пустыня там! Снеговая пустыня в падающей ночи. Я стою на холме и вглядываюсь в пустыню, пытаюсь её постигнуть. Пустыня. Пришла и молчанием говорит: я пришла, пустыня». В подавляющем большинстве случаев «пустынная» символика и тропика сопровождают картины хаоса, разрухи, гибели. Олицетворённая пустыня «кричит»; слышатся «голос пустых полей», «пустынный крик павлина», неистовый голос Ляли – «дикий, пустынный крик», видятся «снеговая пыль» пустыни, «чёрная ночь – пустыня» [5].

Если вспомнить символическое значение образа пустыни, то появление его в контексте произведения станет вполне закономерным. Обычно пустыня воспринимается как символ бесплодия, и, если не вникать в глубинный смысл «Солнца мертвых», то можно подумать, что автор и имеет ввиду голод и запустение, охватившие Крым после революции. Однако следует учесть и еще одно немаловажное культурологическое значение данного образа: «В христианской и иудейской культуре пустыня имеет большое значение как место откровения (беседы с Богом). Именно в пустыне обе великие монотеистические религии находят источник своего зарождения» [4; 296]. Ключевой, сквозной темой эпопеи «Солнце мертвых» можно считать тему потери и обретения Бога перед лицом испытаний. Мысли героя о Боге от начала до конца эпопеи претерпевают значительные изменения от «Бога нет у меня» [6, I; 468], «лица Твоего не вижу, Господи! Чую безмерность страдания и тоски» [6, I; 516] до желания уподобиться Богу и начать великое восхождение в горы. Кроме того, пустыней традиционно называется и безлюдная дикая местность, в которой Христа искушал сатана. И действительно, главный герой произведения проходит великое искушение смертью и, преодолев человеческую слабость, находит силы начать духовное возрождение. Если в начале эпопеи он вбирает в себя пустыню и провозглашает гимн пустоте: «Никаких намеков! Пусть пустота – и только» [6, I; 528], то ближе к концу замечает: «Я хочу отойти от окружающей меня пустыни. Я хочу перенестись в прошлое, когда люди ладили с солнцем, творили сады в пустыне» [6, I; 565].

Еще одной характеристикой пространства эпопеи является пустота. Отметим, что по своему культурологическому значению это буддийский символ «выхода из круга

существования, представленный как полное отсутствие эго, эмоций или желаний, состояние безграничного опыта и безличного духовного откровения» [4; 296]. Для героя принять в себя пустоту – значит отказаться от своей веры, как это сделал доктор, который молится Будде. По большому счету, духовно доктор погибает еще до своей смерти, так как сумел отрешиться от всего, что наполняло его жизнь, в том числе и от памяти. Для главного героя подобный путь неприемлем, ибо он максимально пытается наполнить свое существование, сохранить память (например, при помощи «кальвиля» или пера павлина: следует отметить, что перо павлина в одном из своих значений символизирует звездное небо, являющееся для автора обозначением веры в Бога). Для него пустота подобна смерти («убил... слово совсем пустое» [6, I; 479]), а гармония и наполненность становятся синонимами. Видимый глазами мир иллюзорен и лишен гармонии, именно поэтому синий цвет, появляющийся в описании неба, всего лишь прикрывает пустоту. Достичь слияния с космосом и Богом, найти Его в себе возможно только с помощью взора духовного, особого чувствования. Именно поэтому представление о гармоничной жизни и ее отсутствии передается автором через восприятие музыки: музыка до революции – это «чудесный оркестр – жизнь наша! какую играл симфонию! А капельмейстером была – мудрая Жизнь-Хозяйка. Пели своё, чудесное, эти камни, камни домов, дворцов, – как орут теперь дырявыми глотками по дорогам!.. Пели сады, смеялись мириадами сладких глаз. Виноградники набирали грёзы, пьянели землёй и солнцем... И вот – сбился оркестр чудесный, спутались его инструменты...». А теперь «поёт и поёт неведомая гармония... Сбил её в горах выстрел – поймал кого-то? И вот – кровавые клочья, и вот они – действующие сей жизни: стонущие, ревушие...» [6, I; 541]; «унылы, жутки мертвые крики жизни. Темные силы проникают в душу, они приводят – черную пустоту и смерть» [6, I; 611], гармоничную музыку жизни заменили граммофоны. Для главного героя оказывается невозможным выйти из круга и принять пустоту, как это сделал доктор, ведь для этого пришлось бы бросить домик, символ уюта и прошлой жизни, единственный сохранившийся островок памяти. Он дает себе слово: «В душу принять их муку и почтить светлую память бывших» [6, I; 557], ведь даже «пустая дорога – не пустая. Писано по ней осколками человеческих жизней» [6, I; 552], – и поэтому герой клянется: «Я не уйду из круга» [6, I; 577].

Помимо неба и моря, вертикаль пространства, изображенного в «Солнце мертвых», создают земля и горы. В «трехчленной вертикальной структуре мироздания (верх-середина-низ) земля оказывается средним элементом, обителью людей, противопоставляемой и небу и недрам (преисподней) (у Шмелева небу и морю)» [7; 221]. В «Солнце мертвых» образ земли приобретает особое символическое значение. В связи с тем, что автором в эпосе изображен мир в ситуации Апокалипсиса, за которым должно произойти воскрешение, земля – это место последнего пристанища умерших. Как замечает доктор: «Лучше теперь в земле, чем на земле» [6, I; 492], так как на всем «лежит печать ухода» [6, I; 493]. А в связи с тем, что в тексте «Солнца мертвых» рефреном проходит фраза «земля родная», символизм образа земли удваивается: он воспринимается как родина и одновременно «центр Вселенной» [7; 222], так как «обычай хоронить умерших в земле, вероятно, связан с представлением о сакральной чистоте земли как центра вселенной» [7; 222]. Для героя является утешением то, что его окружает «земля родная, кровью политая» [6, I; 578]. Вообще образ «родной земли» лейтмотивом проходит по всему тексту «Солнца мертвых». Так, для старой татарки радостью должно стать то, что сына она похоронит в родной земле, так как «лучше

своя земля» [6, I; 528]; умирающий старик рыбак тоже находит отдохновение в земле: «Спокойнее в земле, старик. Добрая она, всех принимает» [6, I; 586]; дьякону ничего не страшно, так как «земля родная, народ русский» [6, I; 605]. Однако постепенно, по мере развития основной линии сюжета, образ земли утрачивает свою однозначность. И прежде всего это связано с тем, что земля перестает восприниматься как «центр Вселенной», поскольку не может быть местом захоронения: «теперь человек и могилу не находит» [6, I; 602], «всюду они, лишённые погребения» [6, I; 611]. Кроме того, в контексте эпопеи формируется устойчивая антитеза «своя» – «чужая» земля. В последней главе произведения понятие «своя» земля совсем исчезает, вокруг героя «чужая земля, татарская» [6, I; 631]. Подобная замена формирует в «Солнце мертвых» целый комплекс идей. Во-первых, говорит о том, что герой сделал свой духовный выбор и для него оказывается неприемлемой мысль о единстве «мечети» и «христианской свечи». Во-вторых, находит объяснение то, почему несколько раз в «Солнце мертвых» появляется сопоставление «земля – камень» в значении «благодатный камень». Дело в том, что «благодатный камень» [6, I; 537] является частью чужой татарской земли: «Камень для них – родное. Из камня выросли их аулы» [6, I; 528]. И, наконец, рождает четкую ассоциацию со «Словом о полку Игореве», где родная земля противопоставлена пустыне. По мнению А.О. Шелемовой, «образ пустыни, несущей разорение-гибель, был использован и автором «Слова о полку Игореве», но несколько в ином ракурсе, чем у Шмелёва. Пустыня в древнем тексте включена в мотивный комплекс символики чужого пространства – половецкой степи, несущей хаос и разорение» [5]. У Шмелева родная земля исчезает совсем, уступая место каменной татарской пустыне. Таким образом, Шмелев пытается провести мысль о том, что результатом гражданской войны является тотальная разруха и хаос. Если в древнем тексте мысль о необходимости «космизировать хаос, преодолеть степь-пустыню» [5], является не только важной, но и единственно возможной, то текст Шмелева свидетельствует, что гражданская война XX века оказывается непреодолима. Она может быть только принята в душу и выстрадана главным героем, оставшимся один на один с надвигающимся хаосом.

Помимо указанной нами связи образа камня с пространством земли, причем земли «чужой», «мусульманской», мы можем обнаружить в тексте символическое значение образа камня, восходящее к христианской традиции. Наиболее четко прослеживаемой в Священном Писании является противопоставление камня хлебу, как мертвого живому, бездуховного духовному (сцена искушения дьяволом, притча о сеятеле и т.д.). Использование Шмелевым сопоставления «камень – хлеб» в своем произведении в качестве смысло- и сюжетообразующего очевидно. Уже на первых страницах романа появляется образ «хлеба насущного», символизирующего в Библии учение Христа, а в «Солнце мертвых» меняющего свое значение. У Шмелева хлеб утрачивает свою духовную составляющую, становясь вполне материальным объектом: хлеб как средство насыщения тела. «Груши – хлеб наш насущный» [6, I; 457] или «Виноградная балка. Это отныне храм, кабинет и подвал запасов. Отсюда черпаю хлеб насущный» [6, I; 467]. В связи с тем, что «хлеб насущный» теряет присущую ему символику, вполне закономерно, что такое огромное место приобретает образ камня, обретающего всеобъемлющее значение от «каменной тишины рассвета» [6, I; 537] до самой жизни, превращенной в камень, где «миллиарды труда сожрали за один день! Силами Камня-тьмы» [6, I; 626]. Камень оказывается порождением звериного в

человеке, возвращением в дикие времена, когда основой жизни были не чувства, а инстинкты. Не случайно, когда упоминается про «матросские орды», автор говорит, что они «жарили на кострах баранов, вырвав кишки руками, выскоблив нутро камнем, как когда-то их предки» [6, I; 530]. Камень становится символом смерти не только духовной, но и физической: «Мы ... Коляка... убьем. Камнем убьем» [6, I; 551]. В камне же роют и могилу Кулешу. Для Шмелева камень и сопутствующая ему пустыня («Я пришла – пустыня. Кругом люди с камнями» [6, I; 625]) становятся символами возвращения в пещерное бездуховное прошлое, где невозможно «великое восхождение и это гордое – будем боги» [6, I; 508]. Чрезвычайно важна и афористическая фраза, где автор сталкивает два понятия – «душа» и «камень»: «Душа пустая и сухая, как выветрившийся камень» [6, I; 569]. На противопоставление души и камня указывает следующая фраза: «Ни страха, ни жути нет, – каменное взирание» [6, I; 613], – так как только человек с живой душой может испытывать какие-либо чувства. Таким образом, мы можем говорить о том, что в понимании Шмелева камень становится символом отсутствия душевного и духовного, что весьма точно отображает значение понятия «каменное нечувствие», упоминаемого в Библии. Не случайно ведь во многих эпизодах романа, где говорится о людской черствости, автор прибегает к сравнению с камнем: «Ослепла старая татарка. Она вымолила его (сына), выбила головой у камня» [6, I; 528], или «рыбак добился до комнаты №1. Прошел все камни» [6, I; 585]. Жизнь, показанная в эпопее, воспринимается как бессмысленное бесконечное движение по кругу от камня к камню: «Люди, звери – все одинаковые, с лицами человеческими, бьются, смеются, плачут. Выдернутся из камня, опять в камень» [6, I; 591].

Как отмечает автор, противостоять камню может лишь человек духовный: «Они не поклонились соблазну. Животворящий дух в них, и не поддаются они всесокрушающему камню» [6, I; 548]. Попытка героя преодолеть каменный круг и совершить «восхождение» в горы воспринимается как великий духовный подвиг, так как идет он «шаг за шагом, от камня к камню» [6, I; 603]. Таким образом, в «Солнце мертвых» камень соотносится не только с образом хлеба но и с символикой горы: «Открыли горы каменные глаза свои, неподвижные и пустые» [6, I; 584]; «Я вижу каменную улыбку гор – улыбку камня. Века глядела гора в человежье стойло. И показала свою улыбку – швырнула камнем» [6, I; 464]. Согласно своему символическому обозначению «гора – это образ мира, модель вселенной»; «гора находится в центре мира, вокруг нее, как вокруг мировой оси, строится мироздание»; гора «соседка неба, именно поэтому святилища и храмы предпочитали возводить на горах, откуда было ближе к богам» [7; 108]. Таким образом, сопоставляя образы камня и горы в символической системе романа, мы можем говорить о том, что гора утрачивает свое пространственное значение, уподобляясь камню и порождая камень, утрачивает символику абсолютного верха, и, следовательно, люди, живущие у ее подножья, теряют духовную связь с Богом.

Особое символическое значение придает Шмелев горе Куш-Каи, выполняющей в начале эпопеи функцию Книги Жизни, в соответствии с текстом которой, согласно Откровению, Бог осуществляет суд над людьми: «Все вбирает в себя, все видит. Чертит на нем неведомая рука... Страшное вписала в себя серая стена Куш-Каи. Время придет – прочтется» [6, I; 458]. По мере развития сюжета Куш-Каи утрачивает свое духовное значение: «Голая стена Куш-Каи. Смотришь на ее камень ясный и думаешь о пустыне» [6, I; 548]. Она передает свою функцию главному герою, который «чувствует даже камни, может говорить с пустыней» [6, I; с. 549]; «Видела все вечная стена Куш-Каи, –

в себя вбирала, и теперь вбирает: пишет по ней неведомая рука. Смотрю и вбираю я» [6, I; 525]. Таким образом, сам главный герой становится средоточием духовного мира, ему предстоит вобрать в себя муку умирающих и испить «чашу» до конца. Одним из них является доктор, который, переживая страшные муки смерти и забвения, создает свою концепцию развития мира; согласно ей, он подчиняется закону уничтожения прошлого, теряя возможность верить в будущее. Человечество идет к помойке, и в этой помойке доктор не способен представить, что может существовать Бог: «Не имею логического права верить» [6, I; 504]. По его мнению, человечество, и он вместе с ним, совершает «нисхождение в ничто». И великого Воскресения не будет, так как на земле уже правит «Великий во главе с кровавой сектой вшей» [6, I; 508]. Одним из признаков его отречения от Бога является то, что он не помнит «Отче наш», в основе которого лежит вера в царство Бога. Не имея веры, он не способен представить и жизнь вечную, поэтому самым большим его страхом становится страх живым лежать в могиле и потерять возможность принять решение о смерти. То есть, по сути, доктор собирается совершить страшный, по православной традиции, грех самоубийства, не выдерживает мучений, через которые прошел и через которые ему придется пройти, ожидая Страшного Суда, что никогда не наступит. Он понимает, что жизнь возможна только для тех, кто убивает; но не хочет ни убивать, становиться подобным людям без имени, ни быть убитым, не желает, подобно интеллигенции, взойти на мученическую Голгофу ради человечества. Доктор делает свой выбор: смерть в огне во славу Будды: «Горам молюсь, чистоте ихней и Будде в них! Понимаю, почему и Огню поклоняются! Огонь от Него исходит, к нему возвращается!» [6, I; 598], тем самым он предает жизнь и своего Бога, навсегда уходя в мир Мертвых. Как замечает С.И. Кормилов: «Тому, кто сжег свою прошлую жизнь (фотографии и письма), видимо, оставалось лишь сжечь настоящую» [3; 29]. Его путь – это путь вниз, в небытие.

Совершенно иной путь, путь вверх, проходит главный герой «Солнца мертвых». И.А. Ильин так определяет содержание этого пути: «из тьмы – через муку и скорбь – к просветлению» [2; 164]. Следует отметить, что в произведении главный герой выполняет особую функцию, являясь человеком, который должен «принять в душу муку» [6, I; 557] людскую и искупить ее своей жизнью, что сближает этот образ с образом Христа. Подобно Христу, он ежедневно совершает «великое восхождение в горы» [6, I; 603], неся крест своих мучений. От него люди ждут Слова, которое облегчило бы их жизнь. Как известно, имя Христа переводится как Слово; правда, слово, которое говорит герой, весьма не утешительно, так как оно о грядущей смерти. Кроме того, он, подобно Христу, проходит искушения в пустыне дьяволом, так как на протяжении всего произведения место, где он живет, определяется как пустыня, а состояние мира как пустота. Однако когда круг смерти смыкается вокруг него (большинство исследователей обращают внимание на усиление символики конца, замкнутого круга по ходу развития сюжета, что проявляется в названии глав), он понимает, что жизнь зашла в тупик, сомкнулась в одной точке, переполнилась смертью. И у него остается два выхода: либо отречься от веры, и, последовав за доктором, обрести смерть, либо, уподобившись Христу, до конца принять муку жизни, начав великое восхождение в горы, и, тем самым, преодолеть смерть, приблизив великое Воскресение. Он выбирает последнее, так как должен дожить до весны и увидеть Воскресение Мертвых.

Проведя подробный анализ пространственных координат модели мира, выстроенной И.С. Шмелевым в эпопее «Солнце мертвых», можно сделать следующие выводы. Под воздействием разрушительных событий, произошедших в стране в 20-х годах XX века, неизбежна десакрализация жизненного пространства, о чем свидетельствует трансформация и фактическое разрушение пространственной вертикали и сближение ее с горизонталью, определяющими характеристиками которой становятся пустыня и пустота. Следствием утраты духовных ориентиров становится тотальный хаос, мучительное и неизбежное погружение в небытие. Подобная пространственная организация художественного мира свидетельствует о восприятии автором революции и гражданской войны как событий катастрофических и необратимых. Очевидно, что возврат к всеобщему гармоничному существованию невозможен, однако путь к обретению связи с Богом, а значит, и к преодолению хаоса, автор указывает. Этот путь, подобно Христу, проходит главный герой, сумевший найти Бога внутри себя, через осознание катастрофичности произошедших перемен, принятие неизбежной смерти, сопереживание, любовь к ближнему и веру в Бога несмотря ни на что.

Библиографический список

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета: (канонические). США – Швеция: Русское библейское общество, 2000. 1179 с.
2. Ильин И.А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев. М: Скифы, 1991. 216 с.
3. Кормилов С.И. «Самая страшная книга» (Соотношение изобразительного и выразительного в «эпопее» Ивана Шмелева «Солнце мертвых») // Русская словесность. 1995. № 1. С.21-30.
4. Тресиддер Дж. Словарь символов: (Пер. с англ. С. Палько). М.: Изд. торговый дом «Гранд»: ФАИР-пресс, 1999. 448 с.
5. Шелемова А.О. Мотив «кровавого пира» в «Слове о полку Игореве» и «Солнце мертвых» И.С. Шмелева. URL: [http // art. 1 september.ru /2006/ 10115.htm](http://art.1september.ru/2006/10115.htm).
6. Шмелев И.С. Собрание сочинений в 5-ти тт. М.: Русская книга, 1998.
7. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. 608с.

References

1. The Bible. The books of the Holy Scriptures of the old and New Testament: (canonical). USA - Sweden: Russian Bible society, 2000.1179 p.
2. Ilyin I.A. About the darkness and enlightenment: the Book of art criticism. Bunin. Remizov. Shmelev.M: The Scythians, 1991 p.
3. Kormilov S.I. «The worst book» (the Ratio of fine and expressive in «epic» Ivan Shmelev «Sun of dead») // Russian literature. 1995. No. 1. P. 21-30.
4. Tresidder J. Dictionary of symbols: (TRANS. from English. C. Palko). M.: Izd. trading house «Grand»: fair-press, 1999.448 p.

5. Shelemova A.O. Motive «blood feast» in «The Word about Igor's regiment» and «Sun of dead» by I.S. Shmelev. URL: [http // art. 1 september.ru /2006/ 10115.htm](http://art.1september.ru/2006/10115.htm).
6. Shmelev I.S. collected works in 5 vol. M.: Russian book, 1998.
7. Encyclopedia of symbols, signs, emblems. M.: Eksmo; SPb.: Midgard, 2005. 608 p.

УДК 801.3=82(045/046):26

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет
ст. преп. кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Безатосная О.М.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(473)271-50-48;
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

*Voronezh state university of architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and
cross-cultural communication,
senior lecturer
Bezatosnaya O.M.
Russia, Voronezh,
+7(473) 271-50-48;
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

О.М. Безатосная

ОБРАЗ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В РАССКАЗЕ Б.К.ЗАЙЦЕВА «ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ»

В статье предпринимается попытка рассмотрения образа Преподобного Сергия Радонежского в рассказе Б.К. Зайцева. Выявляются основные черты, присущие исконно русскому понятию «святости». Ключевые слова: Б.К. Зайцев, Сергий Радонежский, святость, святой.

О.М. Bezatosnaya

THE IMAGE OF SERGIUS OF RADONEZH IN B.K. ZAYTSEV STORY «ST. SERGIUS OF RADONEZH»

The paper attempts to review the image of St. Sergius of Radonezh in the story of B.K. Zaitsev. It identifies the main traits of native Russian concept of «holiness». Keywords: B.K. Zaitsev, Sergius of Radonezh, holiness, holy.

Когда Б.К.Зайцев в 1922 году оказался в эмиграции, то он, осмысливая случившееся и пережитое, открыл для себя «Русь Святой Руси, которую без страданий революции, может быть, не увидел бы никогда».[3] По словам А.М.Любомудрова, «отныне свою миссию русского писателя-изгнанника он осознаёт как приобщение и соотечественников, и западного мира тому сокровищу, которое хранила Святая Русь – православия».[4]

«Россия Святой Руси» воссоздана Зайцевым в книгах «Афон», «Валаам», в очерках о святых Серафиме Саровском, Иоанне Кронштадтском, Патриархе Тихоне, Сергии Радонежском. Он запечатлел образы церковных служителей и простых мирян, которые на своём трудном земном пути обретали веру и «сами светили миру своим примером и обликом».[1]

В.И. Даль в своём Словаре определил понятие «святой» как «духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный; всё, что относится к Божеству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения нашего, духовный, божественный, небесный. Святым зовут вообще всё заветное, дорогое, связанное с истиною, с благом».[4] К такому толкованию близки и современные определения. Например, в словаре В.М. Живова «Святость. Краткий словарь агиографических терминов» подчёркивается обладание божественной благодатью, заветность,

истинность, величие и важность.[2] Но не следует забывать, что человеческие понятия, как и всё на свете, имеют свою историю и судьбу, их содержание претерпевает эволюцию и в разные эпохи может отличаться от бывшего и будущего. Не составляет исключение и понятие «святости». Это понятие органично соединило две традиции: дохристианскую славянскую и христианскую.

О том же говорят и данные истории языка. Общеславянский корень свят- (свет-, свент-) восходит к индоевропейскому корню со значениями возрастания не только физической массы, но и духовной энергии. Поэтому в понятиях «святой огонь», «святое дерево», «святая вода» сочетаются понятия и материальной, и духовной сферы. Святость здесь – энергия, заставляющая двигаться снизу вверх. В христианской традиции святость – это, в каком-то смысле, шаг Бога навстречу человеку, выраженный в выборе, в наделении чудотворной силой, прославлении посмертными знаменами. Это энергия, движущаяся сверху вниз. В результате этого понятие «святости» актуализирует такие смыслы, как «чистота», «непорочность», «праведность», «светолучение», «жертвенность».[5]

Специфика этого русского понимания святости отражена в рассказах Б.К.Зайцева, написанных в годы вынужденной эмиграции. «Преподобный Сергей Радонежский» – это первая книга, написанная Зайцевым в Париже в 1925 году. По словам Любомудрова, «рисую труды и подвиги духовного лидера земли Русской, Зайцев поддерживал силу духа у своих соотечественников, не по своей воле покинувших Родину» [4]. Вся жизнь Сергея Радонежского была полна терпения, смирения, кротости, полагания во всё на волю Божию. Зайцев подчёркивает, что Сергей – глубочайше русский, глубочайше православный. И далее объясняет почему: «Прохлада, выдержка, кроткое спокойствие, гармония негромких слов и святых дел – образ русского святого. Не оставив по себе писаний, Сергей будто бы ничему не учит. Но он учит обликом своим самому простому: правде, прямоте, труду, вере».[3] С другой стороны, Сергей Радонежский – это активный общественный деятель, благословивший войско Дмитрия Донского на битву с Мамаем.

По словам Г.П. Федотова, «вмешательство преп. Сергея в судьбу молодого государства Московского, благословение им национального дела было, конечно, одним из оснований, почему Москва, а вслед за нею и вся Русь чтит в преп. Сергии своего небесного покровителя. В сознании московских людей XVI века он занял место рядом с Борисом и Глебом, национальными заступниками Руси».[6]

В главе «Сергий и государство» Б.К. Зайцев пишет: «Преподобный не был никогда политиком, как не был никогда «князем церкви». За простоту и чистоту ему дана судьба, далёкая от политических хитросплетений. Если взглянуть на его жизнь со стороны касанья государству, чаще всего встретишь Сергия – учителя и ободрителя, миротворца».[3] И далее автор сравнивает Преподобного с иконой, «что выносят в трудные минуты и идут к ней сами».[3] Сергей Радонежский жил в то время, когда, по выражению Б.К. Зайцева, «Москва, катясь в истории как снежный, движущийся ком, росла, наматывая на себя соседей. Это восхождение трудное, часто преступное». Истории ссорившихся братьев-князей и трагические развязки этих историй Б.К. Зайцев называет «шекспировскими».[3] В это непростое время обитель Сергия открыта для князей московских и удельных. Он сам выходит из её стен, выполняет поручения

Митрополита Алексия. Убеждает, как в случае с Константином Ростовским, не выступать против Великого Князя. И один лишь единственный раз пришлось действовать строже: он закрыл церкви в Нижнем Новгороде. Б.К. Зайцев пишет: «Это был единственный случай, когда Сергей вынужден был наказать. По тем кровавым временам какое, в сущности, и наказание?»[3] Сергей, тихий отшельник, плотник, скромный игумен, отказывается от митрополии, предпочитая чину «тягости с непослушными в монастыре. Сергей не особенно ценил печальные дела земли».[3] Но приходит день, когда к нему в обитель приезжает князь Димитрий. Теперь Сергей оказывается перед трудным выбором благословления на кровь. Зайцев пишет о том, как нелегко было Сергию в это время. Действительно благословил ли бы на войну, даже национальную, Христос? Зайцев как будто слышит слова Сергия: «Не за войну, но раз она случилась, за народ, за Россию, православных». Преподобный дал Дмитрию помощниками двух монахов: Пересвета и Ослябю. Б.К. Зайцев подчёркивает величавость и трагичность того момента, что в бой они пошли без шлемов и панцирей – в образе схимы, с белыми крестами на монашеской одежде. Во время самой битвы Преподобный молился со своей братией у себя в церкви. Зайцев пишет об этом так: «Он говорил о ходе боя. Называл павших и читал заупокойные молитвы. А в конце сказал: «Мы победили».[3]

По словам Г.П. Федотова, «в лице преподобного Сергия мы видим первого русского святого, которого в православном смысле этого слова можем назвать мистиком, то есть носителем таинственной духовной жизни, не исчерпываемой подвигом любви, аскезой и неотступностью молитвы».[6] Б.К. Зайцев в главе «Св. Сергей чудотворец и наставник» размышляет о природе чудесного, которое случается не с каждым человеком. Он пишет: «Чудо есть праздник, зажигающий будни, ответ на любовь. Это, конечно, величайшая буря любви, врывающаяся оттуда, на призыв любовный, что идёт отсюда».[3] Автор отмечает, что в начале подвижничества Сергей не имел чудес. Необходимо было пройти «долгий, трудный путь самовоспитания, аскезы, самопросветления».[3] В предпоследней главе сказания о Сергии, которая называется «Вечерний свет», Зайцев раскрывает эту сторону облика Сергия как русского святого. И эта сторона является очень характерной для всех русских святых. Зайцев описывает видения и знамения, связанные с огнём и светом. Видения и чудеса относятся ко второй половине жизни Сергия. Это уже отшельник и учитель, заслуживший высший свет. Сергию постоянно сопутствуют наблюдаемые и другими видения огня, который иногда исходит из него или может возникнуть рядом. «И тогда увидел Исаакий, что из руки Преподобного исходит пламень и объёмлет его».[3] Далее Зайцев пишет, что в этот момент Сергей напряжённейше молился: «Свет и огонь! Лёгкий небесный пламень как бы родствен, дружен теперь с Сергием. «Друг мой свет, друг мой пламень», – мог сказать пронизанный духовностью, наполовину вышедший из мира Сергий».

Сергию, первому из русских святых, явилась Пречистая. Зайцев пишет: «За всю почти 80-летнюю жизнь ни на одном горизонте не видна женщина. Юношей отошёл он от главной «прелести» мира. В прохладных и суровых лесах Радонежа позабыто само имя женщины. Как будто Сергей-плотник лишь мужской святой. Это лишь впечатление».[3] Для Сергия существовал культ Богоматери, культ Мадонны. Ежедневно в келье он пел акафист и молился Богоматери. И она явилась ему незадолго

до его кончины. Это произошло в рождественский пост: «В ослепительном свете пред ним явилась Богоматерь с Апостолом Петром и Евангелистом Иоанном. Святая Дева сказала, что всегда будет заступницей обители. Молитвы дошли до неё».[3]

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что образ Сергия Радонежского, воссозданный Б.К. Зайцевым, воплощает в себе основные черты, присущие главной линии русской святости: кротость, смирение, бескорыстие, с одной стороны; активную общественную и политическую деятельность, с другой стороны. В образе Преподобного Сергия мы увидели первого русского святого, который явился носителем особой таинственной духовной жизни. В заключение хочется привести слова Г.П. Федотова: «В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России; в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути. Верим, что каждый народ имеет собственное религиозное призвание, и, конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями. Здесь путь для всех, отмеченный веками героического подвижничества немногих. Их идеал веками питал народную жизнь; у их огня вся Русь зажигала свои лампадки. Если мы не обманываемся в убеждении, что всякая культура народа в последнем счете определяется его религией, то в русской святости найдем ключ, объясняющий многое в явлениях современной, секуляризированной русской культуры».[6]

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. Т.4. М.,1991. С.161.
2. Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С.90.
3. Зайцев Б.К. Белый свет. М., 1990, С.186.
4. Любомудров А.М. Святая Русь Бориса Зайцева. Режим доступа: editor@pravoslavie.ru.
5. Топоров В.Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре – SVET // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С.191.
6. Федотов Г.П. Святые ДревнейРуси. М., 1990. С.150.

References

1. Dal V.I. Explanatory Dictionary of Russian language: In 4t. T.4. M., 1991. P.161.
2. Zhivov V.M. Holiness. Concise Dictionary hagiographic terms. M., 1994. P.90.
3. Zaitsev B.K. White light. M., 1990, P.186.
4. Lyubomudrov A.M. Holy Russia Boris Zaitsev. URL: editor@pravoslavie.ru.
5. Toporov V.N. On an archaic Indo-European element in ancient spiritual culture – SVET // Languages and Culture translatability problems. M., 1987. P.191.
6. Fedotov G.P. Ancient Russia Saints. M., 1990. P.150.

УДК 82.09

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)71-50-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-cultural communication,
PhD, senior lecturer
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(473)271-50-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru

С.А. Скуридина

«КАМЕННЫЕ» ИМЕНА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматривается мотив камня в произведениях Ф.М. Достоевского и его отражение в ономастике писателя.

Ключевые слова: Ф.М.Достоевский, антропонимы, онимы, мотив, символ, камень.

«STONE» NAMES IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVELS

The article sites the motive of stone in the novels by F.M. Dostoevsky and its reflection in the writer's onomasticon.

Keywords: F.M. Dostoevsky, anthroponomy, onyms, motive, symbol, stone.

«...Я, может быть, желал бы называться Эрнестом, а между тем принужден носить грубое имя Игната, – почему это, как вы думаете? Я желал бы называться князем де Монбаром, а между тем я только Лебядкин, от лебедя, – почему это?» – восклицает Лебядкин во время своего визита к Варваре Петровне Ставрогиной [1].

«Здравствуйте, садитесь, господин Черномазов <...> – Карамазов, маменька, Карамазов... – Ну, Карамазов или как там, а я всегда Черномазов», – так называет Алешу Карамазова госпожа Снегирева [1].

«Николай Ильич Снегирев-с, русской пехоты бывший штабс-капитан-с, хоть и посрамленный своими пороками, но все же штабс-капитан. Скорее бы надо сказать: штабс-капитан Словоерсов, а не Снегирев, ибо лишь во второй половине жизни стал говорить словоерсами. Слово-ер-с приобретается в унижении», – так представляется Алеше Карамазову Снегирев [1].

«Я вот, изволите видеть, Вразумихин; не Разумихин, как меня все величают, а Вразумихин, студент, дворянский сын», – знакомится с артельщиком Разумихин [1].

«Разве можно жить с фамилией Фердыщенко?» – задается риторический вопрос в «Идиоте» [1].

И это не все высказывания героев произведений Ф.М. Достоевского, пытающихся осмыслить свои фамилии. Приведенный ряд цитат можно было бы продолжить, чтобы подтвердить неслучайность выбора собственных имен в творчестве Ф.М. Достоевского.

Вероятно, прав Д.С. Лихачев, что имя и отчество хроникера *Антон Лаврентьевич* в романе «Бесы» не важно [6]. «Прощайте, батюшка, не знаю вашего имени, отчества, – обратилась она ко мне. – Антон Лаврентьевич... – Ну, все равно, у меня в одно ухо

вошло, в другое вышло», – говорит Прасковья Ивановна Дроздова, намекая, что ей не запомнить услышанного, да и незачем это делать [1]. Однако отчество *Лаврентьевич* вызывает в сознании русского читателя представления о Лаврентьевском списке и ставит вымышленного повествователя «Бесов» в один ряд с составителями летописей, а следовательно, создает образ потомка хроникеров, продолжателя летописных традиций. Таким образом, и антропоним хроникера значим для Ф.М. Достоевского, что подтверждается еще и редкостью его употребления: фамилия хроникера *Г-в* встречается в тексте шесть раз, а имя-отчество всего лишь три раза.

Но чаще всего писатель использует противоположный прием – чтобы привлечь внимание читателя на ту или иную деталь, она неоднократно повторяется им в неизменном или несколько измененном виде. Так обстоит дело у Ф.М. Достоевского с мотивом камня.

По мнению Л.В. Карасева, «феноменология камня (Башляр назвал бы это «психоанализом») раскрывается прежде всего в качествах несокрушимости и тяжести. Для Достоевского более важен второй смысл: отдавая должное твердости камня, его «вечности», он все-таки ощущает камень как нечто такое, что может придавить своей тяжестью, преградить путь, похоронить под собой». Неслучайно Шатов передаст хроникеру слова Степана Трофимовича Верховенского: «Степан Трофимович правду сказал, что я под камнем лежу, раздавлен, да не задавлен, и только корчусь; это он хорошо сравнил» [1]. В момент же убийства Шатова «сбили... с ног и придавили к земле» [3]. «Незадавленного» и «нераздавленного», но застреленного Шатова заговорщики бросают в воду, предварительно привязав ему на тело два камня, как будто бы намекая на его фамилию – чтоб не шатался больше. Интересно, что Липутин накануне убийства Шатова, после того как узнал о смерти каторжного Федьки, ощутит подобное Шатову состояние: «Липутин вдруг перестал колебаться. Толчок был дан; точно камень упал на него и придавил навсегда» [1].

Кириллова в беседе с хроникером интересуется вопросом, что чувствует человек, над которым висит камень: «Представьте, – остановился он предо мною, – представьте камень такой величины, как с большой дом; он висит, а вы под ним; если он упадет на вас, на голову – будет вам больно? – Камень с дом? Конечно, страшно. – Я не про страх; будет больно? – Камень с гору, миллион пудов? Разумеется, ничего не больно. – А станьте вправду, и пока висит, вы будете очень бояться, что больно. Всякий первый ученый, первый доктор, все, все будут очень бояться. Всякий будет знать, что не больно, и всякий будет очень бояться, что больно» [1].

В романе «Подросток» камень не висит в воздухе, а закопан в землю, что разрушает представление о камне как могильной плите, то есть камень может быть сам спрятан, похоронен. Последнее наблюдение отражено в аллегорическом рассказе владельца квартиры, нанимаемой Аркадием, который был внимательно выслушан Версиловым: приказание государя убрать камень было выполнено – крестьяне закопали камень в яму, «лопатками засыпали, трамбовкой утрамбовали, камушками замостили, – гладко, исчез камушек!» [1]

В романе «Подросток» камень – это еще и то, что может служить подставкой, достойной опорой, пьедесталом благодаря своей тяжести. По верному наблюдению Т.А. Касаткиной, «Андрей Петрович» – Андрей (греч.) – «муж каменный» – идол; ему и поклоняются как идолу. Аркадий напишет с изумлением: «... мать, сестра, Татьяна

Павловна и все семейство покойного Андроникова, <...> состоявшее из бесчисленных женщин, благоговели перед ним, как перед фетишем» [1; 4].

На наш взгляд, в связи с этим значение фамилии *Версилов* может быть объяснено через значение апеллятива *верх*, ведь место идола на возвышении, на вершине. В пользу этого говорит объяснение сущности Версилова в черновиках к роману: «Рядом с высочайшею и дьявольскою гордостью (нет мне судьи) есть и чрезвычайные суровые требования к самому себе, с тем только, что никому не даю отчету. Наружная выработка весьма изящна: видимое простодушие, ласковость, видимая терпимость, отсутствие чисто личной амбиции. А между тем все это из надменного взгляда на мир, из непостижимой *вершины*, на которую он сам самовластно поставил себя над миром. Сущность, например, та: «меня не могут оскорбить, потому что они мыши. Я виноват, и они это нашли, ну и пусть их, и дай им бог ума, хотя на время, потому что они так ничтожны, так ничтожны» (курсив наш – С.С.). Кстати, Васин в разговоре с Аркадием об отказе Версилова от наследства говорит о существовании «пьедестала» в этом поступке, и с этим мнением соглашается Аркадий: «Даже если тут и «пьедестал», то и тогда лучше, <...>, – пьедестал хоть и пьедестал, но сам по себе очень ценная вещь» [1].

В рукописных редакциях к роману фамилия *Версилов* заменяет фамилию *Брусилов*: «Он – промотавшийся барин хорошего рода (Брусилов)» [5]. Образованная от глагола, возможно, услышанного Ф.М. Достоевским в Старой Руссе, *брусить* (*брусить камень* арх. 'ломать, выламывать из горы в бруснях' [2]), фамилия удваивала семантику отчества, отмечающего «каменность» героя. Другое значение лексемы *брусить*, отмеченное в новгородских и московских говорах, – 'нести чепуху, городить нескладицу, бредить и врать' [2], синонимично глаголу, используемому южными говорами: *верзеть* (*верзти*) – 'врать, лгать, бредить, городить пустяки' [2], основу которого ошибочно считают производящей для существительного *верзила*, с которым, на наш взгляд, очевидна связь фамилии героя – Ф.М. Достоевский просто заменил звук *з* на *с*, тем самым уведя читателя от однозначной трактовки антропонима, который бы указывал только на внешние черты героя, тогда как наиболее важным для писателя было раскрытие его внутреннего состояния. Слово *верзила* встречается в тексте романа: Аркадий называет себя неопытным «двадцатилетним верзилой» [1]. Несмотря на замечание М.Фасмера о невозможности соотнесения слов *верх* и *верзила*, в народной этимологии эти слова объединены, поэтому *верзила* – это 'рослый, но неуклюжий человек; оглобля, верста, коломенская верста, долговязый, долгай, жердай' [2]. Кстати, про Версилова в романе сказано, что он «хорошего роста» [1].

Мотив камня-пьедестала связан и с именем Софьи Андреевны, матери Аркадия Долгорукого: на иконах София обычно изображается сидящей на престоле, а ноги ее поставлены на камень, что является указанием «на твердость опоры, непоколебимость» [10]. У Софьи Андреевны тоже есть опора – каменный муж – Андрей Петрович. Возвышение Софьи над Версиловым явлено в конце романа: «...мама часто и теперь садится подле него и тихим голосом, с тихой улыбкой, начинает с ним заговаривать иногда о самых отвлеченных вещах: теперь она вдруг как-то *осмелилась* перед ним, но как это случилось – не знаю» (курсив – Ф.М.Достоевский) [1].

В истории о купце Скотобойникове в романе «Подросток» упоминается учитель *Петр Степанович*, который изобразил мальчика на картине. Значение двучастного антропонима *Петр Степанович* – 'каменный венок': *Петр* – из греч. *петрос* – 'камень'; *Степан* – из греч. *Стефанос*: *стефанос* 'венки, венец, корона, диадема' [9].

Ум учителя характеризуется каменной твердостью: «ума был великого и в науках тверд» [1]. Кроме того, имя мотивировано стремлением персонажа в каменный город: «А Петр Степанович словно из себя тогда вышел: «Я, говорит, теперь уже всё могу; мне, говорит, только в Санкт-Петербурге при дворе состоять» [1]. Неслучайным представляется убийство учителя городским жителем: *мещанин* – ‘горожанин низшего разряда’ [2], а город обычно представляет собой пространство, вымощенное камнем и обнесенное камнем, и на городских кладбищах обычны каменные надгробия. Картина, написанная Петром Степановичем, – это память, точнее, памятник. Его работа стала каменным венцом, памятником для мальчика. Возможна связь имени учителя мальчика с именем апостола Петра, стоящего на вратах в рай, поэтому противится Петр Степанович идее изобразить на картине ангелов, встречающих мальчика, совершившего грех самоубийства.

Другой Петр Степанович изображен Ф.М. Достоевским в романе «Бесы» – Петр Степанович Верховенский, знакомство с которым для многих заканчивается «каменным венцом», то есть могилой. Интересно, что значение трехчастного антропонима данного героя перекликается с мотивом камня как нависшей угрозы: в фамилии скрыто существительное *верх*. Именно о камне, нависшем над человеком, рассказывает Кириллов хроникеру (см. выше).

Антропоним *Варвара Петровна* также связан с мотивом камня. Имя *Варвара* – ‘чужеземная’ соотносится со словом *варвар* (др.-греч. βάρβαρος – чужеземец), которому синонимично слово *дикий*. Так *Варвара Петровна* – ‘дикий камень’ – «дикарь, валун, булыжник, гранит; местами песчаник, известняк» – камень, легко поддающийся обработке, непрочный и ломкий. Так, в романе Варвара Петровна предстает довольно властной женщиной, желающей подчинить себе не только близких, но и всех жителей Скворечников, но в то же время она подвержена влиянию времени, достаточно легко меняет свои взгляды в соответствии с модными тенденциями, о чем пишет в статье 1879 года Е.Л. Марков: «Она вдова, очень богатая, сама, с твердостью мужчины, ведет свои дела; она аристократка по убеждениям и привычкам, но когда заметила, что новое время требует новых взглядов, новых приемов, то без колебания решается стать даже представительницей нового времени, опять-таки под условием владычества и первенства.

Владычество не удастся ей в этой среде, новые взгляды полны непочтительности и беспорядка, и она величественно отступает назад, в более сподручный и менее стеснительный для нее мир эстетических идеалов...» [7].

Нужно отметить нарочитую целостность трехчастного антропонима героини «Бесов»: ее фамилия *Ставрогина*, по мнению ряда исследователей, традиционно рассматривающих данный оним при характеристике образа ее сына, восходит к *σταυρός* – ‘крест’. Кстати, первоначально *σταυρός* означало ‘столб, кол’, в том числе и как орудие казни. Таким образом, в имени генеральши Ставрогиной камень и смерть становятся понятиями одного ряда, отсылая нас к кресту, на котором был распят Иисус Христос, и к пещере, где он был похоронен, вход в которую был закрыт большим камнем.

Кроме того, семантика имени генеральши Варвары Петровны перекликается с местом в *Ставрогинском* парке (курсив наш – С.С.), где происходит убийство Шатова: «Это было очень мрачное место, в конце огромного Ставрогинского парка. <...> Неизвестно для чего и когда, в незапамятное время, устроен был тут из диких

нетесанных камней какой-то довольно смешной грот» [1]. Камни, которые привязывают к телу Шатова принесены из этого грота: «Толкаченко и Эркель, опомнившись, побежали и мигом принесли из грота еще с утра запасенные ими там два камня, каждый фунтов по двадцати весу, уже приготовленные, то есть крепко и прочно обвязанные веревками» [1].

По мнению Л.В. Карасева, «Раскольников и его идея придавлены *камнем*: в «могилке» на Вознесенском проспекте лежат тлеющие деньги, на Раскольникова давит камнем ощущение вины. Следователи, с которыми встречается Раскольников, имеют каменные имена: Илья Петрович и Порфирий Петрович. Последний на протяжении всего романа давит на Раскольникова, наперед зная, что из-под гнета совести Раскольникову все равно не выбраться (помимо бросающейся в глаза «порфиры», имя «Порфирий» соотносимо и с «порфиритом» – твердой горной породы из рода базальтов)» [3].

В романе «Преступление и наказание» есть еще герой с «каменным» именем, которое дополнительно дублируется отчеством, приобретая негативный оттенок, – Петр Петрович Лужин. Показательно, что Петр Петрович приезжает в Петербург, в город, название которого перекликается с его именем и отчеством: «камни в луже» – Петр Петрович Лужин становится олицетворением каменного Петербурга, заложенного на болоте. Построенный из камня Петербург противопоставлялся всем другим городам России, так как существовал запрет Петра Первого 1714 года на «всякое каменное строение, какого бы имени оно ни было, под разорением всего имения и ссылкой» где бы то ни было, кроме Петербурга, являющегося у Ф.М. Достоевского воплощением столичного хронотопа, противопоставляемого у писателя хронотопу провинциального города, ярко представленному Скотопригоньевском в романе «Братья Карамазовы» [8].

В очередной раз в имени персонажа – Петра Петровича Лужина – реализуется Ф.М. Достоевским мотив камня как нависшей угрозы, в данном случае угрозы Дуне Раскольниковой, которая собралась связать свою жизнь с Лужиным, мечтающим, что из-за своей бедности «такое-то существо будет рабски благодарно ему всю жизнь за его подвиг и благоговейно уничтожится перед ним, а он-то будет безгранично и всецело владычествовать» [1]. Кстати говоря, в случае с Дуней и Петром Петровичем реализуется еще одно символическое значение камня: камень – это предмет для поклонения, ведь уже со времен неолита камень приобретает черты идола, которые впоследствии и будут изготавливаться из камня.

В «Записках из Мертвого дома» носителем фамилии с семантикой камня становится еврей Бумштейн: *Baum* – ‘дерево’ и *Stein* – ‘камень’ [1].

Как видим, введение в повествование персонажей с каменными именами является особым приемом у Ф.М. Достоевского. Символика камня у писателя многопланова. Герои, в антропоним которых входит имя *Петр*, становятся олицетворением нависшей угрозы. Камни, являясь материалом могильных плит, отмечены мотивом смерти (достаточно вспомнить Илюшин камень в романе «Братья Карамазовы»). Камень – свидетель или даже участник убийства (привязанные к телу Шатова камни). Камень – истукан, поставленный на пьедестал, которому поклоняются, как Версикову в «Подростке». Камень – это идол, которым хочет стать Петр Петрович Лужин для Дуни Раскольниковой в случае женитьбы на ней. Камень – это, как верно заметил Л.В. Карасев, мраморная статуя, в которую превращается Настасья Филипповна после своей смерти от руки Рогожина [3]. Из камня построен Петербург, в который стремятся многие герои Ф.М. Достоевского, нареченные «каменными» именами. Что бы ни

выражал символ камня у писателя, очевидным становится пессимизм, который сопутствует мотиву камня, отсылая нас к притче о сеятеле, зерна которого, упав на *каменистую* почву быстро проросли, но также быстро и погибли. Но последний роман писателя вселяет надежду, начинаясь эпитафией из этой притчи: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ев. от Иоанна, глава XII, ст. 24).

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972-1988.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1995.
3. Карасев Л.В. О символах Достоевского // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 90-111.
4. Касаткина Т.А. Роман Ф.М.Достоевского «Подросток»: идея автора в повествовании героя // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. М.-Иркутск: Изд-во Иркутского государственного педагогического университета, 2003. С. 3-13.
5. Литературное наследство. Т. 77. М., 1965.
6. Лихачев Д.С. Достоевский в поисках реального и достоверного // Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1981. С. 53-72.
7. Марков Е.Л. Романист-психиатр. URL: http://az.lib.ru/m/markow_e_l/text_0010.shtml
8. Скуридина С.А. Провинциальный хронотоп в романе «Братья Карамазовы» // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Выпуск № 9, 2013 г. С. 84-93.
9. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. 528 с.
10. Флоренский П.А. Имена // Социологические исследования. 1990. № 4.

References

1. Dostoevsky F.M. Completed works in 30 vol. L.: 1972-1988.
2. Dal V.L. Explanatory dictionary of live Great Russian language: in 4 vol. M.; 1995.
3. Karasyov L.V. On symbols of Dostoevsky // Issues of philosophy. 1994. Vol. 10. P. 90–111.
4. Kasatkina T.A. The novel ‘Adolescent’ by F.M. Dostoevsky: author’s idea in hero’s narration // Three centuries of Russian literature. Actual research problrms. Vol. 3. M.-Irkutsk, 2003. P. 3-13.
5. Literary heritage, vol. 77. M., 1965.
6. Likhachev D.S. Dostoevsky in search of reality and validity // D.S. Likhachev. Literature – reality – literature. L., 1981. P. 53-72.
7. Markov E.L. Novel writer an psychiatrist. URL: http://az.lib.ru/m/markow_e_l/text_0010.shtml
8. Skuridina S.A. Provincial chronotop in the novel ‘The Karamazovs brothers’ // Scientific herald of Voronezh state university of architecture and civil engineering. Linguistics and cross-cultural communication. Vol. 9, 2013. P. 84-93.
9. Superanskaya A.V. The dictionary of Russian personal names. M., 1998. 528 p.

10. Florensky P.A. Names // Social studies. 1990. Vol. 4.

УДК 821.161.1

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный
университет
канд. филол. наук, асс. кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Попова Ю.С.
Россия, г. Воронеж,
тел. + 79202262368
e-mail: buka1621@rambler.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication,
PhD, assistant
Popova Y.S.
Russia, Voronezh,
+ 79202262368
e-mail: buka1621@rambler.ru*

Ю.С. Попова

**«БЕЗЛИКАЯ СИЛА ПОЛА» ИЛИ «ЛИК ЛЮБВИ»?
(ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «СЫН»)**

В статье рассматриваются онтологические основы творчества И.А. Бунина – любовь и смерть. Выявлены лейтмотивы, а также композиционные приемы, раскрывающие основную тему рассказа «Сын».

Ключевые слова: тема, любовь, смерть, проза, И.А. Бунин, лейтмотив, стиль.

Y.S. Popova

**«IMPERSONAL FORCE OF GENDER» OR «FACE OF LOVE»?
(LOVE AND DEATH IN THE I.A. BUNIN'S STORY «SON»)**

The article discusses the ontological foundations of creativity I.A. Bunin - love and death. Identified keynotes, as well as compositional methods, revealing the main theme of the story «The Son».

Keywords: theme, love, death, prose, I.A. Bunin, keynote, style.

Исследователями давно замечен особый интерес И.А. Бунина к коллизии «любовь и смерть» [4; 5; 6; 7; 8]. Любовь – это страсть, нет тихой любви. Она приводит человека на опасную черту, является в роковые минуты. Писатель отказывает ей в способности длиться – в семье, в браке, в буднях. Короткая, ослепительная вспышка приводит влюбленных к критической грани, за которой – гибель, самоубийство, небытие.

Герои И.А. Бунина, независимо от их индивидуальности, социального положения, живут в ожидании любви, ищут ее и, чаще всего, опаленные ею, гибнут. Эта тема заявлена в качестве главной в ряде произведений раннего периода творчества И.А. Бунина («Легкое дыханье», «При дороге», «Грамматика любви»), но в полной мере раскрылась в поздних произведениях.

В рассказе «Сын» (1916) возникает всепоглощающая роковая любовь, любовь-страсть, как ураган, налетающая на человека и с неизбежностью приводящая его к гибели. Форма произведения – внешне сдержанный, спокойный, строго фактический рассказ. Сознательно примененный художественный прием призван резче оттенить тему произведения – сила внезапно вспыхнувшей в сердце немолодой женщины страсти к юноше. Спокойная, объективная манера повествования сильнее подчеркивает и достоверность сообщаемых фактов и, по контрасту, глубокий внутренний драматизм рассказанного.

Подчеркнуть достоверность событий призваны и включенные в произведение «фактические документы» - строки из дневника юноши Эмиля, рассказ господина Маро (мужа героини), дополненный показаниями бонны, а также текст двух депеш, которые

представил Эмиль и которые были, как он показал, «будто бы отправлены ею на его имя в ответ на его письмо» [1; IV; с. 336]. Словно бы воспроизводя ход судебного заседания, автор прибавляет далее: «Но достоверность того, что эти депеши были посланы ею, конечно, не могла быть доказана» [1; IV; с. 336]. В том месте, где происходит роковое сближение госпожи Маро с Эмилем, И.А. Бунин отрешается на некоторое время от строгой фактичности, от иллюзии полной документированности рассказа. Здесь путем непосредственной авторской передачи раскрывается внутреннее состояние госпожи Маро накануне последней встречи с Эмилем. А далее снова вступает в свои права та же деловая, строго документированная манера повествования.

И.А. Бунин пронизывает все произведение мотивами, создающими у читателя ощущение трагичности происходящего, предсказывающими горестный финал рассказа. Таков, прежде всего, мотив смерти, начинающий звучать буквально с начальных абзацев произведения.

Уже первое появление Эмиля и его знакомство с госпожой Маро проходит под знаком смерти – умирает только что обрученная сестра Эмиля: «В мае 89 года Элиза готовилась к венцу, но, вдруг заболев, умерла. Эмиль, дотоле никогда не бывший в Константине, приехал на похороны. Легко понять, как тронула госпожу Маро эта смерть, смерть девушки, уже примерявшей венчальную фату; известно и то, как просто устанавливается при таких обстоятельствах близость между людьми, даже едва узнавшими друг друга» [1; IV; с. 331]. Тема смерти звучит и в стихах, которые читает Эмиль, посещая дом Маро. Наконец, и в любовное признание Эмиля неожиданно вторгается смерть: «Он подошел к окну, в которое продольными полосками проникал снаружи вечерний свет, и, глядя ей прямо в лицо, сказал: Нынче день смерти моего отца. Я люблю вас!» [1; IV; с. 336].

Смерть властно врывается и в мысли госпожи Маро накануне появления Эмиля и сближения с ним: «Она опять стала думать о Тунисе – и вспомнила то странное, что было там с нею, тот сладкий страх и то блаженное безволие как бы предсмертных минут...» [1; IV; с. 336].

Так постепенно создает автор тот эмоциональный тон, который подготавливает читателя к финалу произведения – решению влюбленных уйти из жизни после того, как произошло их сближение.

В рассказе изменения в жизни героини - госпожи Маро автор соотносит с изменениями в природном мире. Каждому новому этапу соответствует определенное время года и состояние природы. Рассказ начинается весной, в марте: «...дни стояли тихие, прохладные, море серебристыми зеркалами терялось в туманных весенних даях, новобрачные не сходили с палубы» [1; IV; с. 328]. Этот период соответствует молодости героини, когда она была полна жизни, менее подвержена влиянию внешней среды: «...тогда даже в туфельках ее было очарование молодости...» [1; IV; с.330].

Со временем ее жизнь все больше стала подчиняться условностям, правилам приличия, заложницей которых она становится: «...теперь и у нее в волосах серебрилось, тоньше, золотистее стала кожа, похудели руки, и в уходе за ними, в прическе, в белье, в одежде уже проявляла она какую-то излишнюю опрятность» [1; IV; с.330]. Автор использует определение «излишняя», чтобы подчеркнуть неестественность ее существования, как будто она проживает не свою внутреннюю жизнь. Теперь она не живет, а существует. Рутинный быт заменяет радости жизни. Этот этап совпадает с иссушающим зноем, который постепенно лишает сил и героиню: «...окна семейных покоев, тенистых и прохладных, смотрели в сад, - там, в вечном зное и блеске, дремали вековые эвкалипты, сикоморы, пальмы, обнесенные высокими стенами» [1; IV; с.332], «...меж тем как горячий ветер широко входил из сада в открытые окна. Константина, затворившая все свои ставни и нещадно палимая солнцем, казалась в эти часы мертвым городом...» [1; IV; с.333].

После встречи г-жи Маро с Эмилем (которая произошла «в мае 89 года»: «осень того года была в Константине холодна и дождлива. Потом, как всегда это бывает в Алжирии, сразу наступила восхитительная весна. И к г-же Маро снова стало

возвращаться оживление, тот блаженный хмель, который испытывают в пору весеннего расцвета люди, уже пережившие молодость» [1; IV; с.333]) вновь происходит ее оживление. Переменился уклад ее жизни, ее поведение, внешний облик: «...и, может быть, благодаря именно ему, легче и быстрее стала походка г-жи Маро, чуть-чуть наряднее ее туалеты, ласковей и насмешливей оттенки ее голоса...» [1; IV; с.332]. В ней вновь проснулась та молодая женщина, которой она была во время первых лет замужества. Автор подчеркивает близость г-жи Маро и девятнадцатилетнего Эмиля не столько как близость мужчины и женщины, а как возвращение героини в молодость, возвращение ее вкуса к жизни.

Но время не обманешь, и дни, прожитые в настоящем, сократили ее жизнь в будущем. Теперь она стала загадочной и женственной: «а бонна прибавляла, что, выезжая в эту осень, г-жа Маро непременно надевала белую густую вуаль, чего прежде не делала, что, возвратясь домой, она тотчас поднимала вуаль перед зеркалом и пристально разглядывала свое усталое лицо» [1; IV; с.335].

Семнадцатого января происходит развязка событий. Г-жа Маро прожила свой очередной жизненный цикл, следующей оживляющей весны для нее уже не будет. В свой последний день она вновь вспоминает свою счастливую весну: «и смутными, прекрасными видениями стали представляться ей картины Италии, Сицилии, картины той далекой весны, когда плыла она в каюте с окнами на палубу, на холодное серебристое море...» [1; IV; с.335]. Вновь прохлада и расслабляюще-прекрасные цвета. Героиня настолько ушла в этот мир, что полностью отключилась от реальности и потеряла сознание.

В ходе сюжетного повествования время тормозит перед неотвратимым. Героиня прожила свое время, которое для нее ускорилося после встречи с Эмилем. Г-жа Маро так увлекает героя, что он следует за ней, как замороженный: «Я следовал за ней с тем помутнением всех чувств, с которым раздетый человек идет в знойный день в море, - слыша только шелест ее шелковых юбок. Наконец мы пришли; она сбросила мантилью и стала развязывать ленты шляпы. Руки ее дрожали, и я еще раз заметил сквозь сумрак что-то очень жалкое в ее лице...» [1; IV; с.339]. Несмотря на то, что время года – зима, герой ощущает себя, словно в пустыне и хочет окунуться в море, чтобы погасить жар (образ моря неоднократно встречается в этом рассказе, он связан с молодостью героини). Этот накал страстей разрушает героев: его жизнь уже никогда не будет прежней, она выпивает чашу своей жизни до дна жадными глотками.

В сущности, рассказ о зарождении и развитии любви госпожи Маро к Эмилю – это история болезни, которая неожиданно поражает здоровую до того душу женщины. Если, повествуя о том, какой она была до встречи со своим возлюбленным, автор отмечает: «В характере ее не проявлялось ни повышенной чувствительности, ни излишней нервности» [2; IV; с.330], то затем устами мужа погибшей он так передает происходившую в ней перемену: «Она слабела, делалась все молчаливее и мягче характером. Я не сомневаюсь, что какой-то странный и непонятный недуг овладел ее душой и телом!» [1; IV; с.331].

Нельзя не согласиться с Ю.Мальцевым, который видит в бунинской любви не «эрос», а «пафос», который захватывает все существо. Катастрофичность любви вытекает из самого ее характера. Это разрыв с буднями жизни и выход в совершенно иное измерение. Это и падение в бездну и одновременно – к самому средоточию «живой жизни» [3; с.184], к бессмертию, сконцентрированному в одном мгновении любви. Такое состояние экстаза, граничащего с безумием, несовместимо с обычным течением жизни, несовместимо с условиями земного существования и, следовательно, у любви не может быть счастливого житейского конца. Поэтому добропорядочная и вполне счастливая в своей семейной жизни госпожа Маро, захваченная вдруг любовью-страстью («пафос») к юноше Эмилю, естественным концом их любовного свидания видит самоубийство: «Как? – сказала она с изумлением, почти строго. – Неужели ты думал, что я... что мы можем жить после этого?» [1; IV; с.333]. «После этого», после

опыта неземного – возврат к будням оказался для них немислим. И такие человеческие установления, как мораль, культура, эстетика, в том числе семейные узы госпожи Маро, поэзия Эмиля оказываются пустыми и легко отбрасываемыми прочь при столкновении с неистовой и слепой природной силой любви.

Рассказ целен по своему настроению, несмотря на то, что отдельные эпизоды его связаны с различными временами года, в нем безраздельно господствует настроение ранней осени с медленно и нежарко греющим солнцем, с чуткой хрустальной тишиной, с тонкой печалью, разлитой в воздухе. Такой осенний колорит как нельзя лучше соответствует характеру героини, еще привлекательной, но стареющей женщины.

«Неземной опыт любви в жизни человека сродни лишь опыту смерти – И.А. Бунин часто показывает его «жутким», и напротив, смертельную истому – «сладкой». Жутко-сладкая тайна любви и смерти в равной степени ведет человека к утрате своей индивидуальности и возвращает его к роду» [3; с.220]. Парадокс любви заключается в том, что человек видит в ней свое высшее счастье, тогда как на самом деле он в этом акте является лишь орудием слепой и безличной силы рода (как в рассказе «Митина любовь», где, по словам Ф.Степуна, «безлика сила рода торжествует над ликом любви» [2; с.738].

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собрание сочинений в девяти томах. М.: Художественная литература, 1966. Том 4. С. 336.
2. И.А. Бунин: pro et contra: личность и творчество И. Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология / сост. и ред. Б.В. Аверин, Д. Риникер, К.В. Степанов. СПб.: РХГИ, 2001. 1061с.
3. Мальцев Ю.В. Иван Бунин. М.: Посев, 1994. 432с.
4. Сливницкая О.В. Повышенное чувство жизни: Мир Ивана Бунина. М.: Просвещение, 2004. 270с.
5. Смирнова Л.А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество. М.: РГГУ, 1991. 191с.
6. Спивак Р.С. Грозный космос Бунина // Литературное обозрение. 1995. №3. С.35-39.
7. Степун Ф. Иван Бунин // Встречи. М.: Аграф, 1998. 256с.
8. Чович Б. Мотив инстинкт смерти у Иво Андрича и Ивана Бунина // Славяноведение. 1995. №1. С.61-68.

References

1. Bunin I.A. Collected works in nine volumes. M.: Fiction, 1966. Vol. 4. P. 336..
2. I.A. Bunin: pro et contra: the person and I. Bunina's creativity in an estimation of Russian and foreign thinkers and researchers: the Anthology / comp. and edit. B.V. Averin, D. Riniker, K.V. Stepanov. Spb.: RGHI, 2001. 1061p.
3. Maltsev Y.V. Ivan Bunin M.: Crop, 1994. 432 p.
4. Slivitskaya O.V. Heightened sense of life: Ivan Bunin Peace. M. : Education, 2004 270 p.
5. Smirnova L.A. Ivan Bunin: Life and Work. M.: RGGU, 1991 191p.
6. Spivak R.S. Terrible Bunin space // Literary Review. 1995. №3. P.35-39.
7. Stepun F. Ivan Bunin / Meeting. M.: Agraf, 1998 256p.
8. Chovich B. Theme death instinct in Ivo Andrich and Ivan Bunin // Slavic. 1995. №1. P.61-68.

УДК 882

*Воронежский государственный университет
Аспирант кафедры русской литературы 20
и 21 века, теории литературы и фольклора
Новикова М.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. 8 (919) 246-61-11
e-mail: marisha-rus@ yadex.ru*

*Voronezh state University
Postgraduate student of the
Department of Russian literature of
20and the 21st century, theory of
literature and folklore
Novikova M.V.
Russia, Voronezh,
8 (919) 246-61-11
e-mail: marisha-rus@ yadex.ru*

М.В. Новикова

МОТИВ ИГРЫ В СБОРНИКЕ В. ШЕРШЕНЕВИЧА «ЛОШАДЬ КАК ЛОШАДЬ»

В статье рассматривается игровая поэтика сборника В. Шершеневича. Прослеживается трансформация мотива игры на протяжении всего сборника.

Ключевые слова: имажинизм, игра, поэтика, арлекин.

M.V. Novikova

THE MOTIVE OF THE GAME IN THE SHERSHENEVICH'S «HORSE AS A HORSE».

The article discusses on game poetics in Shershenevich's works collection. The transformation of the motive of the game throughout the book is investigated.

Keywords: imagism, game, poetics, harlequin.

В. Шершеневич в своей книге «2*2=5» писал: «Имажинизм таит в себе зарождение нового, внеклассового, общечеловеческого идеализма арлекинадного порядка». [3; с. 47] Иначе говоря «арлекинада» – это «игра». И отсюда возникает вопрос, какой смысл поэт вкладывал в термин игра? И могут ли быть у игры какие-либо задачи, кроме самой игры? Может ли она быть вполне самодостаточна? Поэт в данной книге изложил краткие теории имажинизма, но так и не дал развернутого ответа на эти вопросы.

Однако вскоре, В. Шершеневич выпустит сборник стихов с эпатажным названием «Лошадь как лошадь», в котором, он воплотил свои имажинистские идеи на практике, тем самым дав дополнительную возможность публике глубже понять его взгляды на имажинизм. Игровая форма представляется поэтом уже в самом графическом оформлении стихов – все стихотворения выровнены по правому краю, нумерация страниц отсутствует. Интересно и то, что В. Шершеневич каждое стихотворение снабжает наукообразным заголовком, но при прочтении стихотворения становится понятно, что далеко не всегда название отражает содержание. Порой эта связь сохраняется лишь на ассоциативном уровне. Как отмечает Е. Иванова: «Создается ощущение, что перед нами не список названий стихотворений, а названия разделов учебника по поэтике. Действительно,

приведенные выше названия кратко выражают основные постулаты теории имажинизма, дополняя некоторые моменты, не вполне проясненные в теоретических работах мэтра имажинизма»[1]

Итак, если мы обратимся непосредственно к стихотворениям, то увидим, что почти каждое из них заключает в себе мотив игры, выраженный через различные образы.

Стихотворение «Принцип басни», которое открывает сборник, заключает в себе мотив шутовства, иронии. В. Шершеневич выстраивает стихотворение по принципу уподобления, что дает возможность объединить два разноплановых явления. Читающая публика становится подобна воробьям, а сам поэт и его творчество опорожняющейся лошади:

И чу! Воробьев канители полет
Чириканием в воздухе машется.
И клювами роют теплый помет,
Чтоб зернышки выбрать из кашицы...[4].
Далее мы видим комическое сравнение:
Эй, люди! Двухногие воробьи,
Что несутся с чириканием, с плачами,
Чтоб порываться в моих строках о любви.
Как глядеть мне на вас по-иному?! [4].

Как отмечает исследователь Т.А. Тернова в своей книге « Феномен маргинальности в литературе русского авангарда: имажинизм»: « Эпизод приобретает нарочито карнавальный характер, когда высокое и низкое меняются местами» [2; с. 53]. Здесь содержание для поэта уходит на второй план главное это образ и новое конструктивное построение, игра ради игры. Стоит заметить, что в дальнейшем ассоциативная связь воробьи – люди развивается и воплощается поэтом и в других стихотворениях:

Май идет краснощекий, превесело празднуя
Воробьиною сплетней распертый простор...
(Сердце – частушка молитв) [4].

Или:
За окошком воробьиной канителью веселой
Сорваны лохмотья последних снегов...
(Принцип краткого политематизма) [4].

Сохраняется легкость и игривость, данный образ выделяется из поэтических текстов и может быть воспринят читателем как индивидуально-авторский художественный прием.

Стоит обратить внимание на то, что стихотворения данного сборника, имеют достаточно узкий круг сквозных тем. Игровой мотив отчетливо проявляет себя в темах, так или иначе связанных с религией.

В. Шершеневич в шутовой, комической форме вводит образ Христа.
Так происходит в стихотворении « Сердце – частушка молитв»:
Если верю во что - в шерстяные материи,
Если знаю – не больше, чем знал Христос. [4].

Поэт указывает на подчеркнутое сходство своего лирического героя и Христа, тем самым принижая божественную сущность Иисуса. Интересны также следующие строки данного стихотворения:

Мое имя попробуйте, в Библию всуньте-ка.

Жил, мол, эдакий комик святой...[4].

Желание попасть в Библию и упоминание святости лирического героя – это лишь игра поэта. Как отмечает Т.А. Тернова: «Такой прием является прямой реализацией имажинистских позиций, согласно которым Библия предстает не более как текст в ряду других текстов, ровно являющихся источниками цитат, материалом для поэтического пересотворения».[2; с. 53]. Герой не стремится к самопожертвованию, напротив, он жаждет плотской любви и насмехается над великим. С подобным мы встречаемся и в стихотворении «Принцип проволок аналогии»:

Ах! Этот жуткий миг придуман Богом гневным,

Его он пережил воскресною порой,

Когда насквозь вспотев в хотеньи шестидневном

Он землю томную увидел пред собой... [4].

Здесь мы видим, как поэт путем сравнения разноположенного ряда объектов приводит их к единой мысли. Сначала мы сталкиваемся с описанием процесса интимной связи, затем с процессом написания поэтом стихотворения и в конце с библейской историей о божественном сотворении земли. Некая градация, которая дает понять, что поэт намеренно объединяет описание всех этих действий в стихотворении, тем самым реализуя игровой момент. И снова божественное принижается, эпатирует читателя.

Если обратится к стихотворению «Принцип академизма», то мы снова увидим, как легко поэт меняет полярность, возвышая своего лирического героя и опуская Бога:

Но смирись, одинокий в холодном жилище,

И не плачь по ночам, убеленный тоской,

Не завидуй Господь, мне, грустящий и нищий,

Но во царстве любовниц себя успокой! [4].

Но далеко не всегда у В. Шершеневича получается реализовать поэтическую теорию имажинизма. Так, из-за маски шута порой пробивается одинокий, отчаянно жаждущий любви поэт. Игровой мотив остается, но воплощается он уже не через комическое снижение Божественного образа, а через сопоставление страданий Христа и страданий лирического героя. Так происходит в стихотворении «Композиционное соподчинение»:

И вновь на Голгофу мучительных слов

Уводили меня под смешки молодежи.

И опять как Христа измотавшийся взгляд,

Мое сердце пытлиное жаждет, икая.

И у тачки событий, и рифмой звенят

Капли крови на камни из сердца стекая...[4].

Герой ищет любви, родную душу, которая способна услышать и понять его. Он раскаивается и готов нести кару за «сладкие язвы грехов» лишь бы не оставаться в одиночестве. Не случайна здесь и отсылка к Н.В. Гоголю, все это напоминает современный романтизм, описывающий одинокого чуждого обществу героя.

В стихотворении «Принцип развернутой аналогии» мы снова видим героя несчастного и страдающего. И хотя здесь вновь присутствует момент игры (кошка с мышкой), это уже не кажется комичным. А параллель лирический герой – Христос трансформируется. На этот раз они не равны, поэт подвергается Господней каре, так же как несчастная мышь, попадающая в лапы кота:

Как тебя понимаю, скучающий Господи чистый,
Что так часто врагам предавал, как мышонка меня!.. [4].

Нет столь резкого снижения божественного образа, хоть В. Шершеневич и наделяет Господа эпитетом «скучающий», но все же он находится над поэтом и отсюда эпитет «чистый» в противовес лирическому герою. И снова возникает отсылка к романтизму – образ Офелии.

В стихотворении «Усеченная грамматика» мы видим уже совсем другого героя, который обращается с мольбой к Господу:

Любовь! Отмерла,
Отмерла
Ты, а кроме –
Только выслез и бред вчера...
Господь! не соблазняй меня новой страстью,
Но навек отучи от курения!!! [4].

Мотив курения это – метафорически завуалированная потребность писателя в любви. Несмотря на игровую подмену понятий, смысл остается ясен. Боль от потери любимой настолько сильная, что лирический герой боится испытать что-то подобное вновь.

В большинстве стихотворений поэта, мы видим, что за иронией и шутовством стоит одинокий, непонятый лирический герой. Важно отметить, что В. Шершеневич не делает различия между своим героем и собой. Так в стихотворении «Квартет тем», мы видим, как поэт играет, надевая множество масок:

Многие научились говорить о Вадиме Шершеневиче,
Некоторые ладонь о ладонь с Вадимом Габриэлевичем,
Несколько знают походку губ Димы,
Но никто не знает меня. [4].

Но ни одна из примеренных масок, на этом маскараде жизни не способна передать его настоящего Я.

Апологетом чувств поэта является стихотворение «Последнее слово обвиняемого»:

Говорят, что когда-то заезжий фигляр,
Фокусник уличный, в церковь зайдя освященную,
Захотел словами жарче угля
Помолиться, упав перед Мадонною...
Но молитвам не был обучен шутник...
Точно так же и я... Мне до рези в желудке противно

Писать, что кружится земля и поет, как комар.

Нет, уж лучше перед вами шариком сердца наивно

Будет молиться влюбленный фигляр. [4].

Поэт ищет правильный путь выражения своих любовных, эстетических, философских мыслей. Это стихотворение – синтез всех чувств поэта. Он ищет свой, индивидуальный путь, пытаюсь остаться верным себе, пусть даже сквозь боль и непонимание. Исследователь Е. Иванова пишет: « В книге «Лошадь как лошадь» мотив шута, арлекина, клоуна не несет в себе структурообразующего начала. В лирике В. Шершеневича 1917-1919 годов утрачивается характерная для его раннего творчества связь арлекинадного начала и творчества. Можно сказать, что образ лирического героя смягчается, романтизируется. Арлекин превращается во «влюбленного фигляра» [1]. Это действительно так, если сборник начинается стихотворением «Принцип басни», полностью подчиненным выдвинутой имажинистской теории поэта, то последнее стихотворение показывает, что сквозь формалистический эксперимент, проглядывает лицо живого, одинокого, страдающего человека. Мотив игры начинает проявляться не только ради самой игры, но ради того чтобы показать подлинные чувства и эмоции, закодированные художественными метафорами. Игра, шутовство, клоунада эпатируют публику, и в тоже время за ними поэт прячет настоящие чувства и эмоции. Таким образом, можно сделать вывод, что те теоретические идеи, которые В. Шершеневич изложил в книге «2*2=5», не смогли в полной мере реализоваться на практике. Образ мыслей поэта эволюционировал в сторону личностной включенности и исповедальности.

Библиографический список

1. Иванова Е. Есенин и поэзия России XX – XXI веков: традиции и новаторство. Москва – Рязань – Константиново: РГПУ, 2004. С. 98-106.
2. Тернова Т.А. Феномен маргинальности в литературе русского авангарда: имажинизм: монография. Воронеж: « Наука–Юнипресс», 2011.
3. Шершеневич В.Г. Листы имажиниста: Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд., 1997.
4. Шершеневич В. Лошадь как лошадь. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/shershenewich_w_g/text_0010.shtml.

References

1. Ivanova E. Esenin and Russian poetry of XX – XXI century: traditions and innovations. Moscow – Ryazan – Konstantinovo: RSPU, 2004. P. 98-106.
2. Ternova T.A. rear axle suspension the Phenomenon of marginality in the literature of Russian avant-garde: imaginism: monograph. Voronezh: «Science-Unipress», 2011.
3. Shershenevitch V.G. The imagist's leaves: Lyrics. Poems. Theoretical works. Yaroslavl : the upper Volga ed., 1997.
4. Shershenevitch V. The horse as a horse. URL: http://az.lib.ru/s/shershenewich_w_g/text_0010.shtml.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

УДК 808.2

*Воронежский государственный
университет
канд. филол. наук, доцент кафедры
французской филологии
Козюра Т. Н.
тел.: 8 950 7692850
e-mail:laverdure@mail.ru*

*Voronezh State University
PhD, associate professor of the
Department of French Philology
Kozura T. N.
8 950 7692850
e-mail:laverdure@mail.ru*

Т.Н. Козюра

ГЛАГОЛЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗАЛОГОВЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Данная статья посвящена описанию семантико-структурного устройства и функционирования синтаксических конструкций с глаголами лексико-семантической группы зрительного восприятия в рамках семантико-функционального поля залоговости в русском и французском языках.

Ключевые слова: залог, глагол, зрительное восприятие, субъект, объект.

T.N. Cozura

VERBS OF VISUAL PERCEPTION IN GRAMMATICAL VOICE CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN AND FRENCH

This article deals with syntactic constructions belonging to a lexic-semantic group of visual perception in Russian and French languages. The analysis focuses on the semantic structure of these sentences in terms of the grammatical voice.

Keywords: voice, verb, visual perception, subject, object.

В познавательных процессах важную роль играют разные формы восприятия, но большая часть ментально обрабатываемой информации поступает к человеку через зрительное и слуховое восприятие. Складывающаяся при этом зрительная картина мира доминирует в сознании человека над всеми остальными формами восприятия. Восприятие широко отражается в языковом пространстве. Приведем в этой связи следующее высказывание А.В. Бондарко: «Говоря о перцептивности, мы имеем в виду языковую и речевую интерпретацию восприятия явлений внешнего мира с точки зрения перцептора. Речь идет прежде всего о наблюдаемости (учитывается и акустическое восприятие, а также ощущение)» [2; с. 23].

Е.С. Кубрякова, ссылаясь на предшествующую европейскую культурологическую традицию, ведущую начало от философии Аристотеля, подчеркивает доминирующую роль зрительного восприятия в обыденном сознании человека. Концепт «Зрительное восприятие» является ключевым в понимании человеком внеязыковой действительности, что, естественно, сказывается на языке. Языковые средства, обозначающие процессы зрительного восприятия, часто употребляются носителями

языка наряду с языковыми средствами, называемыми познавательные процессы [6; с. 5]. В когнитивной лингвистике были поставлены вопросы о том, какой, судя по языковым данным, человек видит окружающую его действительность, в каком виде она отражается в его голове.

Ситуации зрительного восприятия выражаются в разноструктурных языках предложениями с типовым значением «отношение между двумя субстанциями». Их инвариантная семантическая структура может быть представлена формулой «субъект – действие – объект», а вариант семантической структуры – «субъект – зрительное восприятие – объект» [5; с. 63-115].

Данный вариант семантической структуры представлен в русском и французском языках двуклассными вербальными предложениями различных семантико-структурных типов.

Чтобы охарактеризовать субъектно-объектные конструкции, выражающие ситуации зрительного восприятия, рассмотрим употребление конструкций разных типов в текстах русской и французской художественной литературы с точки зрения семантико-функционального поля (СФП) залоговости

В русском языке можно выделить конструкции следующего типа:

А. Предложения с невозвратными глаголами

1. Личные активные предложения;

Когда, под мышкой неся щетку и рапиру, спутники проходили подворотню, Маргарита заметила томящегося в ней человека (Булгаков);

2. Личные конструкции с грамматически активным объектом зрительного восприятия. Пассивный субъект восприятия в данных предложениях не выражен грамматически, но его существование как реципиента подразумевается на семантическом уровне, т.е. он выступает как неопределенный или обобщенный:

*Костюм был при галстуке, из кармашка костюма торчало самопишущее перо, но над воротником не было ни шеи, ни головы, равно как из манжет не **выглядывали** кисти рук (Булгаков).*

3. Активные конструкции с невозвратными глаголами в сочетании с лексическими средствами, передающие взаимно-возвратное значение:

*На лестнице они **взглянули друг на друга** и тотчас вспомнили хоккейную игру (Набоков).*

4. Активные конструкции с невозвратными глаголами в сочетании с лексическими средствами, передающие собственно-возвратное значение:

*Она **посмотрела на себя** в зеркало (Набоков);*

5. Личные пассивные конструкции с краткой формой страдательного причастия:

Предложения с определенным субъектом:

*На кладбище вечер, но белый ангел – он рядом – хорошо **виден мне**, сидящему с аккордеоном три четверти (Соколов).*

Предложения с неопределенным (обобщенным) субъектом:

*При этом лицо его было неподвижно и сосредоточенно, даже особой злобы **не было заметно** на нем (Домбровский).*

6. Безличные пассивные конструкции с грамматически активным объектом и определенным или неопределенным (обобщенным) пассивным субъектом:

Предложение с определенным субъектом:

*Спасибо, **мне так отлично видно** (Набоков).*

Предложения с неопределенным (обобщенным) субъектом:

*При красном свете **было видно** несколько больших черных шпал, положенных одна на другую поперек дороги (Домбровский).*

7. Неопределенно-личные конструкции с активным субъектом зрительного восприятия:

*Было сказано, что в ней открывали окна изнутри, что доносились из нее звуки пианино и пения и что в окне **видели** сидящего на подоконнике и греющегося на солнце черного кота (Булгаков).*

Итак, среди предложений с невозвратными глагольными формами можно выделить конструкции с разным распределением семантической и грамматической активности между субъектом и объектом: конструкции с активным семантическим субъектом: 1, 3, 4, 7; конструкции с активным семантическим объектом: 2, 3, 4, 5, 6.

Б. Предложения с возвратными глаголами ЗВ

1. Собственно-возвратное значение:

*Она сняла шляпу, **посмотрелась** в зеркало (Набоков);*

2. Взаимно-возвратное значение: два взаимодействующих субъекта осуществляют восприятие, одновременно являясь его объектами:

*Да, мы **увидимся** очень скоро (Булгаков).*

3. Пассивно-возвратное восприятие, при котором активный объект, занимающий позицию подлежащего, оказывает действие на пассивный субъект:

*В ту ночь и сон мне **приснился** особенный (Ремизов).*

4. Предложения с возвратными глаголами, обозначающими появление объекта:

1) предложения, в которых объект характеризуется как обладающий способностью быть увиденным:

*И внезапно Ганину **померещилось** что-то смутно и жутко знакомое (Набоков).*

2) предложения, обозначающие вступление семантического объекта в зрительный процесс:

*Тотчас из-за одного из памятников **показался** черный плащ (Булгаков).*

5. Безличные конструкции:

*Да нет, милый, тебе **показалось** (Коваль).*

Таким образом, конструкции с возвратными глаголами в русском языке представляют следующее распределение активной роли между семантическими субъектом и объектом: конструкции с активным семантическим субъектом: 1, 2; конструкции с активным семантическим объектом: 3, 4, 5.

Итак, материал рассмотренных залоговых конструкций с глаголами ЛСГ зрительного восприятия в русском языке воспроизводит картину организации СФП залоговости, предложенную в [1; с. 5].

Во французском языке можно выделить следующие типы предложений:

А. С невозвратными глаголами

1. Личная активная конструкция:

*Nous **verrons** au moins la couleur de sa peinture (Zola); Laverdure **regarde** la bouteille de grenadine avec une convoitise mémorable (Queneau); Puis, attirant une chaise, s'asseyant devant la toile, il **détailla** le tableau: il s'enthousiasma peu à peu (Zola).*

2. Личные конструкции с грамматически активным объектом ЗВ:

*Elle **disparut** (Cocteau); <...> un étroit étalage, où il y avaient des tubes, des bâtons d'encre de Chine, des pinceaux, et où, de temps à autre, **paraissaient** des aquarelles d'Adèle <...> (Zola).*

3. Личные пассивные конструкции с определенным или неопределенным семантическим субъектом:

*Entre les tresses des nuages qui se dénouaient, les premières étoiles **sont apparues** (Butor).*

4. Неопределенно-личные конструкции:

*Des journées se passaient, sans qu'on **vît** un acheteur (Zola) ; **On distinguait** une grille*

et des pilastres (Cocteau).

5. Каузативные конструкции с вспомогательными глаголами *faire* и *laisser*, – так называемый фактитивный залог [3]:

L'un d'eux remplit un verre à mi-hauteur, l'élève dans sa main, vous le fait considérer (Butor).

Итак, во французских конструкциях с невозвратными глаголами ЗВ наблюдается следующее распределение активной роли между семантическими субъектом и объектом: конструкции с активным семантическим субъектом: 1, 4; конструкции с активным семантическим объектом: 2, 3, 5.

Б. Предложения с возвратными глаголами

1. Субъект осуществляет активное действие, подвергаясь ему сам (собственно-возвратное значение). Конструкции данного типа можно перевести эквивалентными грамматическими конструкциями русского языка, например:

Lorsqu'elle se regardait dans une glace, elle avait bien conscience de son infériorité, de sa taille épaisse et de son visage déjà plombé (Zola).

2. Взаимно-возвратное значение: два взаимодействующих субъекта осуществляют восприятие, одновременно являясь его объектами:

Nous nous verrons en tous cas demain soir, il y a un souper chez les Verdurin (Proust).

3. Пассивно-возвратное восприятие, при котором активный объект оказывает действие на пассивный субъект:

Et quand cela ne se voit pas sur leur visage (Butor); La veille, elle avait manœuvré de façon à ce que son père se trouvât à la boutique, lorsque Ferdinand s'était présenté (Zola).

4. Предложения с возвратными глаголами, обозначающими проявление признака:

1) предложения, в которых объект приобретает способность быть увиденным:

Voyez donc les blancs des chemises qui se détachent sur le vert... (Zola); Devant moi il n'y avait pas une ombre, chaque angle, toutes les courbes se dessinaient avec une pureté blaisante pour les yeux (Camus).

2) предложения, обозначающие вступление семантического объекта в зрительный процесс:

Il n'était pas question de vous présenter avec une barbe de vinght-quatre heures devant Mesdemoiselles Capdenac, Lambert et Perrin (Butor)

5. Каузативные конструкции с вспомогательными глаголами *faire* и *laisser* в возвратной форме: активный объект действует на пассивный субъект, наделяя его возможностью зрительно воспринимать этот объект:

Hector croit toujours qu'il va se faire reconnaître d'Eva (Anouilh); Je me demande comment vous ne vous faites pas remarquer (Anouilh).

Как показал анализ материала, конструкции с возвратными глаголами во французском языке демонстрируют следующее распределение активной роли между семантическими субъектом и объектом: конструкции с активным семантическим субъектом: 1, 2; конструкции с активным семантическим объектом: 3, 4, 5.

Из приведённых выше примеров видно, что среди конструкций с невозвратными и возвратными глаголами ЛСГ зрительного восприятия русского и французского языков наблюдается совпадение большинства моделей. Общей для обоих языков тенденцией в залоговой организации проанализированных предложений является отношение большинства конструкций к сфере пассивности субъекта и активности объекта.

Материал рассмотренных залоговых конструкций с глаголами ЛСГ зрительного восприятия в русском языке воспроизводит картину организации семантико-функционального поля залоговости:

- конструкции с невозвратными глаголами распределяются по принципу активность / пассивность, составляя часть ядра СФП залоговости;
- конструкции с возвратными глаголами, являясь частью периферийной зоны поля, также обнаруживают тенденцию выражать активность / пассивность семантических субъекта и объекта (в зависимости от типа конструкций).

Залоговые конструкции с невозвратными глаголами зрительного восприятия во французском языке, хотя и не являются точными эквивалентами русских, также распределяются по признаку активность / пассивность и составляют часть ядра СФП залоговости. Французские конструкции с возвратными глаголами, как и в русском языке, являясь периферийной зоной рассматриваемого СФП, обнаруживают тенденцию выражать активность / пассивность семантических субъекта и объекта. Это немаловажно учитывать, в частности, в практике перевод подобных конструкций с французского на русский язык и наоборот (подробнее см. [4]).

Библиографический список

1. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и возвратность // Вопросы языкознания. М., 1972. № 3. С. 20-35.
2. Бондарко А.В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб.: «Наука», 2003. С. 5-36.
3. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004. 862 с.
4. Козюра Т.Н. Перевод залоговых конструкций французского языка // Социокультурные проблемы перевода : сб. науч. тр., 2014. Вып. 11 / Воронежский государственный университет. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС. С. 188-193.
5. Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. 328 с.
6. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике. // Изв. РАН. Сер. Лит. и яз., 1999. Т. 58., № 6. С. 3-13.

References

1. Bondarko A.V. About the theory of the field in the grammar – voice and reflection // Questions of linguistics. M., 1972. № 3. P. 20-35.
2. Bondarko A.V. Invariants and prototypes in the functional grammar // Problems of Functional Grammar: A semantic invariance / variability. SPb.: «Nauka», 2003. P. 5-36.
3. Gak V.G. Theoretical grammar of the French language. M.: Dobrosvet, 2004. 862 p.
4. Koziura T.N. Translation of voice structures of the French language // Social and cultural problems of translation: Sa. scientific. Tr., 2014 Vol. 11 / Voronezh State University. Voronezh: SCIENCE Yunipress. P. 188-193.
5. Koprov V.Y. Semantic-functional syntax of the Russian language in comparison to English and Hungarian. Voronezh: Publisher O. Aleynikov, 2010. 328 p.
6. Kubryakova E.S. Semantics in cognitive linguistics. // Math. Russian Academy of Sciences. Ser. Lit. and lang., 1999. T. 58., № 6. P. 3-13.

УДК 811.112.2

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
канд. филол. наук, доц. кафедры немецкого языка
Департамента иностранных языков
Гайдукова Т.М.
Россия, г. Москва,
+7(495)772-95-90
e-mail: tgaydukova@hse.ru*

*National Research University Higher School of Economics
PhD, associate professor of the German language chair of the Department of foreign languages
Gaydukova T.M.
Russia, Moscow,
+7(495)772-95-90
e-mail: tgaydukova@hse.ru*

Т.М. Гайдукова

ОБОЗНАЧЕНИЯ ЦВЕТА ГЛАЗ ЧЕЛОВЕКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В статье представлено структурно-семантическое исследование цветообозначений глаз человека в немецком языке, основные тенденции их функционирования в произведениях немецких писателей разного времени. При выявлении значений данных цветоименований важную роль играет экстралингвистический контекст, способствующий пониманию соотношения между действительностью и языком.

Ключевые слова: цветообозначения, семантика, немецкий язык, экстралингвистика

T.M. Gaydukova

COLOUR NAMES OF HUMAN EYES IN THE WORKS OF GERMAN WRITERS

The article represents structure-semantic research of colour names of human eyes in the German language, basic trends of their functioning in the works of German writers of different periods. The extralinguistic context plays an important role in finding the meanings of these colour names and also contributes to understanding of the relation between the reality and the language.

Keywords: colour names, semantics, German, extralinguistics

Изучение языковых систем выражения цвета является одной из интересных и важных лингвистических проблем. Исследование цветообозначений особенно перспективно сейчас, когда появляются новые слова и словосочетания, которые не успевают попасть в издающиеся словари, ведь язык очень глубок и продуктивен. Следует признать, что цветоименования представляют собой открытое множество, но не все слова употребительны в равной степени. Нам представляется, что, выделив активный словарь наиболее употребительных слов, мы получим материал для выявления основных тенденций использования цветообозначений при назывании цвета глаз человека. Разработка и решение данной проблемы, направленной на изучение природы и закономерностей функционирования цветообозначений в указанной сфере, может способствовать более глубокому пониманию соотношения между действительностью, сознанием и языком.

Исследование того, как в словах отображается внеязыковая действительность, Д.Н. Шмелев считает основной задачей семасиологии. «Конечно, связи и взаимоотношения между явлениями действительности, которые обуславливают лексико-семантическую систему языка, являются внешними по отношению к самому языку. Но всякая знаковая система служит для обозначения как раз того, что находится за пределами данной системы, и значение знака раскрывается только вне данной системы» [11; с. 18]. При выявлении значений наименований цвета глаз человека необходимо опираться на экстралингвистический контекст, ситуацию, психологические, культурологические, социальные признаки, поскольку «нельзя проводить жёсткую границу между лингвистическим и экстралингвистическим, мир слов неотделим от мира вещей...» [2; с. 524; 7; с. 264-265].

В соответствии с экстралингвистической действительностью в немецком языке для характеристики цвета глаз используются типичные для человека пять основных, базовых цветообозначений: *blau, grün, grau, braun, schwarz*. Базовые цвета относительно абстрактны, на синхронном уровне они наименее мотивированы, характеризуются высокой употребительностью и выступают в качестве гиперонимов по отношению к неосновным цветам (оттенкам, тонам). Неосновные цвета являются мотивированными и при обозначении цвета глаз человека представлены следующими группами:

- цветообозначения со значением ослабления признака цвета за счёт соединения базовых цветообозначений с релаксаторами, которые служат для уточнения или образования различных оттенков цвета – *blausblau, hellgrün, hellbraun, hellgrau*:

...Frau Schmitz...Hohe Stirn, hohe Backenknochen, *blausblaue Augen*... Ein großflächiges, herbes, frauliches Gesicht [Schlink; S. 13-14];

- цвето- или светообозначения с функцией усиления насыщенности цвета – *dunkelblau, dunkelbraun, tiefdunkel*:

Ein bisher nicht gekanntes Gefühl durchrieselte ihn, als er das Kind seiner Frau hinüberreichte. Aus dem Steckkissen ragte nur der kleine Kopf mit den runden *dunkelbraunen Augen* und der winzigen Nase hervor [Bredel; S. 33];

- суммарные цветообозначения определительного типа, значение которых складывается из близких друг другу по световой гамме цветов, образующих новый цвет – *gelbbraun, graublau, grüngrau, graugrün, graugrünlich*:

Ihre gelbbraunen Augen lagen zu nahe beieinander und zuckten, wenn sie einen ansah [Mann; S. 18];

- определительные сложные слова, где цвет компонента-существительного входит в спектр базового цвета, в результате происходит детализация цвета – *himmelblau, azurblau*:

...ihr Kind... *himmelblaue Augen*... [Bredel; S. 256];

- определительные сложные цветообозначения, изображающие новый цвет через сему «максимальности» сходства цветового качества с цветом предмета, названного первым конститuentом композита – *pechfarben, schieferfarben*:

Das Mondlicht zeigte mir ein bartloses Jungengesicht, ... *helle, genaue Augen*, die alles wahrnahmen an uns und *die doch pechfarben waren* [Müller; S. 16];

- субстантивированные цветообозначения *das Blau, das Braun, das Goldbraun* (композиционные цветообозначения данного типа не только называют цвет, но и вносят в него модификации за счёт первой составляющей):

Lilas Bild... *das Braun der Augen...* [Frank; S. 80];

- сращения, первый элемент которых имеет определительное значение для второго – *braunäugig, blauäugig, schwarzäugig, dunkeläugig*:

Da waren dickliche und schwächliche Mädchen, blonde und dunkle, *hell-* und *schwarzäugige* [Bredel; S. 171];

- композиты дистинктивного типа, у которых одна составляющая – существительное – обозначает предмет, имеющий не одну, а несколько характерных для него окрасок, и роль второй составляющей – прилагательного – состоит в конкретизации одной из них – *goldbraun, stahlblau, wassergrau, wasserblau, wasserhell, kirschscharz* (например, наряду с *wassergrau* существует прилагательное *wasserblau*, кроме *stahlblau – stahlgrau*, также цвет золота имеет разные оттенки: *goldbraun* и *goldgelb*):

Kutte war ein geschiedener Mann und glaubte durchzublicken. Brüderlich schaute er *aus wasserblauen Augen* im rosigen Gesicht [Müller; S. 254];

Frank hatte schon Recht, wie so ein Surfer eben aussieht: ... *stahlblaue Augen* und ein siegesgewisses Lächeln, irgendwo zwischen «frech» und «charmant» [Oswald; S. 37].

Дистинктивные сложения возникают на основе реально существующих в природе явлений. Например, цветообозначения *wasserblau* и *wassergrau* различают голубоватый цвет чистой, прозрачной воды и серый цвет мутной воды; *eisblau* – цвет прозрачного, зеленовато-голубоватого хрупкого льда, *eisgrau* – цвет беловато-серого прочного льда; прилагательные *kirschrot* и *kirschscharz* передают цвет спелой (ещё красной) и переспелой (уже почти чёрной) вишни; в композитах *goldbraun* и *goldgelb* подразумевается цвет красного и жёлтого золота в зависимости от сплава.

Представленные выше основные и неосновные цветоименования имеют не только цветовое, но и образные значения. Эти значения есть определённое знание о мире. Значение слова, как показывают психолингвистические эксперименты, включает в себя существенное количество сем, как ядерных, так и периферийных. В значении слова твёрдо закреплены некоторые семантические признаки, не выделяемые дефинициями словарей. Эти признаки отражают результаты направления общественного познания на разные стороны предмета, и в разных условиях его существования и взаимодействия с предметами. Все эти познанные человеком стороны, признаки входят в значение слова в виде сем отдельных компонентов лексического значения [9; 3; 6]. Семы, входящие в толкование, отражают знание о предмете, называемом словом, это системное значение слова, т. е. совпадающая часть семантических компетенций всех носителей языка [10; с. 30-32]. Таким образом, каждое имя цвета выражает какое-то поле цветоощущений и в определенном контексте цветообозначения несут ту или иную стилистическую нагрузку, характеризуя не только цвет глаз, а, скорее, состояние души человека.

Характеристики человека через цветообозначения его глаз основаны на символическом значении каждого цвета, на ассоциациях, существующих в немецком языковом сознании в связи с различными цветами. Так, немецкие поэты Генрих Гейне и Фридрих фон Боденштедт пишут о глазах человека в лирической форме, имитируя фольклорное сознание, и называют те признаки, которые ассоциируются с каждым цветом глаз:

Ein graues Auge – ein schlaues Auge,

Auf schelmische Launen deuten *die braunen*,
Des Auges *Bläue* bedeutet Treue,
doch *eines schwarzen Augs*
Gefunkel
Ist stets, wie Gottes Auge,
dunkel

[F. von Bodenstedt, цит. по: Harenberg; S. 78].

Grüne Augen bedeuten den Frühling der Seele [H. Heine, цит. по: Harenberg; S. 78].

По народному представлению, серые глаза принадлежат человеку умному, толковому. Карие глаза свидетельствуют о склонности человека к лукавству. Чернота глаз ассоциируется с неясностью, неизвестностью и характеризует человека как скрытного, вызывающего сомнения, чёрные глаза считаются опасными. Глаза голубого цвета – символ преданности, верности, постоянства и доброты. Зелёный цвет глаз, с одной стороны, как цвет травы и листьев является приятным и говорит о душевной молодости человека; с другой стороны, считается, что один глаз сатаны зелёного цвета, что лежит в основе поверья о зелёных глазах как знаке завистливости, жадности, ревности – «У ревности зелёные глаза», – так считал У. Шекспир («Отелло»).

Немецкие писатели часто прибегают к одному из известнейших приемов в раскрытии внутреннего мира героев – к психологическому портрету персонажей, в том числе, к описанию глаз, которые часто являются наиболее точной характеристикой того или иного человека. Именно эта деталь портрета играет важную роль в раскрытии сущности каждого героя, ведь, как известно, глаза – зеркало души, в них отражаются личностные особенности каждого человека. Далее в данной работе представлены результаты семантического анализа цветообозначений глаз в произведениях немецких писателей разных эпох.

Цветообозначения глаз человека не делятся по возрастному критерию с точки зрения цвета, но с точки зрения всего богатства характеристик, которые у человека могут быть, как средство изображения личностных качеств человека, они проявляют особенности в каждом возрасте.

У новорождённого, как правило, глаза голубого цвета. Поэтому в контексте описания цвета детских глаз актуализируется, прежде всего, цветообозначение *blau*:
...zwei...Knaben. Natürlich hatten sie *blaue Augen* [Grass; S. 179].

Голубой цвет – цвет небесной чистоты – вызывает светлые чувства: *blau = von der Farbe wolkenlosen Himmels* [Duden]. Не случайно в немецком языке часто встречаются эксплицитные и имплицитные сравнительные конструкции *blau wie Himmel* и *himmelblau*, поскольку между лексемами *blau* и *Himmel* обнаруживается тесная семантическая связь.

Hermine, die Schwangere... Ununterbrochen konnte sie über ihr Kind reden. Hellblond würde es werden und große, *himmelblaue Augen* haben [Bredel; S. 256].

Со словами *blauäugig*, *die Blauäugigkeit* в немецкой ментальности связаны понятия «наивный, неопытный, простодушный, безобидный»: *blauäugig = naiv, arg, harmlos; blindlings zuversichtlich* [Küpfer]. Все эти качества присущи ребёнку. Голубые глаза часто описываются с помощью подтверждающих указанные значения эпитетов: чистые (*blank*), производящие впечатление неподдельности (*echt wirkend*), ничего (плохого) не выражающие (*nichtssagend*) глаза:

Er ... suchte *meine blanken, immer noch echt wirkenden dreijährigen Augen*, sah zuerst nichts als zweimal *dieselbe nichtssagend blaue Iris* [Grass; S. 279].

Простодушие, легкость, наивность, красота, ассоциируемые с голубым цветом детских глаз, послужили в немецком языке толчком к возникновению фразеологизмов:

blauäugig aus der Wäsche schauen = nicht wissen, keine Ahnung haben, keine Erfahrung haben “быть неопытным в каком-либо вопросе, не иметь понятия о чем-либо”;

etwas nicht nur um jmds. schöner blauer Augen willen tun = nicht aus reiner Gefälligkeit tun «сделать что-либо не ради красивых голубых глаз, т.е. не из чистой любезности» [Drosdowski].

Детские глаза представлены в текстах произведений немецких писателей и другими цветообозначениями. Как правило, в отношении детей любые цветообозначения употребляются в сопровождении детерминантов, подчёркивающих детскую красоту, невинность и чистоту. Например, на чистоту и невинность карих глаз эксплицитно указывает выражение *makellose Reinheit* в произведении Л. Франка; красота карих глаз подчёркивается дважды (во-первых, присутствием оценочного слова с мелиоративной коннотацией *schön*, во-вторых, употреблением в повторной номинации композита *das Goldbraun*, первая часть которого вносит в целое цветообозначение положительный эмоционально-оценочный компонент):

Lilas Bild... Selbst auf diesem Kinderbildchen war zu sehen, wie *das Braun der Augen schön* wurde durch die elfenbeinweiße Haut und diese *ihre makellose Reinheit gewann durch das Goldbraun der Augen* [Frank; S. 80].

В произведении писателя Новалиса в силу своего понятийного значения детерминанты *köstlich*, *bildschön* способствуют эмоционализации текста, поддерживают в контексте положительный заряд трикомпозиата *brandrabenschwarz*, первый компонент которого (*brandraben-*) выполняет роль показателя не только нюансов и интенсивности цвета, но и впечатления, выразителя субъективной оценки, ведь *schwarz* своим лексическим значением уже выражает предельную степень качества (оттого, что мы назовём чёрный цвет чёрно-чёрно-пречёрным, чернее он не станет):

...ein köstliches, bildschönes Kind.... *brandrabenschwarze Augen* [DRM; S. 35];

Для создания положительно-оценочных словосочетаний при характеристике детских глаз немецкие писатели Л. Тик и Э.Т.А. Гофман используют не только цветообозначения, но и светообозначение *hell*, а также детерминанты *funkelnd*, *glänzend* ‘сверкающий, искрящийся’, выражающие характерную особенность цвета и вызывающие ассоциации с блеском, сиянием звёзд на небе. Нередки сравнения *die Augen wie glänzende Azure*, двучленные метафоры *die Äuglein lebendige funkelnde Azure*, в которых существительное *Azure* приобретает значение того цвета, носителем которого является:

...Kinder ... mit *hellen Augen* sprangen umher [DRM; S. 55];

...Prinzessin Pirlipat... *die Äuglein lebendige funkelnde Azure*... [DRM; S. 284].

Примеры свидетельствуют о том, что для цветообозначений глаз людей в молодом возрасте типично наличие дополнительных характеристик, передающихся глаголами *leuchten* ‘светиться’, *strahlen* ‘сиять, лучиться’, *schimmern* ‘сверкать’,

aufblitzen ‘вспыхнуть, сверкнуть’, *funkeln* ‘сверкать, искриться’, *glänzen* ‘блестеть, гореть’, *fimmern* ‘мерцать, сверкать’, или образованными от данных глаголов причастиями. Нередко какая-либо из данных дополнительных характеристик может стать основой для возникновения образного сравнения:

...da quollen *die goldenen Haare wie Sonnenstrahlen* hervor und breiteten sich, als wär’s ein Mantel, über ihre ganze Gestalt. Nur *die Augen blitzten* heraus, so *glänzend wie die Sterne am Himmel* [Grimm; S. 663];

...alles übertrafen *seine Augen, deren Schwärze glänzte wie eine klare Neumondnacht* [Müller; S. 61].

Для характеристики глаз молодых людей в немецком языке имеются как сравнения, возникшие на основе соотнесения цвета глаз с традиционными денотатами, устойчиво ассоциируемыми с данным цветом (1), так и необычные, окказиональные сравнения (2):

(1) Er trank einen Schluck und sah mich mit *seinen riesigen, blauen Augen* an, die wie ein Stück Himmel in dem zerklüfteten Gesicht saßen [Remarque; S. 81];

(2) ...eine junge Frau... *die Augen, die von klar und eckig geschnittenen Lidern gehalten wurden wie zwei dunkle Steine von der Goldfassung* [Frank; S. 39].

Глаза одной из героинь романа В. Бределя “Die Väter” всегда переливаются, мерцают, пестрят разными цветами, что придаёт им загадочность и гипнотическую силу. Один из русских писателей XX века – Ю. Бондарев охарактеризовал подобное явление как “пёстрые” глаза [4; с. 24]:

Cäcilie Vogelmann... Ein winziges Stupsnäschen und *helle, bald grüngrau, bald graublau schimmernde Augen* gaben ihr ein ungewöhnliches und geheimnisvolles Aussehen... Brenten starrte ihr [Cäcilie] wie hypnotisiert ins Gesicht... Wie seltsam *diese Augen flimmerten, grau und gelb* [Bredel; S. 303, 310].

Для создания яркого образа глаза одного человека могут обозначаться разными цветоименованиями, что сразу выделяет его из общей массы, придаёт ему загадочность, так как этот факт не является распространённым во внешности человека:

...neue wissenschaftliche Mitarbeiterin... Als sie ihn anblickte, sah er, dass *sie ein blaues und ein grünes Auge hatte*. Jedes dieser Augen teilte ihm dieselbe Botschaft mit. Sie lautete: “Hier, in diesem Mahagonizimmer, wohnt die Macht. Hol mir die Macht, Bernie”... Im selben Augenblick dachte er an *das Mädchen mit dem grünen und dem blauen Auge*; er sah sie, wie sie ihn ansah. Die ägyptische Katze Kleopatra [Schwanitz; S. 28, 37].

Что касается оценочной характеристики глаз людей в молодом возрасте, то они обычно представлены с положительной стороны как чистые и невинные, какими обладают дети или животные:

Er hatte ein Dienstmädchen ins Haus genommen, die achtzehnjährige Tochter eines Schlossers. Sie war ein stilles liebes Mädchen, dicklich, mit unreiner Gesichtshaut und *braunen unschuldigen Tieraugen* [Frank; S. 85].

В юном возрасте цвет глаз особенно выразителен, как и цвет других частей тела. Поэтому для выделения его особой степени в языке присутствуют специальные средства градуирования цветового качества:

- наречие *genug* в постпозиции к словосочетанию *Farbadjektiv + Augen* показывает «особенно высокую степень качества» (besonders hoher Grad) [8; с. 20].

Genug (nachgestellt einen bestimmten Grad kennzeichnend) = in zufrieden stellendem Maß, genügend, ausreichend [Drosdowski]:

Der schwächliche, leicht gebückt gehende junge Mann [Jan Bronski] zeigte ein hübsches, ovales, vielleicht etwas zu süßes Gesicht und *blaue Augen genug, dass sich meine Mama, die damals siebzehn war, in ihn verlieben konnte* [Grass; S. 45];

- составной интенсификатор: наречие *viel* + частица *zu* в препозиции к словосочетанию *Farbadjektiv* + *Augen* указывает на «слишком высокую степень» (der zu hohe Grad) [8; с. 20]. *Viel* = sehr, wesentlich, bedeutend; *zu* kennzeichnet ein (hohes oder geringes) Maß, das nicht mehr angemessen oder akzeptabel erscheint [Drosdowski]:

Als ich die Schleife anzog, zuckte Jan, schob sein *viel zu blaues Augenpaar* über den linken Ärmel und *starrte* mich unbeweglich *blau* und wässrig an. Obgleich er ... nicht verwundet war, weinte er lautlos [Grass; S. 295].

Прилагательное *blau* имеет здесь настолько высокую степень качества, что способствует развитию у него переносного значения «красивый, производящий впечатление» и выполняет оценочную функцию:

Sei es *meiner blauen Augen wegen*, sei es der Heizsonnen wegen, die die Bildhauer um mich aufstellten... Anfangs waren die Maler noch allzu sehr *von meinem blauen Blick* beeindruckt. *So blau schien ich sie anzusehen*, dass Malers Pinsel mich ganz und gar blau wollte [Grass; S. 613].

Вследствие того впечатления, которое производят такие голубые глаза, возникает метафора *der blaue Blick*, основанная на «синестетической симилиации», то есть связи, которая «основывается на сходстве ощущения, восприятия, впечатления» [5; с. 44]. Благодаря этому в семантической структуре сложного наименования *der blaue Blick* с семантически несопоставимыми составляющими происходит сдвиг, и цветовая лексема употребляется в новом, непрямом значении «светлый, добрый, наивный». Взгляд голубых глаз вызывает светлые ощущения, сходные с теми, которые возникают при восприятии светлых предметов. Так, прилагательное *blau* отнесено не только к самим глазам человека, но и к его взгляду. Выражение *der blaue Blick* вызывает появление экспрессивного элемента, усиление коннотативного значения:

Gleich ... musste ich feststellen, in welcher peinlicher Vollkommenheit der Heiland meinem Taufpaten, Onkel und mutmaßlichen Vater Jan Bronski glich. *Diese naiv selbstbewußten blauen Schwärmeraugen!* ... Hatte doch ich *denselben blauen Blick*, der nur begeistern, nicht überzeugen konnte... Der *schaute mit meinen Bronskiaugen kobaltblau* in die Welt [Grass; S. 177, 180].

Сравним: самый темный из всех цветов – чёрный. Поэтому при переосмыслении цветового компонента *schwarz* в выражении *der schwarze Blick*, и светообозначения *dunkel* в словосочетании *der dunkle Blick* возникают другие, отличные от ощущения светлых цветов, коннотативные значения – «мрачный, печальный»:

Sie [Frau Lauer] sah ihn [Diederich] nur an mit rücksichtsloser Neugier. Es war schwer, *diesen dunklen Blick* auszuhalten... Er wurde aufgerufen – und kaum, dass er sich in der Tür zeigte, gingen alle Augen hin und her zwischen ihm und Judith Lauer. Sie war bleicher geworden, *der schwarze Blick*, der ihn zum Richter begleitete, vergrößerte sich noch, er bekam etwas stumm Eindringliches [Mann; S. 171, 177].

С цветообозначениями глаз в зрелом возрасте возникают различные ассоциации, отражающиеся в особых детерминантах. Так, глаза чёрного цвета способствуют созданию образа дерзкого, неистового человека (*wild, kühn*):

Der Reiter ... hatte den Turban tief ins Gesicht gedrückt; dies und *die schwarzen Augen*, die unter buschigen Brauen hervorblitzten, der lange Bart, der unter der gebogenen Nase herabhing, gaben ihm *ein wildes, kühnes Aussehen* [Hauff; S. 9].

Голубые глаза, напротив, часто ассоциируются с присущими детям добротой и простодушием, но упоминание светлых голубых детских глаз (*helle, blaue Kinderaugen*) отнюдь не гарантирует, что речь идет о ребенке. Так, в романе Э.М. Ремарка «Три товарища» читателю доподлинно известно, что описываемая личность – взрослый человек. В данном случае мы наблюдаем отношение контрадикторности характеристики с отражающим ее словом, обозначающим того, к кому она относится. Вероятно, род занятий человека накладывает отпечаток на весь его облик, в том числе и на глаза. Этим можно объяснить в отношении описываемого героя, который является священником (*der Pfarrer*), использование лексемы *Kinderaugen*, которая в качестве опорного слова всего словосочетания способствует активизации семантических потенций. Всё сочетание представляет собой по сути дела сравнение, подвергшееся компрессии: *blaue Kinderaugen = blaue Augen wie die Augen eines Kindes*. Ассоциативная связь с детским возрастом, вызываемая прилагательным *blau*, способствует становлению переносного значения метафорического типа «простодушный, доверчивый»:

«Guten Morgen... Gelobt sei Jesus Christus! Es ist selten, dass jemand um diese Zeit schon hier ist», sagte er [der Pfarrer] freundlich und sah mich aus *hellen, blauen Kinderaugen* an [Remarque; S. 303].

В современном немецком языке употребление сращения *blauäugig* в его фигуральном значении «наивный, доверчивый» является очень частотным, оно характеризует отношение человека к происходящему, к какой-либо ситуации:

Nicht blauäugig: E-Business-Strategien im Fuhrpark-Leasing... So hat die Autop Deutschland ... eine Internetplattform entwickelt, die formalisierte Prozesse – zum Beispiel die Fahrzeugkonfiguration, -kalkulation und – bestellung sowie die Verwaltung der Lieferzeiten und das Rechnungsmanagement – automatisiert. Ausserdem können sämtliche Kommunikationsvorgänge über die Plattform online erfolgen. Online-Lösungen wie diese sind weit entfernt von einer blauäugigen Internet-Euphorie. Zukunftsträchtige E-Business-Strategien bauen auf vorhandene profitable Geschäftsmodelle [Leasing; S. 14].

Одним из любимых приемов в немецкой художественной литературе является сравнение глаз с каким-либо материалом: драгоценным камнем, металлом, тканью и т.п. Для создания более эмоционального образа человека используются метафорические наименования глаз – *Kohleaugen, Bernsteinaugen*:

Professor Kuchen – schwarzer Bart, *Kohleaugen*, schwarzer kühner Schlapput, schwarze Ränder unter den Fingernägeln [Grass; S. 606].

Доминантные цветообозначения глаз пожилых людей сопровождаются, как правило, детерминантами с положительным эмоциональным зарядом – *warm, gut*, взгляд таких глаз дарит ощущение тепла. Цветообозначение *blau* часто употребляется параллельно с интенсификатором *tief*, имеющим прагматическое значение «глубокий, очень мудрый, неповерхностный», эта характеристика глаз распространяется и на самого пожилого человека:

Unter *dem warmen Blick des Alten* schlug Diederich sich auf die Brust. «Ich bin ein durchaus liberaler Mann!» ... *Die Augen des Alten waren blau und tief* [Mann; S. 97, 239].

Глаза чёрного цвета и в пожилом возрасте могут излучать сияние, искристость (*Funkelaugen*), что поддерживает положительное впечатление о *schwarz* как о цвете красивых и загадочных глаз:

...und als sie durch die Halme spähnten, war es ein alter Mann... Da bemerkten sie, dass er sie schon längst aus *schwarzen Funkelaugen* ansah [Mann; S. 73].

Негативное впечатление производят старческие выцветшие глаза. Например, нестандартные определения к существительному «глаза» вроде прилагательного *schieferfarben* «цвета шифера, т.е. серо-голубые» содержат отрицательный эмоционально-оценочный компонент, поддерживающийся детерминантами *erloschen* «потухшие, угасшие», *ekelhaft* «отвратительные», сравнением со слепотой и привидением:

Eine alte Frau mit ausgetretenen Gummischuhen blieb vor unserer Bank stehen. Sie hatte ein blaues, eingefallenes Gesicht und *erloschene, schieferfarbene Augen*, die aussahen, als wären sie blind. «*Ekelhaftes Gespenst!*» [Remarque; S. 404].

При изображении глаз пожилых людей часто присутствует выражение *rote Augen*. Цветообозначение *rot* в данном случае характеризует не радужную оболочку глаза, а покрасневшие глазные белки. *Rot* даёт в таком случае отрицательную характеристику, так как покраснение глаз является следствием накопленной в течение жизни усталости и измождённости:

Da kam ein altes Weib über den Markt her; sie sah *etwas zerrissen und zerlumpft* aus, hatte ein kleines, spitziges Gesicht, *vom Alter eingefurcht, rote Augen* und eine spitzige, gebogene Nase [Hauff; S. 135].

Красный считается также агрессивным цветом разрушительной силы, ада и слепой страсти. В сказках он нередко используется для описания внешности и создания образа отрицательных героев. Например, глаза базарной торговки, которая оказывается скрытой колдуньей, горят багровым огнём адского пламени (*die glutroten Augen*); негативное значение багрово-красного цвета детерминировано здесь последующим выражением *von höllischem Feuer*. Для создания полностью негативного образа старухи-ведьмы её внешность дополнена волосами чёрного цвета (что обычно не характерно для людей пожилого возраста) с целью усиления прагматического эффекта: *schwarz* выступает как символ зла и колдовства (*schwarze Hexe*). На мистическое значение чёрного цвета, закреплённое в народном сознании, указывает Л.С. Выготский: «Что такое чистый чёрный цвет? Это предел, переход за грань, провал в потустороннее» [1; с. 360]. Образ чёрной старой ведьмы дополняют детерминанты с резко негативной окраской (*zahnlos, knöchern, grinsend, gräßlich, höllisch*):

Ein langes, hages, in schwarze Lumpen gehülltes Weib! – indem sie sprach, wackelte das hervorragende spitze Kinn, verzog sich *das zahnlose Maul*, von der *knöchernen Habichtsnase* beschattet, zum *grinsenden Lächeln*, und leuchtende Katzenaugen flackerten Funken werfend durch die große Brille. Aus dem bunten, um den Kopf gewickelten Tuche starrten schwarze borstige Haare hervor... Da richteten *sich die schwarzen Haare der Alten wie Borsten* empor, *ihre glutroten Augen erglänzten von*

höllischem Feuer, und ... zischte sie, und lachte, und meckerte höhrend und spottend [Hoffmann; S. 53, 110].

В некоторых произведениях немецкой литературы встречается не обыденное, а аллегорическое использование словосочетаний «*Farbadjektiv + Augen*», которые олицетворяют отвлеченные понятия в образе человеческих глаз. В оригинальности таких выражений проявляется индивидуальность творческой манеры писателей. Например, в произведении И.В. Гете «*Willkommen und Abschied*» в виде сотни черных глаз воплощается тьма, тоска:

... da, wo *Finsternis* aus dem *Gesträuche*
Mit hundert schwarzen Augen sah [SDG; S. 178].

Итак, в данной работе были показаны наиболее часто употребляемые цветообозначения для характеристики глаз человека, при этом в характеристике глаз отражен не только цвет, но и нецветовые качества изображаемых героев. В словарях немецкого языка представлены, как правило, лишь стандартные сочетаемостные возможности слова *Augen* «глаза» с базовыми цветообозначениями, выступающими наиболее устойчивыми определениями к данному существительному. Но с учетом экстралингвистической действительности характеристика глаз и человека через цветообозначения отображается гораздо ярче и многообразнее за счет необозримых ресурсов немецкого словообразования и семантической модификации. Многие немецкие авторы сознательно акцентируют внимание читателей на такой детали портрета человека, как глаза. Сопровождающие цветообозначения глаз многочисленные эпитеты вносят дополнительные эмоциональные оттенки, подчеркивая и усиливая передаваемые через цвет глаз характеристики человека.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Психология искусства. М: Искусство, 1986. 572 с.
2. Гак В.Г. От толкового словаря к энциклопедии языка / Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1971. Т. 30. Вып. 6. С. 524-530.
3. Глушкова Е.И. Значение термина в художественном тексте / Аспекты лексического значения. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1982. С. 58-62.
4. Михайлов М.Н. Глаза в литературе XX века / Русская речь. М., 2002. № 1. С. 17-26.
5. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М.: Высшая школа, 1983. 123 с.
6. Першаева В.В. Опыт экспериментального определения значения зоосемизмов в русском языке / Аспекты лексического значения. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1982. С. 53-58.
7. Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии / Новое в зарубежной лингвистике. М: Прогресс, 1983. Вып. 14. С. 114-128.
8. Розина М.М. Категория суперлативности в современном немецком языке. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1998. 247 с.
9. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. 156 с.
10. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 137 с.

11. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М: Наука,1973. 280 с.

References

1. Vigotsky L.S. Psychologie of art. M: Art, 1986. 572 p.
2. Gak V.G. From explanatory dictionary to encyclopedia of the language / Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of the literature and language. M., 1971. Vol. 30. Publ. 6. P. 524-530.
3. Glushkova E.I. The meaning of the term in the artistic text / Aspects of the lexical meaning. Voronezh: Voronezh University, 1982. P. 58-62.
4. Michaylov M.N. Eyes in the literature of the XX. century / The Russian language. M., 2002. № 1. P. 17-26.
5. Nikitin M.V. The lexical meaning of the word (structure and theory of combinations). M.: High School, 1983. 123 p.
6. Pershaeva V.V. The attempt of the experimental determining of the meaning of the zoosemisms in the Russian language / Aspects of the lexical meaning. Voronezh: Voronezh University, 1982. C. 53-58.
7. Ray A., Delesal S. Problems and antinomies of the lexicography / The new in the foreign linguistics. M: Progress, 1983. Publ. 14. P. 114-128.
8. Rosina M.M. Category of superlatives in the modern German language. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorog linguistic University, 1998. 247 p.
9. Sternin I.A. Problems of the analysis of the structure of the word meaning. Voronezh: Voronezh University, 1979. 156 p.
10. Sternin I.A. The lexical meaning of the word in the speech. Voronezh: Voronezh University, 1985. 137 p.
11. Shmelev D.N. Problems of the semantic analysis of vocabulary. M: Nauka,1973. 280 p.

Источники литературных примеров

- Bredel W. Die Väter. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1980. 463 S.
Deutsche Romantische Märchen: Сборник / Сост. А.В.Карельский. М: Прогресс, 1980. 468 S. (DRM)
- Die schönsten deutschen Gedichte / Herausgegeben von Lukas Moritz. Köln: Anaconda Verlag, 2010. 672 S. (SDG)
- Drosdowski G. Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion unter der Leitung von G. Drosdowski. Dudenverlag: Mannheim / Wien / Zürich, 1989. 1816 S.
- Duden «Etymologie»: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / Völlig neu bearb. Von G. Drosdowski. Mannheim/Zürich/Wien: Dudenverlag, 1989. 839 S.
- Frank L. Links wo das Herz ist. М / Л.: Просвещение, 1965. 185 с.
- Grass G. Die Blechtrommel. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. 779 S.
- Grimm Brüder. Kinder- und Hausmärchen. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1964. 787 S.
- Harenberg Lexikon der Sprichwörter und Zitate (Mit 50000 Einträgen das umfassendste Werk in deutscher Sprache). Harenberg Verlag; Dortmund. 2001. 1600 S.
- Hauff W. Märchen. М.: Прогресс, 1956. 378 S.

- Hoffmann E. T. A. Der goldene Topf. Stuttgart: Philipp Reclam, 1996. 151 S.
- Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Ernst Klett Verlag: Stuttgart, 1990. 959 S.
- Leasing: Verlagsbeilage zur Frankfurter Allgemeinen Zeitung. 2002. № 116. 14 S.
- Mann H. Der Untertan. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1950. 380 S.
- Müller Ch. Die Verwandlung der Liebe. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1990. 256 S.
- Oswald G. M. Im Himmel. Hamburg: Rowohlt Verlag, 2003. 185 S.
- Remarque E. M. Drei Kameraden. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960. 445 S.
- Schlink B. Der Vorleser. Zürich: Diogenes Verlag, 1995. 207 S.
- Schwanitz D. Der Campus. Berlin: Goldmann Verlag, 1995. 383 S.

УДК 81' 243

*ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
ст. преп. кафедры русского языка
Тимошенкова Г.Ю.
Россия, г. Воронеж
8-920-415-65-44
g.timoshenckova@yandex.ru*

*Military Air Academy named after
prof. N.E. Zhukovsky and J.A. Gagarin,
the chair of Russian language,
senior lecturer
Timoshenkova G.Y.
Russia, Voronezh,
8-920-415-65-44
g.timoshenckova@yandex.ru*

Г.Ю. Тимошенкова

ОБРАЩЕНИЕ В РУССКОМ И ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье сопоставляются национально-культурные традиции образования и использования обращений. Рассматриваются особенности восприятия вьетнамцами российской системы обращений как части речевого этикета. Обращается внимание на необходимость учитывать специфику традиционных обращений в лингвокультуре вьетнамцев в процессе их обучения.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, речевой этикет, национально-культурные традиции, обращение, процесс обучения.

G.Y. Timoshenkova

APPEAL TO THE RUSSIAN AND VIETNAMESE LANGUAGES

This article compares the national cultural tradition of formation and use of references. Considers the peculiarities of the perception of Vietnamese Russian system of appeals as part of speech etiquette. Attention is drawn to the need to consider the features of traditional appeals culture of the Vietnamese in their learning process.

Keywords: communicative behavior, speech etiquette, national-cultural traditions, appeal, learning process.

Проблемам межличностного и межкультурного общения посвящено много лингвистических, психологических и социологических работ. Исследователи, в частности, отмечают, что носители той или иной культуры не осознают до конца национальной специфичности своего менталитета, не замечают, что обычные для них нормы поведения (в том числе и речевого) вызывают отторжение у собеседника и даже могут стать причиной конфликта. Например, культурные различия вьетнамцев и русских ярко проявляются в системе именованности человека (присвоения имени) и правилах обращения к собеседнику.

В русском языке именованность человека состоит из трех элементов (имени – отчества – фамилии), а обращение зависит от возраста и статуса собеседников. Различия между русским и вьетнамским языками в этом плане так фундаментальны, что порождают многочисленные ошибки при обращении представителей обоих народов друг к другу. К примеру, важно знать, что вьетнамских фамилий мало (менее 300 на все население), а имен чрезвычайно много, так как имя дается каждому новорожденному персонально, в знак уважения к неповторимой личности каждого человека. При этом порядок следования элементов вьетнамского именованности жестко закреплён (сначала всегда фамилия: *Нгуен Минь Ань, Ле Ван Хао*). Поменяв местами имя и фамилию вьетнамца, вы совершите досадную ошибку, а сократив его имя на русский манер (например, *Нгуен М. А.*), сделаете его неотличимым от тысяч других вьетнамцев [7; с. 99].

В России все наоборот: фамилий – большое множество (одна семья – одна фамилия, хотя есть и однофамильцы), а имен – сравнительно небольшой список, из которого родители могут выбирать готовое имя новорожденному, при этом фамилию и имя легко поменять местами (Иванов Михаил – Михаил Иванов). Иначе говоря, в ситуации межэтнического общения мало точно знать имя человека – необходимо учитывать культурные традиции и нормы коммуникантов. Это явление получило в науке название *коммуникативное поведение* – совокупность норм и традиций общения определенной группы людей [6; с. 45].

Известно, что общекультурные нормы коммуникативного поведения характерны для всей лингвокультурной общности и в значительной степени отражают принятые правила этикета, вежливого общения. Они связаны с ситуациями самого общего плана, возникающими между людьми вне зависимости от сферы общения, возраста, статуса, сферы деятельности и т.д. Говоря о соотношении понятий *коммуникативное поведение* и *речевой этикет*, отметим, что коммуникативное поведение – более широкое понятие, чем речевой этикет. Последний связан, в основном, со стандартными речевыми формулами в стандартных коммуникативных ситуациях, отражающими категорию вежливости, а коммуникативное поведение описывает тематику общения, восприятие тех или иных коммуникативных действий носителями языка, особенности общения в больших коммуникативных сферах типа семья, коллектив, иностранцы, знакомые, незнакомые и многих других. Иными словами, коммуникативное поведение включает речевой этикет как составную часть [8; с. 55]. Внутри понятия *речевой этикет* выделяют этикетные средства речи. Возможны этикетное общение и общение в основе своей не этикетное, хотя обычно в той или иной мере сопровождается этикетной информацией. Оно также может быть вербальным (словесным) и невербальным (несловесным, т.е. выраженным жестом, мимикой, интонацией и т.д.). Специализированные вербальные этикетные единицы называют формулами речевого этикета.

Обращение в качестве этикетного средства отличается от формул прежде всего своей коммуникативной несамостоятельностью. Личные местоимения *ты* и *вы*, как правило, выступают не в роли обращения, а в роли субъекта, например: – *Вы написали упражнение?* Но они могут выступать и в роли обращения в следующих случаях: – *Эй, вы! Идите скорее!*; – *Тише, ты!* Нетрудно заметить, что этикетные нормы в данном случае нарушены.

Н.С. Валгина дает следующее определение обращения: «обращение – англ. vocative – *вокатив* (звательный падеж, именительный воззвания) – формально не включенное в состав предложения слово или словосочетание, называющее того, к кому обращается говорящий, т.е. употребляющееся с целью привлечь внимание того лица, к которому обращается говорящий, ср. *звательная форма*» [2; с. 143]. Традиционным в России считается обращение по фамилии, имени, имени-отчеству или трехименное обращение (*Петров*, выйти из строя! *Николай*, как поживаешь? *Николай Иванович*, вы забыли портфель; *Петров Николай Иванович*, подойдите к администратору).

Форма обращения, связанная со степенью дружеских отношений, подразумевает упрощение или стилистические маркированную форму имён (Николай – Коля, Колян; Людмила – Люда, Мила, Люся, Люсёк и т.п.), формирование производных от имени, фамилии или отчества (Иванович – *Иваныч*). Обращение может сопровождаться выражением ласки, фамильярности т.д. Это отношение говорящего к собеседнику выражается при помощи интонации, суффиксов оценки, определений и приложений, например: милая Людочка, дорогой Николенька, *Милка-копилка*, *Стенка-растрепка*.

В русской разговорной речи распространены особые формы имен существительных для выражения обращений – усеченные, например: Люда, *Люд*,

помоги мне. Для разговорной речи также характерен прием повторения обращений с частицей *a* (усиленный призыв к вниманию): *Иван, а Иван, ты что, не слышишь?*

Помимо обращения по имени или фамилии, мы используем в речи специальные слова-обращения: «гражданин, господин, дежурный, доктор, профессор и т.д. Они выполняют в общении несколько функций: первая – обозначить адресата речи, вторая – регулировать тон и дистанцию обращения [1; с. 45]. До недавнего времени широко использовались слова *товарищ* и *гражданин*, а также сочетания этих слов с существительными, обозначающими звание, профессию, должность. Например: *Товарищ! Вы зонт, оставили! Гражданин! Вы выходите на следующей остановке? Гражданин судья, прошу занести это в протокол. Товарищ водитель, у вас проездные есть? Товарищ майор, разрешите обратиться?*

Слова *гражданин, граждане* сохраняются в употреблении (ср. типичные обращения: *граждане пассажиры, граждане встречающие* и т.п.), хотя и являются обращениями достаточно официальными. Обращения же *товарищ, товарищи* уступают место возрождённым формам *господин, господа*: *Вы, господин министр...; Господа депутаты*, вашему вниманию предлагается доклад... Эти формы обращения, однако, нельзя признать нейтральными и употребляемыми повсеместно: обращения *господин, господа* более характерны для официальных ситуаций общения и применяются при общении равных по статусу коммуникантов [8; с. 65].

В современном речевом обиходе распространены также обращения *молодой человек, девушка, друг, земляк, братан, командир, папаша, мамаша, сынок* (последние три слова не по отношению к родственникам), а также сравнительно недавно вошедшие в употребление *мужчина! женщина!* (*Мужчина! Сдачу забыли!*). В пределах литературно-нормированной речи находятся только обращения *молодой человек и девушка*, а остальные имеют просторечный или жаргонный оттенок.

Слово *товарищ* сегодня активно только в военной среде. Наиболее полно правила воинской вежливости отражены Уставе Вооруженных Сил РФ. Там нормативно закреплено правило воинского этикета: порядок обращения к военнослужащему на «вы» с употреблением слова «товарищ» как символа войскового товарищества; к нему добавляется наименование воинского звания или должности военнослужащего. Например: *товарищ курсант, товарищ майор, товарищ начальник академии* и т.д. [5; с. 99].

Во вьетнамском воинском этикете порядок обращения к военнослужащему не такой жесткий. Культура общения военнослужащих так же, как и в России, определяется Уставом и имеет ряд характеристик, которые отличают ее от этикетных форм невоенной сферы (категорическая императивность, необходимость обязательного выполнения; энергичная и четкая форма речевых действий; наличие установленной формы обращения). Во Вьетнаме также принято обращение «товарищ» ко всем категориям военнослужащих, например: *Товарищ младший сержант! Товарищ командир взвода!* Есть еще одна форма официального обращения к старшему по званию, которая соответствует слову «шеф» и в российском военном общении не применяется. В менее официальных ситуациях допустимы формы обращения по имени с добавлением специальных вокативов «anh», «chu» и «bac», что можно перевести как «молодой человек + имя» и «старший, пожилой + имя». Фамилию использовать не принято.

Система обращений в невоенной сфере вьетнамского гражданского общества отражает такую его характеристику, как жесткая иерархия коммуникации. Ее сущность заключается в том, что перед тем, как вступить в беседу, коммуниканту нужно осознать свое положение и узнать о положении своего собеседника [3; с. 106].

Так, вьетнамцы удивляются, когда члены русской семьи обращаются друг к другу на «ты», тогда как во вьетнамском речевом этикете строго соблюдается так называемая родовая и семейная иерархия, неукоснительное уважение к старшим. «Первое – учиться вежливости, а потом – литературе» (*Tiền học lễ hậu học văn*) – так говорят в народе. Выражая вежливость на базе определенных общественными отношениями и стереотипами правил, вьетнамец считает всех соотечественников родственниками и должен обращаться к собеседнику в определенной форме: тот, кто старше хотя бы на один год – «наш брат», на 10 лет – «наш отец» [4; с. 218].

Такая традиция употребления вокативов объясняется следующими фактами.

Во-первых, вьетнамское имя не имеет никаких вариантов (ср. в русском языке: полная и краткая форма, уменьшительно-ласкательные варианты имени, стяженные формы имени и отчества и т.д.).

Во-вторых, у вьетнамцев нет отчеств, т.к. по традиции считается, что нет ничего хуже, чем упоминать вслух имя отца. Наоборот, в некоторых сельских районах родители носят имена своих детей (чаще всего они называют себя по имени старшего сына). Если же старший сын умирал, к родителям обращались по имени их младшей дочери. Это широко употребляемое в повседневной жизни название (и соответственно обращение) по статусу показывает, что человек является матерью / отцом, а значит, уважаемым членом общества. Отличие этого типа именованья от русского отчества состоит в том, что оно не является паспортным вариантом имени.

«Паспортное» именованье отличается тем, что порядок следования элементов в нем жестко закреплён (сначала всегда называется фамилия: *Динь Ба Ань, Ле Вьет Хао*). Между именем и фамилией стоит обычно так называемое промежуточное (или подсобное) имя. В женских именах это обычно Тхи, в мужских именах – Ван. Компонент Тхи раньше входил почти во все женские имена. Для мужских имен выбор «подсобных» имен шире: в качестве «промежуточного» имени встречаются такие, как Нгок – «яшма», «нефрит», Хыу – «друг», «правый», Лиен – «союз», Суан – «весна» и др. При этом «подсобное» имя непостоянно и необязательно, его можно изменить, а можно обойтись и без него [7; с. 101].

Во вьетнамском языке, в зависимости от отношений, степени уважения к собеседнику и речевой ситуации в разговорной (а иногда и в письменной) речи употребляется множество различных вспомогательных слов. Перед именем обычно добавляют нижеследующие слова.

При обращении к мужчине это могут быть *ань* – старший брат; *онг* – господин; *тханг* – слово, подчеркивающее фамильярность обращения, носящее пренебрежительный оттенок. При обращении к женщине – *ти* (старшая сестра); при обращении к младшим – *эм*; при обращении к старшим – *ку* (дедушка или бабушка). Иногда добавляются слова со значением «дядя», «тетя», «товарищ» [4; с. 217].

Нужно подчеркнуть, что употребление личных имен во Вьетнаме ограничено. Только иногда в кругу родственников или близких друзей, а также при обращении к младшим используются имена. Например, по имени могут называть друг друга дети, молодежь; молодые люди могут обращаться друг к другу по имени, если они хорошо знакомы, а также юноша и девушка, любящие друг друга, муж и жена (но никогда в присутствии посторонних!) – до рождения детей. Личное имя используется в общении с младшими или ровесниками, в этом случае можно также использовать прозвища, данные их родителями для обращения в кругу семьи. Обычно эти прозвища не имеют никакой связи с личными именами детей.

При обращении к малознакомому человеку или к начальнику имя использовать нельзя. Так, вьетнамец ожидает от начальника мудрости и заботы, беспрекословно подчинится и будет соблюдать все усвоенные им нормы вежливости. Поэтому он

постарается избежать обращения к собеседнику (особенно к такому, кто старше) по имени или (если он в России) по имени-отчеству, заменив его нейтральным обращением (*извините, преподаватель, учитель* и т.д.).

Во вьетнамском официальном речевом этикете в качестве обращения приветствуется использование нарицательных имен, однако в строго определенных ситуациях. Большинство номинаций, употребляющихся для привлечения внимания адресата, являются именами существительными, обозначающими профессии, положение, занятия и т.д. (*заведующий, председатель, бухгалтер*). В настоящее время в офисах, компаниях, особенно иностранных, во избежание фамильярности наблюдается тенденция обращения по социальному положению. Во вьетнамском языке также существует ряд местоимений (*máy, mí, cáu, ban, dáy, dang äy, minh, em, con, cháu*) и вокативов родства (*cu, óng, bã, bö, те, bác, chú, íhim, duang, cáu, та, só, anh, chf*), являющихся эквивалентами форм *ты/Вы* [4; с. 219]. Выбор того или иного местоимения или вокатива при обращении в основном зависит от экстралингвистических факторов, которые коммуниканты должны соблюдать в целях поддержания корректного поведения в общении.

Итак, в обращении друг к другу современные вьетнамцы в соответствии с правилами речевого этикета, именуют друг друга следующим образом.

1. С помощью названия чина, должности или иного ранга, который человек занимает в обществе, после которого иногда может следовать имя.
2. По имени старшего/ей сына/дочери (и даже по имени внука/внучки).
3. По паспортному (личному) имени с обязательным добавлением вокатива родства, выбор которого зависит от коммуникативной ситуации.
4. По прозвищу, которое принято в семье (обычно для детей).

Таким образом, главное отличие русской и вьетнамской системы обращений заключается в том, что во Вьетнаме человека не столько именуют (как в России, когда даже к Президенту надо обращаться по имени и отчеству), сколько титулуют, т.е. называют титул, звание (*профессор Пак*) или, если можно так выразиться, проявляют уважение к его статусу. Например, используют при обращении возрастной статус (*старший, младший*) в сочетании с терминами родства (*брат, сестра*) независимо от того, являются ли собеседники родственниками. Причины такого явления лежат в общепринятой системе ритуалов, которые имеют глубокие корни и тесную связь с прошлым, и в меньшей степени – в почитании чувств и чести. В быту и культуре любого народа есть много явлений, сложных по своему историческому происхождению и выполняемым функциям. Для того чтобы понять их истоки, надо прежде всего изучать историю народа, его культуру, соприкоснуться с его жизнью и бытом, попытаться понять его душу и характер.

Библиографический список

1. Аминова Н.Н. Обращения, выраженные формами собственного имени, в аспекте обучения русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. № 3, 1987. С. 44–47.
2. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: учебник. М.: Агар, 2000. 416 с.
3. Ле Дык Тху. Некоторые особенности вьетнамского этикета в сопоставлении с русским // Русский язык за рубежом. № 1, 2003. С. 106–107.
4. Нгуен Ву Хыонг Ти. Обращения-вокативы родства в русском и вьетнамском общении // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания:

традиции и инновации: сб. по материалам Международной конференции (Москва, 17 апреля 2010 г.) М.: 2010. С. 216–220.

5. Платонов Б.Н. Воинский этикет. М.: Мир, 1983. 129 с.

6. Стернин И.А. Коммуникативное поведение и национальная культура // Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1. Гуманитарные науки. № 2, 1996. С.45–64.

7. Тимошенко Г.Ю., Нгуен Суан Чыонг. Национально-культурный компонент русских и вьетнамских фамилий // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: сб.ст. по материалам Межвузовской НПК курсантов и слушателей «Молодежные чтения памяти Ю.А. Гагарина 20 мая 2014 г.»: в 2-х ч. Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2014. Ч. 2. С.98–102.

8. Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. М.: ИКАР, 2002. 234 с.

References

1. Aminova N.N. Treatment expressed by the forms of his name, in the aspect of teaching Russian as a foreign language // English abroad. 1987. N 3. P. 44-47.

2. Valgina N. With. The syntax of modern Russian language: a tutorial. M: Agar, 2000. 416 p.

3. Le Duc Thu. Some features of Vietnamese etiquette in comparison with Russian / Russian language abroad. 2003. No. 1. P. 106-107.

4. Nguyen Vu Huong Tee. Treatment-Vocative of kinship in Russian and Vietnamese communication // Actual problems of the Russian language and its teaching methods: tradition and innovation: collection of materials of International conference (Moscow, April 17, 2010) М.: 2010. P. 216-220.

5. Platonov B.N. Military etiquette. M.: Mir, 1983. 129 p.

6. Sternin I.A. Communicative behavior and national culture // the Herald of the Voronezh state University. Series 1. The Humanities. 1996. No. 2. P. 45-64.

7. Timoshenkova G.Y., Nguyen Xuan Chuong. National-cultural component of Russian and Vietnamese surnames // Actual problems of humanitarian and socio-economic Sciences: Proc. of art materials Intercollegiate CDD students «Youth conference in memory of Y. A. Gagarin», May 20, 2014: 2 PM. Voronezh: Military training center of the air force «Air Force Academy», 2014. P. 2, p. 98-102.

8. Furmanovsky N. And. The culture of communication and speech etiquette. M: ICARUS, 2002. 234 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LINGVOCULTUROLOGY

УДК 801.2

*ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
канд. филол. наук, доцент
кафедры русского языка
Ревякина Т.Л.
Россия, г. Воронеж*

*Military Air Academy named after
professor N.E. Zhukovsky
and J.A. Gagarin
the chair of Russian language,
PhD, associate professor
Revyakina T.L.
Russia, Voronezh*

*ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
Айман Хашаш (Палестина)
Россия, г. Воронеж*

*Military Air Academy named after
professor N.E. Zhukovsky
and J.A. Gagarin
Aiman Khashash (Palestina)
Russia, Voronezh*

Т.Л. Ревякина, А. Хашаш

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ПАЛЕСТИНЫ

В данной статье дается понятие о коммуникативном поведении. При этом подчеркивается, что не уместно говорить о положительных или отрицательных качествах того или иного народа, т.к. эти качества отражают разные исторические условия развития, национальную психологию, национальный характер. Рассматриваются некоторые особенности коммуникативного поведения жителей Палестины.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, толерантность, культура, традиция, национальные особенности общения, межкультурное взаимодействие.

T.L. Revyakina, A. Khashash

COMMUNICATIVE BEHAVIOUR OF THE PALESTINIANS

In the article the notion of communicative behaviour is given. It is emphasized that talking about positive or negative qualities of a certain nation is inappropriate because these qualities reflect historical development, national psychology, national character. Some features of Palestinian communicative behaviour are cited.

Keywords: communicative behaviour, tolerance, culture, tradition, national features of communication, cross-cultural communication.

Проблема изучения коммуникативного поведения народа является весьма значимой для современного общества. Процессы глобализации вызывают необходимость перемещения жителей из одной страны в другую. При этом толерантность, умение адаптироваться к иной языковой и культурной среде являются основой безопасности. Как известно, язык связан с культурой народа и образом мыслей народа, поэтому, если человек приезжает в другую страну на длительное время, то ему необходимо также узнать традиции этой страны.

Культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, достигнутых народом в процессе исторического развития. Язык является зеркалом

национальной культуры: он отражает, хранит и передает из поколения в поколение её ценности, которые усваиваются народом в процессе обучения и воспитания. У каждого народа свои традиции, свой образ мыслей. Национальные особенности общения могут привести к непониманию, к серьезным ошибкам в восприятии тех или иных ситуаций, к неправильному пониманию мотивов людей [2].

Совокупность особенностей общения людей определенной национальности называется коммуникативным поведением народа, которое включает нормы общения и традиции общения [1]. Конечно, каждый народ состоит из множества отдельных людей, имеющих свои собственные коммуникативные привычки, но, говоря о народе в целом, можно выделить определенные черты коммуникативного поведения, считающиеся национальными.

При описании коммуникативного поведения разных народов нельзя говорить, что то или иное качество является положительным или отрицательным. Просто эти качества отражают разные исторические условия развития, разницу в национальном укладе жизни, национальной психологии, национальном характере [4]. В конкретных ситуациях общения некоторые национальные особенности коммуникативного поведения могут облегчать или, наоборот, затруднять решение тех или иных задач.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения коммуникативного поведения разных народов для решения проблемы межкультурного взаимодействия в современном мире, процессы глобализации и объединения в котором становятся основой развития.

Цель данной научной работы: изучение некоторых особенностей коммуникативного поведения жителей Палестины.

Материалом для исследования послужили научные статьи исследователей, разрабатывающих вопросы коммуникативного поведения, а также личные наблюдения за жителями Палестины.

Название «Палестина» происходит от «Филистия» – названия заселённой в древности филистимлянами (ивр. פְּלִשְׁתִּים, плиштим, буквально «вторгшиеся») части средиземноморского побережья нынешнего Израиля.

Согласно Библии, переселившиеся сюда во 2 тысячелетии до н. э. евреи называли эту область «Ханаан» («Кнаан» на иврите). У древних египтян основным наименованием этой земли было «Рецену» (Ретену), прилагали они к ней и названия «Пуенет» (Пунт) и «Тонетер» (Божья земля). Древнегреческий историк Геродот в V в. до н. э. назвал «землей Палестинской» нынешний сектор Газа по имени живших там филистимлян.

В 4 в. н. э. римляне установили свое непосредственное владычество в стране, провозгласив ее римской провинцией – Провинция Иудея (лат. Iudae).

Римский император Адриан подавил в 135 году н. э. восстание евреев против Рима под предводительством Бар-Кохбы. Он изменил название Иерусалима на «Элия Капитолина» и приказал всю территорию между Средиземным морем и рекой Иордан называть «Palaestina» (латинский вариант греческого названия). Переименование было проведено с целью стереть память об Иудейском царстве. Арабские завоеватели с 638 года называли страну «Фаластын» в качестве арабской формы названия «Палестина».

Во времена британского мандата название «Палестина» закрепилось за всей территорией Эрец Исраэль. В середине XX века от слова «Палестина» было образовано название «палестинцы» («палестинский народ», «арабский народ Палестины»), относившееся к арабам, проживавшим на данной территории, хотя прежде оно определяло всех жителей региона и не носило этнической окраски.

Создание государства Израиль явилось результатом долгого и сложного процесса, которую вели лидеры сионистского движения за создание национального очага на территории Палестины, а также победы в войне за независимость в 1948 – 1949 годах.

Решение ООН о разделе, после которого и было провозглашено о создании государства Израиль, также предусматривало выделение в Палестине территории арабского государства. План ООН был принят евреями и отвергнут арабами, в результате последующей войны разделение произошло по линии прекращения огня. Фактически эти территории оказались под контролем отчасти Израиля, отчасти Египта и Иордании, а государство создано не было. В 1967 в ходе Шестидневной войны вся территория бывшего мандата оказалась под контролем Израиля. Арабское государство Палестина так и не было создано. Израиль создал Палестинскую автономию. Ситуация продолжает оставаться неурегулированной.

В 1994 году в результате Соглашений в Осло была образована Палестинская национальная администрация, после чего название «Палестина» закрепилось за ее территорией, находящейся под частичным контролем Израиля. При этом в документах, подписанных между Израилем и Организацией освобождения Палестины по результатам «Соглашений в Осло», употребляется только название «Палестинская национальная администрация».

Палестина исторически делится на следующие географические области: Прибрежная равнина (у Средиземного моря), Галилея (северная часть), Самария (центральная часть, севернее Иерусалима) и Иудея (южная часть, включающая Иерусалим), Заиорданье (Трансиордания) – восточный берег реки Иордан. Этими географическими понятиями оперирует, в частности, Библия. В настоящее время территорию Самарии и Иудеи в русскоязычных источниках принято называть «Западный Берег реки Иордан». Галилея, Самария и Иудея состоят из ряда горных групп, долин и пустынь.

Горы на юге – Иудейское плато, в середине Самарийские горы (Гризим, Гевал (Эйвал), далее Фавор (Тавор) (562 м над уровнем моря), Малый Хермон (515 м), Кармель (551 м), на севере Хермон (2224 м). В глубоких впадинах значительно ниже уровня моря находятся Тивериадское озеро (Кинерет, 212 м ниже уровня моря) и Мёртвое море – самая глубокая сухопутная впадина на земном шаре, на 400 м ниже уровня моря [3].

Палестину можно назвать ожившей библейской легендой, землей, тесно связанной с именем Иисуса Христа. Эта страна имеет непростую многовековую историю.

У жителей арабских стран, Палестины в частности, есть своя иерархия ценностей. В своем подавляющем большинстве они исходят из убеждения, что «все в мире подчинено Аллаху и повинуется Ему, ничто не может совершиться без Его воли и Его всеведения. Он – Единственный Творец, создавший все, что существует в мире, в том числе человека и то, чем человек живет. Арабы верят в предопределение, то есть в то, что все происходящее в мире, как добро и зло, а также все дела людей обусловлены волей Всевышнего, Его определением и творением».

Среди моральных установок, которых стараются придерживаться арабы во всех ситуациях, мы встречаем и почтительное отношение к старшим (чем человек старше, тем он мудрее; вспомним роль советов старейшин в мусульманских странах), к родителям и любовь к детям, гостеприимство, скромность, вежливость, толерантность и признание существенных различий между мужчинами и

женщинами. Почитание родителей относится к числу важнейших в мусульманской среде моральных ценностей. Узнав, что американский партнер одного арабского предпринимателя отправил своих родителей в дом для престарелых (явление это весьма распространено в США), араб сурово осудил своего партнера, с которым он проработал вместе более 10 лет в одной весьма процветающей американской фирме, и заявил, что он никак не может понять человека, который готов отказаться от своих прямых обязанностей по отношению к родителям. Иерархия ценностей, которой традиционно придерживаются арабы, играет существенную роль в определении характера арабской культуры.

Все арабы в основном придерживаются единых точек зрения и оценок, когда речь идет о ценностях жизни, об иерархии ценностей. В проявлении единства подхода им не мешают ни национально-государственные, ни социально-классовые границы, поскольку арабское общество довольно консервативно и требует от своих членов соответствия во взглядах.

Основные арабские ценностные ориентации заключаются в том, что человеческое достоинство, честь и репутация – это высшие главные критерии.

Очень важно, чтобы человек всегда вел себя таким образом, чтобы о нем складывалось у людей только хорошее мнение.

Для арабов верность семье и ее традициям при любых обстоятельствах всегда считается приоритетом, лишь затем принимаются во внимание личные интересы.

Семейный фон, происхождение, принадлежность к определенному клану, роду являются важнейшими факторами, которые в первую очередь определяют общественный статус человека. Важно подчеркнуть, что индивидуальные качества человека и его успехи, достижения при таком подходе являются второстепенными.

Основные ценности и взгляды, которые составляют важную часть арабского религиозного кодекса, состоят в том, что каждый верит в Бога, исповедует единобожие, признает могущество Бога и Его власть. Любой человек независимо от его национального происхождения должен принадлежать к какой-либо религии.

Человек не может играть определяющую, решающую роль и контролировать все происходящие события. Многие вещи зависят от Бога. Арабы-мусульмане верят в судьбу.

Благочестие, набожность – социально одобряемые, важнейшие, наиболее привлекательные и высоко ценимые человеческие черты.

Религия не может быть отделена от государства. Она обязательно должна быть включена в учебный план школы, а правительство должно всячески поощрять преподавание этого учебного предмета.

Религиозные убеждения и принципы не могут и не должны становиться объектом всякого рода либеральных, реформаторских интерпретаций или пересмотров – это может представлять угрозу как общепринятым общественным взглядам, так и всей линии поведения людей.

Арабы считают, что по самой своей природе они благородны, великодушны, человеколюбивы, вежливы и весьма лояльны. Несколько исследований, проведенных в разных странах, показывают, что арабы рассматривают эти моральные ценности как идеальные, которые характеризуют их наиболее полно и точно и подчеркивают их отличие от других народов.

Арабы имеют богатейшее культурное наследие. Это подтверждается их огромным вкладом в религию, философию, литературу, медицину, архитектуру, искусство, математику и естественные науки [3].

Несмотря на многие различия, существующие между арабскими странами, арабы представляют собой достаточно четко фиксируемую, благодаря своим

специфическим чертам, культурную группу, которую принято называть арабской нацией.

Палестинцы – люди экспансивные и горячие. Для них характерны повышенная возбудимость и бурный характер поступков. Их действия сопровождаются импульсивностью, порывистостью, несдержанностью в проявлении своих чувств и эмоций. Но их горячность и гнев быстро так же быстро проходят, как и возникают. Жители арабских стран практически никогда не дерутся, хотя в процессе ссоры могут обмениваться друг с другом страшными угрозами.

Жестикуляция у арабов – активный помощник в разговоре. Жесты разнообразны и очень отличаются по значению от европейских.

Арабы чрезвычайно жизнелюбивы. Многие отмечают их доброту, миролюбие, незлопамятность и даже веселость. Например, по улице идет человек, вполголоса напевающий песню, через несколько шагов он услышит, как другие люди тоже начинают петь эту песню.

При выполнении работы для араба наиболее важна ее общественная оценка, чем сам результат. Видимость деятельности – распространенное явление. Типичная уличная картина на арабском Востоке – один работает, семеро дают советы.

Щедрость и гостеприимство – важные черты жителей Палестины. Они очень любят встречать гостей.

Таким образом, у жителей Палестины есть своя иерархия ценностей. В своем подавляющем большинстве они исходят из убеждения, что все в мире подчинено Аллаху, ничто не может совершиться без Его воли и Его всеведения. Данная иерархия ценностей играет существенную роль в определении характера арабской культуры, а также в коммуникативном поведении жителей Палестины.

Библиографический список

1. Белинская Е.В., Жичкина А.Н. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты. М., 2004. 157 с.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Теория и методы. М., 2007. 287 с.
3. История Востока: Восток в новейший период // Отв. ред.: В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. М., 2008. 800 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2007. 238 с.

References

1. Belinskaya E.V., Zhichkina A.N. Modern research of virtual communication; problems, hypotheses, results. M., 2004. 157 p.
2. Vorobyov V.V. Language and culture studies: Theory and methods. M., 2007. 287 p.
3. History of the Orient: Orient in modern period. M., 2008. 800 p.
4. Popova Z.D., Sternin I.A. Language and national culture of the world. Voronezh, 2007. 238 p.

УДК 159.9:659

*ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
преподаватель кафедры русского языка
Федотова Н.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. 8-910-738-53-20,
Natali.VL-Fedotova@yandex.ru*

*Military Air Academy named after
professor N.E. Zhukovsky
and J.A. Gagarin,
the chair of Russian language, lecturer
Fedotova N.V.
Russia, Voronezh,
8-910-738-53-20,
Natali.VL-Fedotova@yandex.ru*

*ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры
русского языка
Жидкова Ю.Б.
Россия, г. Воронеж,
тел. 8-910-738-19-80,
zhidkova_juliabori@mail.ru*

*Military Air Academy named after
professor N.E. Zhukovsky and J.A.
Gagarin,
the chair of Russian language,
PhD, senior lecturer
Zhidkova J.B.
Russia, Voronezh,
8-910-738-19-80,
zhidkova_juliabori@mail.ru*

Н.В. Федотова, Ю.Б. Жидкова

**К ВОПРОСУ О МЕЖКУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА:
УЧЕТ ОСОБЕННОСТЕЙ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ АРМЯН**

Данная статья посвящена коммуникативному поведению армянского народа. В основе исследования лежит анализ выявленных основных, доминантных черт поведения. Полученные результаты могут быть использованы преподавателями в подготовке к занятиям с армянскими студентами.

Ключевые слова: национальный характер, коммуникативное поведение, занятие, менталитет.

N.V. Fedotova, J.B. Zhidkova

**THE INTERCULTURAL COMPONENT OF THE EDUCATIONAL PROCESS:
ACCOUNTING FEATURES OF COMMUNICATIVE BEHAVIOUR
OF THE ARMENIAN PEOPLE**

This article is dedicated to the communicative behaviour of the Armenian people. On the basis of the conducted analysis identified major, dominant behaviour traits. The obtained results can be used by teachers in preparation for the training of Armenian students.

Keywords: national character, communicative behaviour, lesson, mentality.

В процессе формирования общемирового цивилизационного пространства взаимопроникновение и диалог культур многочисленных наций становятся все более актуальными. Для профилактики межнациональных эксцессов в принимающем иностранных граждан городе, учебном заведении или иной организации необходимо разрабатывать и проводить страноведческую и культурологическую работу с иностранными студентами и сотрудниками, направленную на облегчение и адекватное протекание процессов аккультурации; планомерное обучение российских граждан, контактирующих с иностранцами, основам межкультурной коммуникации,

особенностям и правилам русского и национального коммуникативного поведения, специфике менталитета, особенностям конфессионального поведения [2; с. 6-8]. Встречаясь с представителями других народов и культур, люди обычно имеют естественную склонность воспринимать их поведение с позиций своей культуры. Несмотря на индивидуальность характера отдельной личности, рассматривают некоторые общие черты характера некой социальной группы. В этом случае говорят о национальном характере.

В работах многих исследователей национальный характер предстает как специфическая совокупность типичных реальных черт нации. Психологический склад нации формируется под влиянием условий материальной жизни, географических факторов, особенностей исторического развития данной нации, проявляющихся в специфике ее национальной культуры. Национальный характер оказывается как бы ключом к объяснению жизни народа и даже его истории [3; с. 49].

В данной работе мы постарались сосредоточиться на выявлении основных, доминантных черт коммуникативного поведения армянского народа, которые проявляются представителями данного этноса в разных предметных ситуациях.

Описание коммуникативного поведения той или иной лингвокультурной общности выступает как часть страноведения, так как отчасти включает описание фактов этикета, национальных традиций и т.д. Коммуникативное поведение – это активное страноведение, знания в этой области нужны для активной коммуникации, в отличие от остальной, пассивной части страноведения – сведений о культуре, географии, истории, не находящих отражения в повседневной межкультурной коммуникации, а востребованные лишь по мере возникновения соответствующей проблематики в акте коммуникации [4; с. 67].

Непонимание чужого языка, символики жестов, мимики и других элементов поведения часто ведет к искаженному истолкованию смысла их действий, что легко порождает целый ряд негативных чувств: настороженность, презрение, враждебность. Знания в области межкультурной коммуникации помогают избегать межкультурных конфликтов в процессе расширения международного взаимодействия и межкультурных контактов.

Особая историческая судьба у армянского народа сформировала такие черты национального характера, как ярко выраженная национальная гордость и достоинство, любовь к родине, удивительное трудолюбие, энергичность и упорство, а также склонность к наукам и ремеслу, гостеприимство и знаменитое на весь мир армянское чувство юмора. Особенностью армянского менталитета является уважение личного достоинства и личной свободы и связанные с ними ярко выраженные индивидуализм и свободный дух. Традиционному армянскому менталитету чуждо чинопочитание в отличие, например, от китайцев или японцев. По словам известного армянского писателя Д. Демиросяна: «Армянин не выносит обрядов, манерности, степеней вежливости. В дипломатии заботится лишь об одном – быть искренним...» [1; с. 56]. Говоря о базовых чертах армянского национального характера, следует иметь в виду, что, располагаясь на стыке нескольких цивилизаций, а затем уже став восточным форматом христианского мира, армянское государство неизменно находилось в эпицентре разрушительных исторических событий. основополагающая черта характера армянина – сочетание жертвенности и неистового, бесшабашного мужества.

Армянские обучаемые очень гордятся тем, что именно их страна – первое в мире государство, которое приняло христианство как государственную религию. Также они гордятся священной горой Арарат, ведь по преданию, именно на вершине этой горы остановился Ноев ковчег после Всемирного потопа. С 1921 года Арарат относится к Турции, но армяне продолжают считать гору своей достопримечательностью. Следует отметить, что влияние религии в Армении значительно сильнее, чем, например, в России, и авторитет церкви как символ духовного и культурного единения народа в этой стране оставался высоким при любой власти [1; с. 60].

Важной чертой армянской ментальности является способность быстро адаптироваться при изменении внешних обстоятельств (иная страна, язык и т.п.). Вероятно, это вызвано исторически обусловленной практикой вынужденных массовых миграций армян на территории других государств. И даже если судьба бросала армянина в чужие края, он всегда оставался горцем: благородным и храбрым, честным и гостеприимным, чтящим превыше всего нравственность и семейные ценности, почитающим своих предков, всегда готовым встать на защиту своей родной земли, христианской веры и народа.

Отметим еще одну интересную особенность. Любовь армян к печатному слову и образованию была хорошо известна тюркским и монгольским захватчикам, запрещавшим и сжигавшим армянские книги. Тамерлан, к примеру, возвращал армянам изъятые книги только в обмен на огромный выкуп, собранный всем народом. После упомянутых событий в армянском языке появились уникальные выражения «книга попала в плен», «книга вызволена из плена» – не существующие ни в каком другом языке мира. Армяне очень гордятся своей письменностью, которая выдержала испытание временем и войнами.

Армянские обучаемые достаточно темпераментны и эмоциональны: если они с чем-то не согласны на занятии, то никогда не будут молчать, как, например, обучаемые из мусульманских стран. Они могут поспорить с преподавателем или между собой по какому-нибудь вопросу, причем это касается как учебного процесса, так и организационных моментов, всегда будут отстаивать свою точку зрения до конца. Почти все армяне гордые, самоуверенные, с завышенной самооценкой, поэтому в интернациональной группе, как правило, занимают лидирующие позиции, при этом как бы «принимают» всех остальных обучаемых (это связано и с лучшим знанием русского языка). В такой группе преподавателю следует приложить максимум усилий для создания нормальной психологической обстановки в аудитории. При формировании интернациональной группы следует учитывать тот факт, что армянские и азербайджанские обучаемые никогда не должны находиться в одной группе, так как это может привести к серьезным недоразумениям на занятии. Это связано со сложными политическими отношениями между странами, ведь предпринимавшиеся попытки урегулирования конфликта на настоящий момент успеха не принесли, граница с Арменией закрыта до сих пор, между этими государствами отсутствуют какие-либо дипломатические отношения (когда в 2012 году популярный конкурс «Евровидение» проходил в Азербайджане, Армения отказалась принимать в нем участие).

Также не следует забывать, что армяне очень обидчивы и вспыльчивы, поэтому преподавателю следует быть особенно корректным, чтобы случайно не обидеть их. При этом в некоторых случаях они способны к самоиронии.

Есть в общении с армянами определенные запреты (табу): с большой осторожностью следует говорить о семье, о мертвых людях. Любимые темы для споров у армян – это религия и история.

Отношение к женщинам в Армении не такое почтительное и строгое, как у мусульманских народов, поэтому внешний вид женщины-преподавателя в мононациональной армянской группе может быть менее строгим, чем в мусульманской. Находясь в России, армянские женщины никогда не появляются в общественных местах в одиночку, всегда только в сопровождении родственника-мужчины.

Про гостеприимство армянского народа знают во всем мире. Один путешественник отметил: «Есть три качества, которые на Кавказе делают человека известным и прославляют его: храбрость, красноречие и гостеприимство, или острый меч, сладкий язык и сорок столов» [1]. По любому радостному случаю обязательно надо накрыть стол там, где у тебя есть близкие люди: в доме, на работе и т.д. Обязательно нужно выпить и покушать – если ты не сделаешь этого, то ты не желаешь счастья этим людям. Чем чаще ты накрываешь стол (по любому поводу), тем больше тебе вернется – искренне считают армяне. Средняя продолжительность пребывания в гостях у армян составляет приблизительно 2-2,5 часа, когда приглашают к завтраку,

обеду или на чашечку кофе, и 3-4 часа – для ужина. В любом случае, уходить после ужина следует не позднее 24 часов. По армянскому этикету соглашаться следует только на третий раз, то есть, если, например, вам предложили поесть, то первые два раза нужно отказаться. Отношение к хлебу в Армении более уважительное, чем в России: его никто и никогда не выбросит. Интересно, что глагол «есть» переводится с армянского как «есть хлеб», а традиционная пресноватая армянская слойка гата, как и настоящий армянский лаваш, практически не черствеет. Самыми популярными блюдами у армян являются хинкали (большие пельмени), хашлама (баранина с пивом), долма (как русские голубцы, но вместо капусты используются лепестки винограда), а самыми популярными напитками – кофе, коньяк и вино. Хозяин дома обязательно произносит тосты в честь гостя, и даже если он видит его впервые, все равно сумеет в каждом тосте поведать обо всех талантах гостя, о его безграничной доброте и широте души. Тост считается хорошим, если его продолжительность не меньше десяти минут.

Просто так в Армении улыбаться не принято, но стоит поздороваться или о чем-то спросить (узнать дорогу или время), как тебя уже зовут в дом на чашечку кофе – любимого напитка армян.

В этой стране наблюдается очень уважительное отношение к своим предкам, к старшим, к родителям: к ним обращаются исключительно на Вы (дук), никогда не повышают на них голос, в присутствии старших считается неприличным громко разговаривать, курить (дети не будут курить при родителях даже в зрелом возрасте). Если в дом входит пожилой человек, молодые люди должны в знак уважения встать, а садиться только после разрешения старшего в доме. В отличие от России, где при приветствии старший мужчина первым подает руку, в Армении всегда первым подает руку младший. Старшее поколение мужчин при встрече еще и обнимаются. Старики играют значительную роль в решении важных семейных вопросов, к их мнению всегда прислушиваются. В стране практически отсутствуют дома престарелых: за старыми родителями чаще всего ухаживают младший сын и его семья, причем в провинции традиции соблюдают строже, чем в столице – Ереване.

В периоды глобальных смен эпох армянам удалось не только создать и сохранить, но и преумножить основные достижения своей древней уникальной культуры, зачастую даже в самых неблагоприятных условиях.

Преподавателям, работающим с обучаемыми из Армении, очень важно иметь представление не только о стране, но и о коммуникативном поведении армянского народа, так как это позволит избежать на занятиях различных недоразумений, а иногда даже конфликтов.

Библиографический список

1. Афонина К. В гости без звонка // GEO. 2004. № 9. С. 52-65.
2. Дедова О.М., Клушин А.Г. Основы межкультурной коммуникации: учебное пособие. Воронеж: «Издательство ВГМА им. Н.Н. Бурденко», 2011. 44 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание. Воронеж, 2007. 408 с.

References

1. Afonina K. In guests without a call // GEO. 2004. № 9. P. 52-65.
2. Dedova O.M., Klushin A.G. Fundamentals of intercultural communication: training manual. Voronezh: «Publishing House VSMA named by N.N. Burdenko», 2011. 44 p.
3. Maslova V.A. Cultural Studies. M.: Academy, 2001. 208 p.
4. Popova Z.D., Sternin I.A. General Linguistics. Voronezh, 2007. 408 p.

Правила оформления статей в Научном Вестнике

Уважаемые авторы, пожалуйста, следуйте правилам оформления статей для опубликования в Научном Вестнике.

Статьи представляются в электронном виде. Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4. Статья должна включать:

1) УДК;

2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) Аннотацию на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) Ключевые слова на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см. **Выравнивание текста – по ширине.** Для обеспечения однородности стиля не подчеркивайте текст. Отступ первой строки абзаца – 1 см. Не допускается для оформления статьи использовать Open Office. Просим, при наборе текста используйте клавишу «ПРОБЕЛ» только по основному назначению – для отделения одного слова от другого, для этого достаточно нажать клавишу «Пробел» **1 раз**. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал.

Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм).

Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа)

без точки в конце. После таблицы - пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54-67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТа. После слов **Библиографический список** точка или двоеточие **не ставятся**. *Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, красная строка 1 см.* **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

В одном номере публикуются не более двух статей одного автора.

С уважением, редакционная коллегия серии

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

<i>Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске канд. филол. наук, ст. преп. кафедры языкознания Морозова Н.С. Россия, г. Северодвинск, тел. +7(88182)53-84- 00 e-mail: morozovanadegda@mail.ru</i>	<i>Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk) The department of linguistics, PhD, senior lecturer Morozova N.S. Russia, Severodvinsk, +7(88182)53-84-00 e-mail: morozovanadegda@mail.ru</i>
--	--

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег. На материале поэзии XIX – начала XXI вв. выявляются образы, созданные по моделям «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*» и «*некий объект как первый снег*», тем самым устанавливается эстетическое значение сочетания *первый снег* и определяется круг реалий, при описании которых актуализируется образ первого снега.

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow. The images created according to the models «*the first snow as an object having certain features*» and «*an object like the first snow*» are described on the basis of poetry from the 19th to the early 21th c. It helps to reveal

the aesthetic meaning of «the first snow» and to determine the range of objects whose descriptions contain actualized images of the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег*, *первый снежок*, *первый снегопад*, *первые сугробы*, *первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

Среди названных выше сочетаний регулярность употребления характерна для синтагмы *первый снег*, что подтверждается использованием его в функции заглавия произведений поэтов разных эпох: П.А. Вяземского, А.М. Жемчужникова, С.А. Есенина, В. Брюсова, Б.Л. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Рубцова, Л. Мартынова, Т. Алферовой, В. Осипова, В. Шнейдера и др. Кроме того, сочетание *первый снег* наряду с названными синтагмами отличается большей частотой употребления. Эти условия

позволяют отнести синтагму *первый снег* к повторяющимся поэтическим сочетаниям, под которыми мы понимаем элементы общей системы поэтического языка, совпадающие у разных авторов, вычлененные из поэтического текста единицы, которые не утрачивают своей экспрессивности при неоднократном использовании поэтами, принадлежащими к одному или разным поколениям.

Анализ материала показал, что сочетание *первый снег* функционирует в русских поэтических текстах с различной контекстуально-смысловой нагрузкой. Заметим, что в нашем материале практически не встретились контексты из произведений XVIII в., что объясняется типом художественного мышления того времени – господством монументализма и масштабности. Это в свою очередь проявляется и в незначительном количестве произведений с описанием пейзажей, в том числе – зимних. Заметим, что для поэзии XVII в. характерна статичность в изображении природы, тогда как первый снег (в реальном мире и в художественной его модели) – это мимолетное, порой быстро исчезающее явление погоды.

Обозначим группы контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». В первую очередь к этой группе относятся контексты, в которых эстетическое значение синтагмы *первый снег* совпадает с узуальным значением составляющих ее единиц *первый* и *снег* в национальном языке. Например, *Поникли тополя. / Ложится первый снег. Пусты поля...* (Г. Адамович), *Завершился листопад, / Первый снег упал на крыши* (Л. Мартынов), *Уж мороз серебром темный лес разукрашивал,*

Подмерзала земля и снежок, / Первый, мягкий снежок припорошивал (Д. Бедный), *Первый снег плотину ярко выбелил* (А. Тимирева), *Выпал за окнами первый снежок, / Блекнет закат, догорая...* (М. Светлов), *Первый снег сапог хватает* (О. Фокина), *Три алые розы на первом снегу / У края лежат тротуара. / Их кто-то швырнул на ходу, на бегу. / Три искры ночного пожара* (И. Николукин) и др. В ряде случаев снег, являясь предметом изображения, становится и объектом эстетического осмысления. Сравнивая первый снег с каким-либо предметом из мира человека или с объектом природы, поэты подчеркивают различные оттенки проявления этого погодного состояния. Например, *Ручей прозрачный / Замедлит свой журчащий бег. / И на него фатой брачной / Небрежно ляжет первый снег* (К. Фофанов); *Я по первому снегу бреду <...> / Может, вместо зимы на полях, / Это лебеди сели на луг* (С. Есенин). Сравнение снега в первом случае с фатой, а во втором – с лебедями создает картину легкого, прозрачного, неплотного слоя, покрывающего воду, и картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом.

Кроме того, в эстетическом описании первого снега в текстах XX в. встречаются атрибутивы с общим значением «характеристика человека», которые, с одной стороны, передают особенности падения первого снега, создавая неповторимый образ, а с другой – выражают эмоции, чувства и ощущения, появляющиеся у лирического героя в эту погоду. И в этом случае образное осмысление первого снегопада различно. Например, *То идет он сверху вниз, / то снизу вверх – / озабоченный, растерянный, / чудной... / Я прекрасно понимаю / первый снег, / потому что так же было и со мной. / Время встало. / А потом пошло назад!* (Р. Рождественский), *Первым злым / Колючим снегом / Дрожит озябшая земля – / Зима жестоким печенегом / Пришла на мирные поля* (А. Жигулин), *На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идет из скрытности / И для отвода глаз. / Утайщик нераскаянный, – / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой!* (Б. Пастернак).

Итак, к группе контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», относятся контексты,

актуализирующие физические явления этого погодного состояния (*мягкий, пушистый, белый* и пр.), а также передающие их эмоциональное восприятие лирическим героем (*злой, озабоченный, растерянный*). Выдвижение тезиса о значимости образа первого снега для русской поэтической модели мира требует рассмотрения жизни образа в текстах XIX – начала XXI вв. в эволюционном аспекте, что дает возможность установить, как менялось значение образа, как и когда у него появились новые смыслы.

Обозначим контексты, в которых созданы образы по модели *«первый снег как объект, обладающий определенными признаками»*, составляющие группу с актуализацией ассоциативных связей образа снега. Так, достаточно устойчивым для поэтического сознания русских авторов является осмысление первого снега как «погодного явления, напоминающего о чем-либо важном или связанного со значимыми событиями в жизни лирического героя (и его автора)». Например, *Живо вспомнил я старое время, / Поздней осенью первый снежок, / И темнеющий сумрак вечерний, / И в окошке твоём огонек* (Л. Пальмин), *Ловит память тонким клювом / Первый снег и первопуток* (С. Есенин), *Сегодня мне немного непривычно, / Вокруг бело. И около Карпат / Такая тишь, которая обычно / Бывает только в первый снегопад <...> / Но каждый видит памятные дали / И первый снег, упавший на село* (К. Ваншенкин), *Очень гордая, / сама пришла ко мне, / равнодушие, обидное стерпя. / На твоих ресницах / тает первый снег...* (Р. Рождественский), *Пусть падают листки календаря, / пусть будет долог жизненный твой путь. / Но день двадцать шестого октября, / но первый снег его – забудь, / совсем забудь. / Как не было...* (О. Берггольц), *Погода напомнила / Осень в Тайшете / И первый на шпалах / Колючий снежок* (А. Жигулин), *Первый снег мне былое напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе, / Я оделся и вышел из комнат / Успокаивать горе в ходьбе* (Б. Поплавский), *О как легко плеча плечо / Касалось той поры <...> / Стелила свежий первый снег / Нам улица одна <...> / Еще идет там первый снег, / Есть улица одна, / И мы увидим белый свет / Из одного окна* (Л. Мочалов).

Другим доминирующим художественным признаком выражения эстетического значения образа первого снега является «особое эмоциональное состояние, которое появляется у лирического героя при любовании этой погодой». Впервые в русской поэзии своим восторгом при виде первого снега поделился с читателями П.А. Вяземский: *Приветствую душой и песнью первый снег* («Первый снег», 1819 г.). Запечатлеть исчезающую мимолетную красоту первого снега стремился А.М. Жемчужников в стихотворении «Первый снег» (1888 г.): *Так первый снег мне этот мил! / Скорей подметить! Он победу / Уступит солнечному дню; / И к деревенскому обеду / Уж я всего не оценю.*

Этот оттенок эстетического значения образа первого снега является актуальным для авторов на протяжении всего XX и начала XXI вв.: *Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил* (С. Есенин), *Счастлив видеть первый снег, / Стройных сосен колоннаду* (К. Ваншенкин), *А нынче, землю веселя, / Упала первая пороша* (Н. Браун), *По первому снегу так хочется ехать куда-то, / чтоб ночь, и вокзал, и билеты с проставленной датой, / но без указания станции – / вперед, наугад, что достанется* (Т. Алферова), [О первом снеге. – Н.М.] *<...> Снег прикрыл только ворохи бурой листвы, / А зеленых трав – не осилил. / С новым снегом становится кровь горячей / И смелей для пьянящего шага. / Черной жилкой пульсирует нервный ручей / В побелевшей бездне оврага. / С первым снегом тебя!* (А. Бобров).

Особенно ярко эмоциональное восприятие первого снега проявилось в произведении Д. Самойлова, где создана трогательная картина первого снегопада, который настолько гармоничен внутреннему миру героя, что у него при виде первого снега создается впечатление встречи с родственной душой: *Рано утром почувался снег. /*

Он не падал. Он лишь намечался. / А потом полетел, заметался. / Было чувство, что вдруг повстречался / По дороге родной человек. / А ведь это был попросту снег – / Первый снег и пейзаж Подмосковья.

В эту же группу контекстов вошли те, в которых образ первого снега связывается с творческим настроением героя, воспринимающего первый снег как время поэтического вдохновения. Заметим, что данный оттенок значения образа актуален лишь для современных авторов. Например, *Стихи идут по первому снежку* (Н. Горбаневская), *На белый лист строка ложится, / На белый лист. / А в небе первый снег кружится, Безгрешно чист. / Он до земли не долетает, / Неуследим. / И с ним душа моя витает / Над сном твоим* (В. Халупович).

Материал показал, что в поэзии XX в. за счет актуализации узуального значения прилагательного *первый* «первоначальный, ранний, происходящий ранее всех других» [3] образ первого снега приобретает еще одно значение. Семантика слова *первый* обуславливает «прочтение» этого образа в связи с общефилософской категорией начала, а сочетание *первый снег* приобретает символическое значение «начала чего-либо». Например, в стихотворении О. Берггольц образ первого снега актуализируется при описании первых (в прямом и переносном значении) шагов в жизни человека: *Точно детство вернулось и – в школу. / Завтрак, валенки, воробьи... / Это первый снег. Это первый холод / губы стягивают мои <...> / Точно первый снег, / первый шаг у дочки, / удивительный в октябре* (О. Берггольц). В стихотворении Е. Евтушенко образ первого снега появляется при осмыслении важных этапов жизни человека. Снег наделяется индивидуализированным значением: «у каждого свой первый снег (каждый по-своему воспринимает его)»: *И если умирает человек, / с ним умирает первый его снег, / и первый поцелуй, и первый бой... / все это забирает он с собой*. Повторение слова *первый* в сочетании со словами *снег, поцелуй, бой* в контексте этих строк позволяет интерпретировать данные субстантивы как обозначение понятий «начало жизни», «любовь», «борьба» – важные составляющие пути человека. Кроме того, в ряду *первый снег, первый поцелуй, первый бой* слово *снег* занимает особое положение: он открывает данный ряд и, обозначая в действительности часть природы, а не жизни человека, благодаря контекстуальному окружению приобретает символическое значение «всего первого, что произошло в жизни человека».

Так, у поэтического сочетания *первый снег* к концу XX в. постепенно расширяется контекстуальное окружение, которое формирует новые обертоны смысла. Образ первого снега на каждом следующем витке развития русской поэзии обогащается текстовыми семантическими приращениями, которые естественно связаны с многообразием поэтических индивидуально-авторских систем.

Второй аспект анализа полученного материала состоит в выявлении круга реалий, объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируется первый снег, его концептуальные признаки. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

В поэзии XIX в. природная белизна снега устойчиво актуализируется при описании цвета кожи: *спрыгнув с коня ретивого, / Точно первый снег бела, / Без рыданий к мужу мертвому / Василиса подошла* (И. Суриков), *Как первый снег та длань бела* (В. Кюхельбекер), седины: *Ветр власы его взвеваает, / Белые, как первый снег!* (А. Бунина), в конце XIX в. при описании небесного тела: *<...> светлая лазури высота / Горит незыблемо над нами. / И тусклая луна, бледна как первый снег / В лучах вечернего заката, бледна как первый снег* (К. Фофанов).

Для поэтического языка рубежа XIX – XX вв. характерны открытия новых метафорических возможностей поэтического слова, это время изменения

семантического строя, структуры поэтического образа; период активного освоения новых пластов лексики [1], эпоха «глубокой трансформации образного мышления в эстетическом сознании России» [2]. Эти тенденции развития поэтического языка проявились и в функционировании сочетания *первый снег*. Например, новым, неожиданным для языка поэзии стало сравнение звучания голоса смеющегося человека с первым снегом: *И серый глаз светлей воды с колодца, / И смех свежей, чем первый белый снег...* В этом случае актуализируется не только природный цвет снега, но и та прохлада, которая возникает в воздухе при первом снеге. Тем самым создается образ на основе синестезии: в передаче впечатлений от смеха (особого звука, издаваемого человеком) совмещаются признаки снега «цвет» и «холод».

Заметим, что названные черты поэтического языка сохранились на протяжении всего XX в.: образ первого снега актуализируется при описании человека, его внутреннего мира, душевного состояния. Например, *И тает первый снег / На сердце у меня* (А. Межиров). Обстоятельный компонент *на сердце* в конструкции *тает первый снег на сердце* дополняет содержание образа первого снега: в данном случае сочетание *первый снег* обозначает внутренний, эмоциональный холод, который был вызван событиями в жизни героя. Интересным представляется функционирование в этих строках глагола *тает*. С одной стороны, он актуализирует концептуальный признак снега как вида атмосферных осадков – свойство «превращаться в жидкое состояние под действием тепла», а с другой стороны, благодаря соседству с сочетанием *на сердце* приобретает переносное значение «исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь» [3]. В строках Ю. Кузнецова *Выхожу – а девушка смеется, / Весело смеется у ворот. / Вся она, как легкая пушинка. / И душой чиста, как первый снег* при создании образа невинно чистой девушки актуализируется признак белизны первого снега. Заметим, что такое осмысление белого цвета снега к этому времени становится традиционным для русской поэзии, однако в данном случае подчеркивается первозданная белизна снега, тем самым усиливается символическое значение белого цвета.

Наряду с этим образ первого снега актуализируется и при описании жизненных ситуаций. Например, *И покроется жухлая зелень / Первым снегом осенних невзгод* (А. Жигулин). В строке *первый снег осенних невзгод* синтагма *первый снег* приобретает дополнительное эстетическое значение «изменения в жизни человека и в природе, которые связаны с наступлением холодов». Генетивная метафора *снег невзгод* раскрывает комплекс ассоциаций: текучесть времени, неблагоприятные, менее всего ожидаемые нежелательные события, их близость и неизбежность.

Еще большее разнообразие художественных ассоциаций у образа первого снега находим в поэзии конца XX – начала XXI вв. Так, В. Лапшин использует образ первого снега при передаче красоты цветущей черемухи: *Он черемуху колышет. / А она-то, а она – / Снега*

первого белее. Однако более актуальным образ первого снега оказывается при описании внутреннего мира человека. Например, В. Болохов точно передает эмоциональные переживания пожилого человека, увидевшего первый снег через окно вагона: *И не одна душа / от суеты седая, / извечностью дыша, / вдруг стала молодая. <...> / Хотя была слеза – / как снег... / тот самый – первый...*

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целосность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin»s works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск №15, 2014 г.

Научный журнал

Подписано в печать _____.____.2014. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 17. Усл.-печ. л. 18. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства учебной и учебно-методической литературы Воронежского ГАСУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84